

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

- Александрова О. В.*, д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюменский государственный университет)
Фэвр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

- Новокрещенных И. А.* (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Буройна С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мишланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Шляхова С. С. д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки); с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки).

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2022

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Saint Petersburg State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Жужгов С. В. К изучению нестандартной лексики камня: обозначения кристаллов.....	5
Исаева Е. В. Тематическое моделирование в дискурсе компьютерной безопасности: исследование на примере публикаций информационных бюллетеней и новостных лент	18
Козловский Д. В. Реализация модусной категории «эвиденциальность» в условиях цифровизации дискурсивного пространства.....	27
Марьина О. В., Токтубаева А. Ж. Виды комбинированных синтаксических повторов (на материале текстов русскоязычных писателей Казахстана)	36
Морозова Е. В. О развитии терминологии жанра джаз в первой половине XX века в англоязычном дискурсе СМИ.....	42
Носрати А. Речевой акт благодарности в русской и персидской лингвокультурах.....	54
Шатохина В. С. Система верований Восточной Африки через призму пословиц языка суахили.....	63
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	71
Абашев В. В. Башня в символике поэзии Валерия Брюсова.....	71
Абашева М. П., Спирина К. С. Специфика конфликта в драматургии Ивана Вырыпаева.....	83
Иванова Е. А. Роман Джо Аберкромби «Красная страна» как фэнтези-вестерн: особенности жанровой природы.....	92
Лукина А. А. Амбивалентный феминизм Веры Полозковой: переосмысление русской поэзии в эпоху Интернета.....	101
Проскурнин Б. М. Ремесленничество против рыцарства: городская коммуна и исторический прогресс в поздних романах Вальтера Скотта	111
Склизкова А. П. Аксиологическая трансформация этических понятий в немецком натурализме. Драма А. Хольца «Семья Зелике».....	120
Фирстова М. Ю. Художественное воплощение принципов христианского религиозного учения унитариев в творчестве Элизабет Гаскелл.....	131

CONTENTS

<i>LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY</i>	5
Zhuzhgov S. V. On the Study of Nonstandard Mineral Vocabulary: the Names of Crystals	5
Isaeva E. V. Topic Modelling in Computer Security Discourse: a Case Study of Whitepaper Publications and News Feeds	18
Kozlovsky D. V. Realization of the Modus Category of Evidentiality in the Context of Digitalization of Discourse	27
Marina O. V., Toktubayeva A. Zh. Types of Combined Syntactic Repetitions (Based on Texts of Russian-Language Writers of Kazakhstan	36
Morozova E. V. Jazz Terminology in the English-Language Media Discourse: the First Half of the 20th Century	42
Nosrati A. The Speech Act of Gratitude in Russian and Persian Linguacultures.....	54
Shatokhina V. S. The System of East African Beliefs through the Prism of Swahili Proverbs	63
<i>LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT</i>	71
Abashev V. V. Tower in the Symbolism of Valery Bryusov's Poetry.....	71
Abasheva M. P., Spirina K. S. The Conflict in Ivan Vyrypaev's Dramaturgy.....	83
Ivanova E. A. Joe Abercrombie's 'Red Country' as a Fantasy Western: the Genre Features of the Novel.....	92
Lukina A. A. Vera Polozkova's Ambivalent Feminism: Reimagining Russian Poetry in the Internet Age.....	101
Proskurnin B. M. Handicraft versus Chivalry: Town Community and Historical Progress in the Later Novels of Walter Scott.....	111
Sklizkova A. P. Transformation of Axiological Concepts in German Naturalism. Drama 'Family Zelik' by A. Holtz	120
Firstova M. Yu. Artistic Embodiment of Unitarian Religious Principles in the Literary Works of Elizabeth Gaskell.....	131

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 81'373.46

doi 10.17072/2073-6681-2022-2-5-17

К изучению нестандартной лексики камня: обозначения кристаллов¹

Сергей Владиславович Жужгов

**научный сотрудник топонимической лаборатории кафедры русского языка,
общего языкознания и речевой коммуникации**

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Россия, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. sergey_zhuzhgov@mail.ru

SPIN-код: 7669-3080

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2328-0063>

ResearcherID: ABU-7551-2022

Статья поступила в редакцию 22.01.2022

Одобрена после рецензирования 18.03.2022

Принята к публикации 06.04.2022

Информация для цитирования

Жужгов С. В. К изучению нестандартной лексики камня: обозначения кристаллов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 5–17. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-5-17

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению нестандартных геммонимов, т. е. таких названий драгоценных камней, которые не принадлежат официальной международной минералогической номенклатуре. В отечественной лингвистике этот пласт лексики изучен пока недостаточно. Настоящее исследование представляет опыт осмысления идеографической специфики нестандартных геммонимов на материале названий кристаллов, бытующих на территории Среднего Урала, – в диалектной речи, а также речи камнерезов, «хитников» и минералогов-любителей. Выбор территории обусловлен наличием богатейшей традиции добычи и обработки камня. Для анализа отобрана лексика, обозначающая кристаллические минералы. Значительная часть названий была собрана в полевых условиях при участии автора статьи.

В работе предпринята попытка идеографической классификации номинаций кристаллов. Весь массив лексики был сгруппирован в 7 базовых тематических групп: «Цветовая характеристика кристаллов», «Специфика роста и тип образования кристаллов», «Включения в кристаллах», «Размер кристаллов», «Части кристаллов», «Процессы внутри кристаллов», «Качественная, драгоценностная характеристика кристаллов». Для некоторых лексем даны семантические, мотивологические, грамматические, иногда этнолингвистические и социоллингвистические комментарии. Выявлена степень наполненности для каждой тематической группы, проанализированы причины различий в уровне наполненности.

Ключевые слова: нестандартная лексика камня, геммонимия, кристаллы, Средний Урал, идеография, семантика.

Термин *нестандартная лексика камня* был введен в научный лингвистический дискурс в работе Е. Л. Березович «К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса» [Березович 2020]. Под *нестандартной лексикой камня* понимаются «названия минералов, минералоидов, горных пород (т. е. всего того, что наивное сознание категоризирует как “камень”), не относящиеся к официальной (научной) минералогической и геологической номенклатуре, которая, как правило, закреплена в международной практике и в кодифицирующих документах» [там же: 9]. В широком понимании это обозначение включает в себя не только названия «каменей», но и другие сопутствующие группы лексики, которые отражают специфику поиска, добычи, обработки и использования минералов и горных пород. В настоящее время сотрудниками кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ ведется большая работа по изучению указанных групп лексики [см.: Березович 2021а; Березович 2021б; Березович 2021в; Березович, Кучко 2021; Березович, Сурикова, Штернгарц 2021; Иванова 2020; Костылев 2021; Кривошапова 2020].

В настоящей статье представляется важным остановиться на рассмотрении семантических особенностей такой лексики, выделив для разработки особую тематическую группу, обозначающую **кристаллы** (а также некоторые связанные с ними реалии) и встречающуюся в речи геологов, минералогов, камнерезов и в целом любителей камня, живущих на Среднем и Южном Урале. Эти лексические единицы являются *геммонимами* (термин *геммонимия* соответствует термину *геммология*, который обозначает науку о самоцветах). Важно обозначить, что нами отобрана лексика, относящаяся к названиям только тех кристаллических минералов, которые являются таковыми в наивной картине мира, т. е. с точки зрения визуального восприятия, но не химических свойств. Почему выбрана территория Урала? Во-первых, как известно, *уральские самоцветы* имеют культурную значимость и общемировую известность. Во-вторых, этот регион славится не только собственно минералами, но и практикой их добычи и обработки, существующей более трех веков, отсюда богатство соответствующей лексики. При этом анализируемая лексика не едина в социолингвистическом отношении: как можно ожидать, здесь есть диалектный пласт, но он не является обширным, поскольку обозначаемые реалии весьма специфичны, а их обозначения относятся скорее к сфере профессиональной коммуникации (профессиональная лексика геологов, минералогов, жаргон хитников и пр.). Таким образом, большинство

анализируемой лексики имеет социолектную, а не диалектную природу и может функционировать на разных территориях, где имеет место добыча и обработка камня.

Важность темы видится нам в том, что изучение лексики камня имеет пока весьма слабые позиции в современной отечественной лингвистике, а такая работа значительно расширяет наше понимание об этом богатейшем лексическом пласте. Исследование проводится в рамках семантического подхода: изучаются те значения (идеограммы), которые получают лексический «отклик» при номинировании кристаллов.

В основе работы лежит материал, собранный сотрудниками кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, изучающими «каменную» лексику и ономастику Урала. Эти данные записаны в ходе полевой работы на Среднем и Южном Урале. Такая работа не только представляла собой привычные очные встречи с информантами, но и предполагала привлечение интернет-ресурсов, т. е. общение на профессиональных форумах, объединяющих любителей камня (полевые данные приводятся с паспортизирующей пометой [ЛТЭК]). Кроме того, материал пополняется благодаря письменным источникам: специальной минералогической литературе, «каменной» беллетристике и др.

Лексика камня отличается многоуровневой идеографической структурой. Объясняется это самой природой камня – минералы имеют большое количество разновидностей, выделение которых может быть обосновано различным образом – от территории добычи до цвета минерала. В настоящей статье фиксируется не весь изучаемый материал, а только базовые тематические группы.

Разработка исследуемой тематической группы возможна как при последовательном рассмотрении семем, отражающих видовую характеристику минерала, так и при анализе всего пласта лексики с выделением общих идеограмм, но не без актуализации (в нужных случаях) привязки к представлениям об определенном кристалле. Мы выбрали второй путь, что позволит выявить важные повторяющиеся идеограммы, характерные для изучаемой лексической системы. Таким образом, в классификации будут учтены слова, характеризующие **кристаллы** не какого-то одного, а **различных минералов**, а также лексические единицы, описывающие кристаллы определенного вида, но при этом реализующие признаки, которые могут быть выделены у разных кристаллических разновидностей. Так, слово *тяжеловес*, являющееся неофициальным обозначением топаза, не включено в нашу классификацию, поскольку в его основе мотивационный признак (вес кристалла), являющийся уникальным или

редким. В то же время слово *смоляк*, относящееся к мориону, представлено в классификации, поскольку признак цвета повторяется в обозначениях разных кристаллов.

Учитывались такие идеограммы, которые специфичны главным образом для нестандартной (а не для «официальной») лексики камня.

Выделяя идеограммы, мы учитывали как особенности самих реалий (и, соответственно, их категоризации сознанием), так и условность самой классификации как способа моделирования тех отношений, которые существуют в семантике. В ряде случаев для одного и того же названия идеографические основания можно сформулировать по-разному: например, «разновидности кристаллов по форме» и «разновидности кристаллов по типу образования». Второе основание более специфично, так как учитывает физико-химические свойства реалии. В связи с этим нами также было принято решение не включать объединение по форме в уровневую характеристику материала, а «развести» соответствующие названия по группам «разновидности кристаллов по типу образования» и «разновидности кристаллов по специфике роста». Если говорить об условности собственно классификации как способа выстраивания модели лексико-семантического поля, то следует отметить, что определенные идеограммы (скажем, характеристика по форме и одновременно по размеру) могут быть включены в разные классификационные рубрики: при представлении классификации целиком следует пойти именно по пути двойной (тройной) «привязки» одного и того же слова (сейчас, в рамках небольшой статьи, включать лексему дважды в разные разделы нет смысла, поэтому мы выбирали наиболее целесообразное решение). Верно и обратное: поскольку перед нами нестандартная терминология, здесь чаще, чем в стандартной, встречается многозначность (которая в принципе «противопоказана» терминосистемам). В этих случаях разные значения одной лексической единицы могут быть представлены в различных рубриках.

Наконец, последнее замечание: в классификации учтен не весь собранный материал (это существенно увеличило бы статью), а совокупность отдельных (наиболее показательных) примеров.

1. Цветовая характеристика кристаллов

1.1. Собственно цветовая характеристика

1.1.1. Монохромные кристаллы

лимонник ‘цитрин лимонного цвета’ — «Слабо окрашенный цитрин называют лимонником» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

уголь ‘черный турмалин’ — «Яхонт – красный самоцвет, скварец – кварц, уголь – турмалин

черный (рассыпается при приложении малого усилия)» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

уголёк ‘морион’ — «Есть у мориона еще другие названия. *Смоляком* называют, *угольком*, тут понятно, что по цвету» (ЛТЭК);

смоляк ‘кристалл мориона’ — «Смоляки торчат – кварчики тёмноцветные» [Маковецкий 2017: 9];

цыган ‘то же’ — (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

траурный камень ‘камень черного цвета (как правило, морион)’ — «Траурный камень – чёрный, так морион называют» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

вдовый камень ‘александрит’ — «Кровавый камень, вдовый камень – это александрит. Его надо носить в паре, например, кольцо у тебя – к ним серёжки, из него дорогие изделия. Он при изменении светового окружения меняет цвет» (Ср. Урал, Асб., Малышева) (ЛТЭК);

дымарь ‘дымчатый кварц’ — «Бывает, в пегматитовых жилах Адуйских копей встречаются кристаллы *дымарей* с очень хорошо образованными, ровными, глянцевыми зеркальными гранями» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

сало ‘непрозрачный белый минерал, предвестник более ценных минералов’ — «По жиле идешь – попадаете одно сало, мутный беловатый камень, но он предвещает, что скоро будет хороший камень» (Ср. Урал, Реж., Черемисское) (ЛТЭК);

молочный / газовый ‘о непрозрачном кварце белого цвета’ — «*Газовый* это непрозрачный, белый кварц, *молочный* еще говорят» (Ср. Урал, Асб., Малышева) (ЛТЭК).

Интересно, что преобладает мотивационный признак черного (темного) цвета. Во-первых, это бросающийся в глаза признак; во-вторых, следует учитывать культурные коннотации черного цвета в народной символической картине мира (траур, вдовство и пр., см. подробнее об этой символике в обозначениях минералов: [Березович, Сурикова, Штернгарц 2021]).

Актуализируется и непрозрачность белого кварца – горного хрусталя. Причиной тому, очевидно, обычная прозрачность кристаллов, потому отсутствие прозрачности становится дистинктивным признаком. Образ молока (*молочный кварц*) входит в оппозицию с образом воды, используемым в номинации прозрачного кристалла, ср. *чистая вода* (см. п. 7.1 настоящей статьи).

1.1.2. Полихромные кристаллы

арбузик, арбузник ‘полихромный кристалл турмалина зелено-красной расцветки’ (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

арбузный турмалин ‘то же’ — «*Арбузный турмалин* внутри красный, а снаружи зеленый – как корка зеленая у арбуза» (Екатеринбург) (ЛТЭК);

голова араба ‘полихромный кристалл турмалина с темной головкой’ — «Голова араба обычно называют – черная голова» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

голова мавра ‘то же’ — «Некоторые термины вышли из употребления, *голова мавра*, например, видимо из-за отсутствия находок такой красоты» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

голова негра ‘то же’ — «Турмалин с шерловой шапочкой называют *голова негра* – как голова черная» (Нижний Тагил) (ЛТЭК);

черноголовик ‘то же’ — «Черноголовики в Липовке встречались. Сначала белый цвет идет, потом розовый, потом синий, на головке черный» (Ср. Урал, Реж., Черемисское) (ЛТЭК);

чернильная шляпка ‘полихромный турмалин с темно-синей головкой’ – «Мне недавно геологи рассказали, что для турмалинов из Липовки придумали название *чернильная шляпка*. Это как *голова мавра*, только мавр черный, а эта темно-синяя. Турмалин с темно-синей головкой» (Екатеринбург) (ЛТЭК).

1.2. Степень насыщенности цвета

однёрка ‘разновидность изумруда в зависимости от цвета: изумруд наиболее насыщенного темно-зеленого цвета, наиболее редкий и ценный’ — «Нашел, скажут, двойку, тройку, четверку – в зависимости от цвета. Однерка – самый темный цвет, самый насыщенный, а пятёрка – уже к бериллам относится» (Ср. Урал, Асбест, Малышева) (ЛТЭК);

двойка ‘изумруд чуть менее насыщенного темно-зелёного цвета, чем *однёрка*, однако тоже ценный и редкий’ (Ср. Урал, Асбест, Малышева) (ЛТЭК);

тройка ‘средний по цветовой шкале изумруд’ (Ср. Урал, Асбест, Малышева) (ЛТЭК);

четвёрка ‘светло-зелёный изумруд’ (Ср. Урал, Асбест, Малышева) (ЛТЭК);

пятёрка ‘светло-зелёный, наименее насыщенный цветом камень, нередко квалифицируемый уже как берилл’ (Ср. Урал, Асбест, Малышева) (ЛТЭК).

Группу лексем, относящихся к кристаллам берилла, можно рассмотреть как семантическую микросистему с отношениями градации. Особенности ее построения обусловлены тем, что это факт профессиональной лексики, бытующей, в частности, среди работников Мариинского прииска (Асбестовский район Свердловской области), где происходит промышленная отработка берилла, а далее внедрившейся в язык среднеуральских хитников, продавцов и покупателей камня. В данном случае появление такой лексики обосновано драгоценностными характеристиками обрабатываемого минерала, однако важность и распространенность идеографического различ-

ния лексем по насыщенности цвета подтверждают и другие номинации, приведенные в этой группе.

вышак ‘о кристалле густого, насыщенного цвета’ — «*Вышак* – это самый насыщенный» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

бледняк ‘о бледном, ненасыщенном кристалле’ — «*Бледняк* – бледный такой кристалл» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК), *бледный* ‘собр. о совокупности камней ненасыщенного цвета’ — «Там задир сделали свежий. Я ещё *бледного* набрал чуток и вавеллит попался» (ЛТЭК: Мин. фор.);

рауховатый ‘о кристалле дымчатого кварца с невыраженным цветом’ — «Ну вот, скажут, *рауховатый*, слабенький цвет» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК).

Лексема *рауховатый* любопытна с точки зрения словообразования, поскольку реализует модель с суффиксом *-оват-* со значением неполноты качества. В русском языке эта модель продуктивна, однако в нестандартной лексике камня практически не встречается.

2. Специфика роста и тип образования кристаллов

2.1. Специфика роста, характерная для кристаллов определенных месторождений

адуйский глянec ‘кристалл дымчатого кварца с глянцевыми ровными гранями, который добывается в Адуйских коях’ — «Бывает, в пегматитовых жилах Адуйских копей встречаются кристаллы дымарей с очень хорошо образованными, ровными, глянцевыми зеркальными гранями. С отличным блеском. Это и есть знаменитый *адуйский глянec*» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

кочкарский кварц ‘бесцветный кристалл кварца необычной пластинчатой формы, который добывается на Кочкарском месторождении’ — «*Кочкарский кварц* (или *качкарский*, спорно), его еще называли *рыбками* и *бритвами*, но это уже во времена СССР» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.).

В первом случае речь идет об Адуйских коях Режевского района Свердловской области. Вторая номинация, по всей видимости, привязана к так называемому Кочкарскому месторождению в Пластовском районе Челябинской области.

2.2. Специфика роста кристалла, обуславлившая их особую форму

бритва ‘бесцветный кристалл кварца необычной пластинчатой формы’ — «*Кочкарский кварц* (или *качкарский*, спорно), его еще называли *рыбками* и *бритвами*, но это уже во времена СССР» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

рыбка ‘бесцветный кристалл кварца необычной пластинчатой формы’ (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

веер ‘форма совместного роста кристаллов, напоминающая веер’ (ЛТЭК: Мин. фор.);

ёжик ‘форма совместного роста кристаллов, напоминающая ежа, друза’ — «Ёжик классный, но щетка аметистовая вообще супер!» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

кленовик ‘форма роста кристаллов (тройник), более характерная для александрита’ — «Три кристалла, три двойника срослись – это *пешка*. А если достнешь *пешку*, а у нее штрихи, как у листа – то *кленовик*, похоже на кленовый лист. *Кленовик* более плоский, *пешка* более толстая. Александрит *пешкой* бывает» (Ср. Урал, Асбест., Малышева) (ЛТЭК);

кубастик ‘кристалл топаза округлой формы’ (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

лягушка ‘кристалл кварца, выросший на более крупный кристалл’ — «*Лягушками* называются кристаллы кварца, выросшие на более крупный кристалл. К чему этот знак, я не ведаю» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

огурец ‘кристалл хрусталя вытянутой формы и большого размера’ — «Кстати, такие же жилы и на Хрустальном острове. Вытаскивал буквально с метра *огурцы* хрусталя по 15 см.» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

строганец ‘длинный и тонкий кристалл хрусталя’ — «Ведь с чего началось? Искал Ерофей Марков *дурмашки* да *строганцы* и нашёл в той яме золотые комышки» (Бажов 2019: 531);

пешка, пешечка ‘форма роста кристалла, характерная для хризоберилла, напоминающий по форме пешку’ — «А хризоберилла *пешечки* не находили случаем?» (ЛТЭК: Мин. фор.);

турмалиновое солнце ‘форма роста кристаллов турмалина в виде радиально-лучистых сростков’ — «Имеются также устные указания на находки турмалиновых солнц, сложенных зеленым турмалином – верделитом» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

чижик ‘форма роста кристалла, заостренная с двух концов’ — «Двухголовик на скипетре, прозрачный, как *чижик*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

шуруп ‘деформированная форма роста кристалла, скрученный кристалл’ — «Кстати, спасибо, что сфоткал в стерео – трёхмерный вид этого *шурупа* просто шикарен» (ЛТЭК: Мин. Фор.);

саморез ‘то же’ — «Такого *самореза* из Итауза мне видеть ещё не доводилось. У меня лежит совсем небольшой крученный кристалл меди оттуда, но до твоего ему далеко» (ЛТЭК: Мин. фор.);

кручёник ‘то же’ — «Этот кварц – *гвиндель* как будто скрученный, такие образцы очень редко встречаются, их *кручёниками* называют» (Екатеринбург) (ЛТЭК);

солнышко ‘форма роста кристаллов в виде радиально-лучистых сростков’ — «Будучи в том районе нашел похожую, однако астрофилит не палки в кварце, а *солнышки* и *снопики* сантиметров по пять» (ЛТЭК: Мин. фор.);

снопик ‘форма совместного роста кристаллов, напоминающая сноп’ (ЛТЭК: Мин. фор.);

гайка ‘шестигранный кристалл турмалина’ — «Получается, с одной стороны эта *гайка* представляет вполне качественную усеченную пирамиду. А вот с обратной видно, что кристалл образован множеством сросшихся малых кристаллов, сформировавших причудливый рельеф, который кто-то и назвал *розой*» (ЛТЭК: Мин. фор.);

роза ‘кристалл турмалина, напоминающий розу’ (ЛТЭК: Мин. фор.);

почтовый конвертик ‘форма роста кристалла, напоминающая почтовый конверт’ — «У него четко видна его отличительная особенность – форма кристалла *почтовый конвертик*» (ЛТЭК: Мин. фор.);

ракушка ‘плосковогнутый кристалл, структура которого напоминает ракушку’ — «*Ракушка* – целый плосковогнутый кристалл, не обломок *залеченный*» (ЛТЭК: Мин. Фор.);

зуб акулы ‘кристалл кварца в форме зуба’ — «Хрустальный *зуб акулы*» (ЛТЭК: Мин. Фор.);

кактус ‘кристалл кварца, напоминающий кактус’ — «А вы посмотрите на дальнегорские *молочные кактусы*» (ЛТЭК: Мин. фор.);

карандаш ‘кристалл кварца в форме карандаша’ — «Купил карандаш турмалина, размеры примерно 70×30×30, нормального качества, на кулон»;

бычья голова ‘кристалл в форме головы быка’ — «*Бычья голова* может быть любой камень, это форма такая: пятак, глаз, рог – кристаллы так торчат с материнской породы» (Ср. Урал, Асбест, Малышева) (ЛТЭК).

2.3. Специфика роста кристалла, обуславлившая его особый узор

бастионник ‘кристалл кварца со сложными гранями’ — «*Бастионник* – мы так называем кристаллы кварца со сложными гранями, напоминающими некие фортификационные сооружения. Интересно, что местечково, в частности, в д. Кайгородской, подобные камни называют *шишки*. В принципе, похоже» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

шишка ‘то же’ (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

змеиный кварц ‘кристалл кварца с определенным узором, напоминающим змеиную кожу’ — «По *артишоковому кварцу*: его сейчас обзывают *змеиным*. Димасик продает такой образчик» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

артишоковый кварц ‘то же’ (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.).

2.4. Специфика роста, обусловившая особо сложную структуру по форме и узору

аквариум 'кристалл сложной структуры с верхней частью, образованной прозрачным кварцем' — «Очень много красивых образцов добыто. Основание из пропитанного кварцем серицита и растущих из него других минералов (рутила, турмалина, брукита и др.), а верх представлял абсолютно прозрачные участки кварца. Если разглядывать через эти окошки – получались прекрасные пейзажи. Такие камни так и называют *пейзажными* или *аквариумами*» (Екатеринбург) (ЛТЭК);

пейзажный камень 'то же' (Екатеринбург) (ЛТЭК);

телевизор 'кварц с включениями хлорита (о кристалле крупного размера угловатой формы)' — «Такой камень как телевизор: вкрапления как полоски на экране. Так называется *телевизор*. А это *аквариум*, он круглый. *Телевизор* другой: он большой должен быть и прямоугольный» (Нижний Тагил) (ЛТЭК).

2.5. Специфика роста, обозначенная через связи с другими минералами или породой

2.5.1. *Сросшиеся кристаллы или «заросшие» мелкими кристаллическими образованиями*

двухголовик 'кристалл кварца с двумя головками, двойник' — «Ладный красавец, прозрачный двухголовик с мужскую ладонь был начисто отмыт в неглубокой луже» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хит. Ур.);

дымтрин 'кристалл в виде сростка дымчатого хрустала с цитрином' — «Это сросток дымчатого хрустала с цитрином, вот они и образовали слово *дымтрин*» (Ср. Урал, Екатеринбург) (ЛТЭК);

заснеженный 'о кристалле, заросшем халцедоном или мелким кварцем' (ЛТЭК: Мин. Фор.);

бутерброд 'форма совместного роста кристаллов, расположенных друг на друге' — «*Бутерброд*: кварц, берилл, морион» (ЛТЭК: Мин. фор.).

2.6. Специфика роста кристалла, определяющая оценку его качества или особенностей обработки

гнилой топаз 'трещиноватый кристалл топаза' — «Мастеровые называют топазы последней разности "*гнилыми топазами*". Кристаллы эти, по причине множества трещин, их наполняющих, удобно втягивают в себя влажность, поэтому легко разламываются на мелкие куски даже от самого слабого давления пальцами» [Поляков 2000: 57];

сырец 'большой трещиноватый кристалл' — «Внутри жилы сидят *сырцы*, окруженные со всех сторон кварцем или полевым шпатом, хрупкие и не годные для огранки»; «Но замечательно, что гнезда отсутствовали вовсе, и что не встречен ни

один кристалл топаза с образованными кристаллическими плоскостями; зато крупные *сырцы* попадались очень часто и изредка прозрачные осколки от тех же *сырцов*» [Ферсман 1956: 86].

Выделение группы «Специфика роста и тип образования» вызывает, на наш взгляд, наибольшие сложности по сравнению с другими тематическими группами. Условия роста настолько разнообразны, что представленная здесь лексика с большим трудом поддается категоризации. В первую очередь это относится к характеристикам кристаллов по форме и узору: не случайно они нередко носят образный характер, выражая комплексный признак (сходство кристалла со змеей, лягушкой и пр.).

Показательно, что в наибольшем количестве случаев лексические факты характеризуют рост кристаллов кварца. Это симптоматично, учитывая распространенность кварца как во всей земной коре, так и на территории Среднего Урала.

3. Включения в кристаллах

3.1. Минералы с включениями

нафаршированный 'заключающий в себе что-либо (включения и пр.)' — «Дымарь тёмный – чтобы разглядеть, чем *нафарширован*, приходится подсвечивать фонариком» (ЛТЭК: Мин. фор.).

3.1.1. *Минералы с игольчатыми включениями*
волосатик 'кварц с включением игольчатых кристаллов, в основном, рутила' — «*Волосатик* – это кварц, а в нём рутил или турмалин, как бы иголки» (Екатеринбург) (ЛТЭК);

волосы вены 'кварц с включением игольчатых кристаллов рутилов золотистого цвета' — «*Волосы вены* – кварц с рутилом, кристаллы рутила кудряватые были» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

укроп 'кварц с включением игольчатых кристаллов эпидота' — «*Укроп* – это в кварце, из него кабашоны великолепные, в хрустале он. Это месторождение в Тагиле» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

укропник 'то же' — «Вот эти кварцы с кристаллами эпидотами называются *укропник*» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.).

3.1.2. *Минералы, включения в которых вызывают оптический эффект*

кошачий глаз 'кварц с параллельными волокнистыми включениями, придающими минералу характерный отлив' — «Особенно хорош был британский лев, высеченный из полированного *кошачьего глаза* – разновидности горного хрустала светлых и темных оттенков, с шелковистым блеском, пронизанным тонкими включениями асбестовидных частичек» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

звездчатый ‘о кристалле, включения которого вызывают эффект астеризма’ — «Этот большой голубой *звездчатый* сапфир – один из самых редких на земле самоцветов исключительной красоты и с уникальным оптическим эффектом» (ЛТЭК).

3.1.3. *Минералы с остаточными от включений каналами*

дыроватик ‘горный хрусталь с пустотами’ — «В пару к волосатику придумался *дыроватик*. Когда мы с ребятами увидели в хрустале пустые каналы вместо волос, то и назвали *дыроватик*. Правда, осталось это в узком кругу друзей» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.).

Лексема *дыроватик* является скорее окказиональным образованием и представляет «импровизированную» оппозицию узуальному названию *волосатик*. Она хорошо выражает специфику семантической системы именно нестандартной лексики камня, которая, в отличие от геологической терминосистемы, актуализирует подобные идеограммы, в первую очередь по причине отсутствия реализующей их номинации.

3.1.4. *Минералы с остаточными включениями твердых фаз*

матрёшка ‘кристалл кварца с включениями остаточных твердых фаз’ — «В *головке* кристалла цитрина сидят фантомы кварца, в которых есть включения серицита. Вот такая *матрёшка*» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

хозяин ‘кристалл, в котором нарастают включения’ — «Фантом подразумевает один и тот же кристалл с перерывами в росте и осаждением чего-то на гранях. В данных образцах на ромбоэдрах кварца нарастает затравка, которая перекрывает рост *хозяина*, а сама дальше растет» (ЛТЭК: Мин. фор.).

3.2. Собственно включения

3.2.1. *Игольчатые (продолговатые) включения*
волос ‘игольчатое включение рутила в кварце’ — «Бывает рутил миллиметр толщиной, такие *волосы*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

стрела ‘то же’ — «Кварц с рутилом – обычно бывают прямые *стрелы*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

конский хвост ‘игольчатые включения биссолита в кристалле демантоида’ — «Включения *конский хвост* наиболее характерны именно для уральских камней»; «Эти включения под микроскопом смотрятся как тонкие волоски. В профессиональной среде их называют *конскими хвостами*» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

турмалиновое солнце ‘радиально-лучистое включение иголок турмалина в кварце’ —

«*Турмалиновое солнце*, у него стрелы как у солнца выходят» [Поляков 2000: 85];

дорожки ‘прозрачные каналы-включения в кристалле кварца’ — «Обломок кристалла с интересной дымчатостью. Прозрачные *дорожки* в дымчатом слое» (ЛТЭК: Мин. фор.).

3.2.2. *Включения в виде трещин*
вуаль, вуалька ‘деструктивное включение в кристалле, представляющее собой сетку из трещинок и микропузырей’ — «Качество <речь об изумруде – С. Ж.> зависит от наличия включений внутри камня. Лучше – меньше *вуалей, облаков*, других минералов, газов, чешуек слюды. Если есть вуали, облака – игры не будет у камня после огранки» (Ср. Урал, Асбест., Малышева) [ЛТЭК]; «Газовая трещина из микропузыречков – *вуалька*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

паутина ‘деструктивное включение в кристалле, напоминающее паутину’ — «С грецкий орех кристаллы блестящие. И кальцит там чумовой тоже – в щетках с палец кристаллы. Жаль, что все в *паутине* от взрывов» (ЛТЭК: Мин. фор.);

сетка ‘деструктивное включение в кристалле, представляющее собой сетку’ — «Мелкие кругляшки, пузырьки воздуха – *сетка*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК).

3.2.3. *Замутняющие включения*
дымок ‘замутняющее включение в кристалле’ — «Рядом с этим бериллом лежал аметист, аметист был без *дымка*» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

мутнинка ‘то же’ — «На самой головке белая *мутнинка*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

облако ‘то же’ (Ср. Урал, Асбест., Малышева) (ЛТЭК);

туманность ‘то же’ — «*Туманности* не допускаются, должна быть *чистая вода*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК).

3.2.4. *Точечные включения*
букашка ‘небольшое включение в кристалле’ — «Вот эта *букашка* при огранке сыграть может» (Ср. Урал, Реж., Черемисское) (ЛТЭК);

таракашка ‘то же’ — «Любые небольшие включения в минерале *букашки* или *таракашки* называли» (Ср. Урал, Реж., Черемисское) (ЛТЭК).

3.2.5. *Остаточные включения твердых фаз*
фантом ‘об остаточных включениях твердых фаз в кристалле кварца’ — «Внутри как будто еще один кристалл сидит, но это *фантом*. Так говорят, что *фантом*, но видно-то чётко»; (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

вложение ‘об остаточных включениях твердых фаз в кристалле кварца’ — «Попадают и в несколько *вложений*, как этот например» (ЛТЭК: Мин. фор.).

При рассмотрении группы лексики, называющей включения в кристаллах, можно отметить, что названия включений не становятся мотивирующими для обозначений кристаллов с этими включениями. Объясняя это обстоятельство, можно предположить, что дело здесь в силе образности. Если название включения имеет низкую степень языковой образности, то появляются названия для кристалла, имеющего подобные включения. Если же степень языковой образности для обозначения включения можно назвать высокой, то и предпочтение в номинации отдается не собственно кристаллу, а самому включению.

4. Размер кристаллов

4.1. Мелкие кристаллы

клопики ‘мелкие кристаллы монацита’ — «Кроме многочисленных мелких кристаллов монацита, называвшихся здесь *клопиками*, изредка встречались неясно образованные эшиниты» [Мельников 1882: 126]

семечки ‘мелкие кристаллы’ — «Маленький дымарик и горсть *семечек* кварца были после обеда оставлены на плоском камне»; «И что еще обращает внимание, отсутствуют мелкие кристаллики кварца. От слова совсем. В Бисере, в песках Андрее-Юльевских приисков *семечки* встречаются, а в карьерах Речного не находил ни одного»; «Рядом копал напарник, перелопачивая не первый куб породы, но попадались только *семечки*» (Ср. Урал) (Хита Ур.).

4.1.1. Мелкие нецельные кристаллы

зубья ‘мелкие осколки кристаллов’ — «Практически пусто. Один крупный осколок три см., все остальное *зубья* и маленькие аметисты» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

цакки ‘то же’ — «Наконец, мелкие кусочки или так называемые *цакки* (от польского слова *czacko* – игрушка или мелочь) ценятся от 8 до 10 талеров за фунт» [Пыляев 1888: 393]

малюлька ‘осколок кристалла, маленький кристалл’ — «Можно сказать – осколки. Уж больно крохотные. Нужно было, вероятно, поместить в другую тему. Это с копи Щель. Остатки. Все доброе (большое) было раздарено и распродано. Такие же *малюльки* покажу и с копи Сибирячка (Липовка)» (ЛТЭК: Мин. фор.);

колтыши ‘осколок кристалла’ — «Найду эти *колтыши*-то, дед пять копеек и давал» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

шухрум ‘мелкий колотый камень’ — «Шухрум – это прозвище человека, который давно-давно добывал демантоид на Бобровке. После него и пошло *шухрум* – то есть мелкий колотый камень» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.).

4.2. Крупные кристаллы и камни

булыга ‘о кристалле большого размера’ — «*Булыги* такие на нее повесим, а у нее лицо узкое» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

булыган ‘о кристалле или куске породы большого размера’ — «Выкупили у меня таки этот *булыган*. Здесь же, человек с форума. Во как!!!» (ЛТЭК: Мин. фор.).

Интересно, что исследуемый материал практически не дает лексем, соответствующих идеограмме «крупный кристалл». Кристаллы большого размера обычно обозначаются описательными конструкциями с использованием общеоценочных слов *хороший*, *большой*, *здоровый* и пр. Найти такой кристалл – немалое достижение, он не нуждается в уровневой категоризации по размеру. При этом, однако, лексемы *булыга* и *булыган* не актуализируют семантику низкой ценности, в отличие от слова *булыжник*, в котором такая семантика определенно есть.

5. Части кристаллов

5.1. Части кристаллов по их расположению в пространстве

5.1.1. Верхняя часть кристалла

голова, *головка* ‘верхняя часть кристалла’ — «*Голова* голубая, середина зеленая *корешок* желтый» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

шапочка ‘то же’ — «Турмалин с шерловой *шапочкой* называют *голова негра* – как голова черная (Нижний Тагил) (ЛТЭК);

макушка ‘то же’ — «*Задница*, как правило, мутная, постепенно переходит в хорошее качество *макушки*, *макушка* всегда стеклянная» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

носик ‘часть головки (см.)’ — «А там носик его, где *головка*» (Ср. Урал) (ЛТЭК).

5.1.2. Нижняя часть кристалла

задница ‘основание, нижняя часть кристалла’ — «*Задница*, как правило, мутная, постепенно переходит в хорошее качество *макушки*, *макушка* всегда стеклянная» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

попка ‘то же’ — «У камня только *попка*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

корень, *корешок* ‘то же’ — «*Голова* голубая, середина зеленая *корешок* желтый» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

подошва ‘то же’ — «У кристалла снизу *подошва*, а растёт *головка*» (Ср. Урал, Приг., Мурзинка) (ЛТЭК);

дно ‘то же’ — «Камень вот прирастает, *дном*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

ножка ‘бесцветная нижняя часть аметиста’ — «*Ножка* у аметиста бесцветная» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.).

5.1.3. *Боковая часть кристалла*
ребро ‘грань кристалла’ — «У кристалла *го- ловка и ребра*» (Ср. Урал, Реж., Октябрьское) (ЛТЭК).

5.1.4. *Лицевая часть камня*
фасад — «Сфоткал *фасад* получше» (ЛТЭК: Мин. фор.).

5.2. Части кристаллов в перспективе их обработки

изюм ‘самая красивая, ценная, “ювелирная” часть камня’ — «*Изюм* камня вынимываешь – и в кольцо» (Ср. Урал, Асбест., Малышева) (ЛТЭК).

Интересно также рассмотреть ср.-урал. *изюм* в значении ‘изумруд’ (ЛКТЭ). Это явно эвфемистическое стяжение, что вполне типично для обозначений изумруда как драгоценного камня, запрещенного к индивидуальной разработке. В таком случае слово *изюм* ‘самая красивая, ценная, “ювелирная” часть камня’ стоит рассматривать либо как результат ретимологизации, что довольно спорно, либо как параллельно созданную номинацию на базе сравнения: сладкий изюм – самое «сладкое» место камня.

мясо ‘ювелирная часть камня’ — «Там мяса было много, не жалко стачивать» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

чистая грань ‘прозрачная грань камня’ — «молоточком ударишь - там грань такая *чистая*» (Ср. Урал, Реж., Черемисское) (ЛТЭК).

5.3. Структурные элементы кристаллов

5.3.1. *Внутренние структурные элементы*
затравочка ‘небольшой кристалл или его фрагмент, при нарастании на который образуются крупные кристаллы’ — «Вот у мориона *цитриновая затравочка*» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

живая трещина ‘о наиболее выраженной трещине в кристалле, которая может дальше расширяться’ — «Трещины-то *живые* на аметисте, их видно, бывают *неживые* трещины, их не так видно» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

неживая трещина ‘о наименее выраженной трещине в кристалле’ — (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

поры ‘микроскопические отверстия на поверхности кристалла’ — «Смотрите, *поры* в минерале заполнены пиритом» (Екатеринбург) (ЛТЭК);

пустотка ‘углубление в кристалле’ — «В пустотках окисленной руды можно встретить и порошковатые выцветы желтых и зеленовато-бурых урановых охр – сульфатов урана» [Ферсман 1975: 184];

мозоль ‘шаровидное образование внутри кристалла’ — «Обломок кварца по ромбоэдру с округлой *мозолью* внутри» (ЛТЭК: Мин. фор.);

рыбий глаз ‘о пустоте в кристалле’ — «*Рыбий глаз* в этом месте, пустота появляется – проваленный камень» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК).

5.3.2. *Внешние структурные элементы*
рубашка ‘верхний слой из другого минерала, покрывающий кристалл’ — «Вечером, прямо на точке установки лагеря была найдена жила, а спустя полчаса и развал с друзами кварца, покрытыми сверху молочной *рубашкой*, под которой скрывались гематитовые фантомы и желтовато-серые прозрачные зоны» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.);

глазурь ‘верхний слой из другого минерала, покрывающий кристалл, с характерной гладкостью’ — «“*Глазурь*” на кристаллах – опал или халцедон?» (ЛТЭК: Мин. Фор.);

яблоко ‘пятно на кристалле’ — «Она в основном зелёная с белыми и жёлтыми яблоками, полосами. Сейчас этот слой практически выбрали и остатки белые с редкими зелёными пузырьками» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК).

6. Процессы внутри кристаллов

6.1. Процесс роста (достаточно, недостаточно, доминирующего)

взрослеть ‘расти (о кристалле)’ [Николашвили 2015: 84];

голодать ‘медленно расти (о кристалле)’ [там же: 85];

пожирать ‘в процессе роста включать в себя другой кристалл’ [там же];

угнетать ‘задерживать рост кристалла (о каком-то сопутствующем минеральном образовании)’ [там же].

6.2. Процесс регенерации

закупорить ‘закрывать зазор между зёрнами (при росте кристалла)’ [Николашвили 2015: 85];

залечить (залеченный) ‘заполнить трещины в кристалле’ — «Да трещины в яшме часто кварцем *залечены*» (Ср. Урал) (ЛТЭК, Мин. фор.);

самозалечиваться ‘запускать процесс регенерации (о кристалле)’ [Николашвили 2015: 85].

6.2.1. Процесс направленного восстановления кристалла

лечить перелом ‘заполнять трещину в кристалле’ [там же];

лечить ‘то же’ — «Сейчас так кристаллы *лечить* умеют, они тебе из любого изумруда делают ограночного качества» (Ср. Урал, Горноурал. Мурзинка) (ЛТЭК).

7. Качественная, драгоценностная характеристика кристаллов

7.1. Кристаллы высокого качества

чистая вода 'о кристалле высокого качества' — «Туманности не допускаются, должна быть чистая вода» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

ювелирка 'кристалл высокого, ювелирного качества' — «Старожилы рассказывали о находках граната до 50 мм. Если находишь ювелирку, то берешь и 5 мм. бусину» (ЛТЭК: Мин. фор.);

цимус 'совокупность кристаллов высокого качества' — «Цимус весь отобрали самый, уже везут нам бутор» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

щербёнка 'эвфем. драгоценный камень' — «Ну, щербёнка-то говорят, чтобы не поделиться» (Реж) (ЛТЭК);

блатной 'о драгоценном кристалле' — «Саш, это не гранат, точно. Это какой-то блатной камень, в смысле благороднее» (ЛТЭК).

7.2. Кристаллы низкого качества

бутор 'кристалл, кристаллы низкого качества, обычно отправляемые в мусор' — (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

вшивый 'о кристалле низкого качества' — «А это изумрудик, только вшивый – трещины; если дно отполировать, лучше будет» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

дурман, дурмашка 'кристалл низкого качества' — «Про любой негодный камень так говорили. Ты ищешь турмалин, а тебе попадется морион трещиноватый – это дурмашка» (Ср. Урал, Реж., Черемисское) (ЛТЭК); «Дурманы – это, попростому, плохие аметисты» (Ср. Урал) (ЛТЭК: Хита Ур.); «Дурмашками называли горный хрусталь, причём говорят, что зависело от качества.» (Ср. Урал, Реж., Черемисское) (ЛТЭК);

проваленный 'о кристалле низкого качества' — «Рыбий глаз если – камень проваленный» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

собакит 'кристалл низкого качества' — «Собаки – собаке дать!» (Ср. Урал, Приг., Кайгородское) (ЛТЭК);

выбросит 'то же' — «Ее первые неудачные сборы камней Александр Евгеньевич окрестил великолепными *выброситами*» (ЛТЭК);

говнолит 'то же' — «Говнолит – то же, что никчёмный, у камня ни огранки, ни в коллекцию его, есть камень, но его нет, *мёртвый камень*, никуда его» (Ср. Урал, Асбест, Малышева) (ЛТЭК);

мёртвый камень 'то же' (Ср. Урал, Асбест, Малышева) (ЛТЭК).

В данной группе интересны лексемы *собакит*, *выбросит*, *говнолит*, которые образуют окказиональную словообразовательную модель в

рамках иронической стилизации под официальные термины, для которых характерно наличие узнаваемых лингвистических маркеров, а именно словообразовательных суффиксов *-ит-*, *-ин-*, *-ан-* или же суффиксоида *-лит*. В результате словообразовательная модель выглядит так: *пейоративный элемент* + один из характерных суффиксов *-ит-/лит-* (именно эти суффиксы наиболее узнаваемы).

Заключение

Рассмотрены семь основных идеографических групп, которые уже сейчас позволяют выделить главные векторы развития семантической системы изучаемой лексики. Классификация материала, какие бы вопросы она ни вызывала на данном этапе исследования, может и будет модифицироваться, так как, стоит оговориться, в настоящий момент ее статус можно обозначить как условный. Обусловлено это такой специфической чертой изучаемой лексики, как комплексность семантики. Поэтому важно отметить, что мы попытались проанализировать семантическую наполненность групп, выделяемых именно по первичным семантическим признакам, уделяя особое внимание также и мотивологическому аспекту рассмотрения.

Всего в работе используется 154 лексических единицы.

Самой распространенной оказалась группа, посвященная номинациям, которые отражают специфику роста кристаллов. В процентном соотношении она занимает чуть менее трети всего представленного материала — 27 %.

Далее по степени наполненности располагаются первая группа, посвященная цветовым характеристикам кристаллов, третья группа, посвященная включениям и минералам с включениями, а также группа, посвященная номинациям частей кристаллов. Все три группы составляют по 18 % от исследуемой лексики.

Затем располагается группа, посвященная обозначению кристаллов по драгоценностной характеристике, она составляет 9 % от всего материала.

Наименее наполненными можно назвать группы, посвященные размеру кристаллов и процессам, происходящим внутри кристаллов.

Кажется вполне понятным, что по степени наполненности лидирует группа, посвященная специфике роста, для которой характерно множество различных форм кристаллов, по причине чего она и выходит на первый план как имеющая наиболее «бросающуюся в глаза» первичную мотивацию.

Тот факт, что на втором месте по степени наполненности – группы, посвященные обозначению включений, частей кристаллов и кристал-

лов по цвету, тоже вполне объясним. Во-первых, цвет – наиболее характерный мотивационный признак при отсутствии иных специфических, выделяющихся признаков (например, формы); во-вторых, признак цвета, как, впрочем, и такой признак, как наличие включений, тесно связан с уже упомянутой важной специфической чертой исследуемой лексики – категорией драгоценности, категорией качества, из чего и следует высокая наполненность указанных семантических групп.

Интересно, что группа, посвященная номинациям, отражающим исключительно драгоценностную характеристику кристаллов, не имеет той же высокой наполненности, что и группы, рассмотренные выше, а лексика, включенная в эту группу, имеет в основном пейоративный характер и называет неудачные образцы минералов, не актуализируя хорошие и удачные образцы. Связано это в первую очередь, как кажется, со спецификой самой несанкционированной добычи минералов (хитничества), а также фольклорной традицией, что в целом приводит к табуированию такой лексики и, соответственно, эвфемизации.

Думается, подобное объяснение подходит и для группы лексики, посвященной размеру кристаллов, однако меньшая наполненность в данном случае объясняется первичностью семантики именно размера, а не плохого качества. Соответственно, используются менее распространенные мотивационные модели, а количество лексики снижается.

Исследуемый материал будет пополняться, а намеченные идеографические категории дорабатываться. Но уже вполне понятно, что лексика камня имеет свои закономерные и индивидуальные черты: очень явно выражен антропоморфизм каменных номинаций, на каждом идеографическом уровне могут проследиваться свои (например, словообразовательные) тенденции, фиксируется богатое количество идеограмм, не имеющих аналогов в научной терминологии, также большую роль играет категория драгоценности.

Примечание

¹Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2020-0056)

Список источников

ЛТЭК – картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуни-

кации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Мин. фор. – Минералогический форум. URL: <https://www.mineralforum.ru/> (дата обращения: 10.02.2022).

Хита Ур. – Хита Среднего Урала. URL: <http://форум.хитник.рф/index.php?sid=3d54964c189fb0b04339dfd7ae643982/> (дата обращения: 10.02.2022).

Список литературы

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка: научное издание. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2019. 896 с.

Березович Е. Л. К изучению нестандартной лексики камня в русском языке: постановка вопроса // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2020. Т. 22, № 4. С. 9–28. doi 10.15826/izv2.2020.22.4.060

Березович Е. Л. Геммонимическая лексика в свете подхода “Wörter und Sachen”: к происхождению русского *орлец* ‘родонит’ // Антропологический форум. 2021а. № 48. С. 113–143. doi 10.31250/1815-8870-2021-17-48-115-143

Березович Е. Л. Из русской народной геммонимии: *тальян* // Русская речь. 2021б. № 4. С. 61–66. doi 10.31857/S013161170016215-5

Березович Е. Л. Лексика камня как «новый» объект диалектологических исследований // Актуальные проблемы русской диалектологии: к 100-летию С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской: материалы Международной конференции, 29–31 октября 2021 г. / ред. коллегия: О. Е. Кармакова (отв. редактор) [и др.]. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021в. С. 28–31.

Березович Е. Л., Кучко В. С. О явлении культурной ремотивации при калькировании лексики: кошачье золото и кошачье серебро в минералогической терминологии // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1. С. 87–104. doi 10.31912/rjano-2021.1.4

Березович Е. Л., Сурикова О. Д., Штернгарц У. Из опыта изучения наивной геммологии: русский *вдовий камень* // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 21–26. doi 10.26158/TK.2021.22.4.001

Иванова Е. Э. Названия копей Самоцветной полосы Урала // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 107–134. doi 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.020

Костылев Ю. С. Наименования объектов хрусталеносных месторождения Приполярного и Южного Урала в сопоставительном аспекте // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 3. С. 225–237. doi 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.041

Кривошапова Ю. А. Имена камней как лингвокультурный символ Урала // Вопросы ономасти-

ки. 2020. Т. 17. № 3. С. 241–262. doi 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.042

Маковецкий А. Живень. Самоцветные байки: [рассказы]. Екатеринбург: Циркон, 2017. 171 с.

Мельников М. П. Ильменские минеральные копи // Горный журнал. 1882. № 1. С. 70–151.

Николашвили М. Н. Названия драгоценных камней в русском языке XI–XXI веков. М.: Спутник +, 2015. 111 с.

Поляков В. О. Сокровища минералогического рая. Миасс: Геотур, 2000. 196 с.

Пыляев М. И. Драгоценные камни. Их свойства, местонахождения и употребление. 3-е изд., доп. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1888. 386 с.

Ферсман А. Е. Занимательная минералогия. Л.: Детская литература, 1975. 238 с.

Ферсман А. Е. Путешествия за камнем. Л.: Детгиз, 1956. 526 с.

References

Bazhov P. P. *Malakhitovaya shkatulka: nauchnoe izdanie* [The Malachite Box: a scholarly publication]. Moscow, Yekaterinburg, Armchair Scientist Publ., 2019. 896 p. (In Russ.)

Berezovich E. L. K izucheniyu nonstandartnoy leksiki kamnya v russkom yazyke: postanovka voprosa [On the study of nonstandard mineral vocabulary in the Russian language: Articulation of the issue]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2020, vol. 22, issue 4, pp. 9–28. doi 10.15826/izv2.2020.22.4.060. (In Russ.)

Berezovich E. L. Gemmonimicheskaya leksika v svete podkhoda 'Wörter und Sachen': k proiskhozhdeniyu russkogo orleta 'rodonit' [Gemstone names from the Wörter und Sachen perspective: On the origin of Russian orlets 'rhodonite']. *Antropologicheskij forum* [Forum for Anthropology and Culture], 2021a, issue 48, pp. 113–143. doi 10.31250/1815-8870-2021-17-48-115-143. (In Russ.)

Berezovich E. L. Iz russkoy narodnoy gemmonimii: tal'yan [On the Russian folk gemonymy: Tal'yan]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2021b, issue 4, pp. 61–66. doi 10.31857/S013161170016215-5. (In Russ.)

Berezovich E. L. Leksika kamnya kak 'novyy' ob'ekt dialektologicheskikh issledovaniy [Mineral vocabulary as a 'new' object for dialectological research]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii: k 100-letiyu S. V. Bromley i O. N. Morakhovskoy: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, 29–31 oktyabrya 2021 g.* [Current Issues of Russian Dialectology: On the Occasion of the Centenaries of Birth of S. V. Bromley and O. N. Morakhovskaya: Proceedings of the International Conference, October 29–31, 2021]. Ed by O. E. Karmakova et al. Moscow, Vinogradov

Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021c, pp. 28–31. (In Russ.)

Berezovich E. L., Kuchko V. S. O yavlenii kul'turnoy remotivatsii pri kal'kirovanii leksiki: koshach'e zoloto i koshach'e srebro v mineralogicheskoy terminologii [On the phenomenon of cultural remotivation in loan translation: Cat's gold and cat's silver in mineralogical terminology]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2021, issue 1, pp. 87–104. doi 10.31912/rjano-2021.1.4. (In Russ.)

Berezovich E. L., Surikova O. D., Shterngartz U. Iz opyta izucheniya naivnoy gemmologii: russkiy vdoviy kamen' [An attempt to study popular gemology: The Russian 'widow's stone']. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2021, vol. 22, issue 4, pp. 21–26. doi 10.26158/TK.2021.22.4.001. (In Russ.)

Ivanova E. E. Nazvaniya kopey Samotsvetnoy polosy Urala [Names and naming patterns of the gemstone mines of the Urals]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, issue 2, pp. 107–134. doi 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.020. (In Russ.)

Kostylev Yu. S. Naimenovaniya ob'ektov khrustalenosnykh mestorozhdeniy Pripolyarnogo i Yuzhnogo Urala v sopostavitel'nom aspekte [Names of crystal-bearing deposits of the circumpolar and Southern Urals: A comparative study]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2021, vol. 18, issue 3, pp. 225–237. doi 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.041. (In Russ.)

Krivoshchapova Yu. A. Imena kamney kak lingvokul'turnyy simvol Urala [Stone names: A linguocultural symbol of the Urals]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, issue 3, pp. 241–262. doi 10.15826/vopr_onom.2020.17.3.042. (In Russ.)

Makovetskiy A. *Zhiven'. Samotsvetnye bayki: (rasskazy)* [Zhiven'. Tales about Gemstones: Short Stories]. Yekaterinburg, Tsirkon Publ., 2017. 171 p. (In Russ.)

Mel'nikov M. P. Il'menskie mineral'nye kopi [Ilmen mineral mines]. *Gornyy zhurnal* [Mining Journal], 1882, issue 1, pp. 70–151. (In Russ.)

Nikolashvili M. N. *Nazvaniya dragotsennykh kamney v russkom yazyke 11–21 vekov* [Names of Precious Stone in the Russian Language of the 11th–21st Centuries]. Moscow, Sputnik + Publ., 2015. 111 p. (In Russ.)

Polyakov V. O. *Sokrovishcha mineralogicheskogo raya* [The Treasures of Mineralogical Paradise]. Miass, Geotur Publ., 2000. 196 p. (In Russ.)

Pylyaev M. I. *Dragotsennyye kamni. Ikh svoystva, mestonakhozhdeniya i upotrebleniye* [Precious Stones. Their Properties, Location of Deposits and Usage]. St. Petersburg, Publishing House of A. S. Suvorin, 1888. 386 p. (In Russ.)

Fersman A. E. *Zanimatel'naya mineralogiya* [Entertaining Mineralogy]. Leningrad, Detskaya literatura Publ., 1975. 238 p. (In Russ.)

Fersman A. E. *Puteshestviya za kamnem* [Journeys for Stone]. Leningrad, Detgiz Publ., 1956. 526 p. (In Russ.)

On the Study of Nonstandard Mineral Vocabulary: the Names of Crystals

Sergey V. Zhuzhgov

**Research Assistant at the Toponymic Laboratory, Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

51, prospekt Lenina, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. sergey_zhuzhgov@mail.ru

SPIN-code: 7669-3080

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2328-0063>

ResearcherID: ABU-7551-2022

Submitted 22 Jan 2021

Revised 18 Mar 2022

Accepted 06 Apr 2022

For citation

Zhuzhgov S. V. K izucheniyu nonstandartnoy leksiki kamnya: oboznacheniya kristallov [On the Study of Nonstandard Mineral Vocabulary: the Names of Crystals]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 5–17. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-5-17 (In Russ.)

Abstract. The article discusses nonstandard gemstone names – the names of precious stones that do not belong to the official international mineralogical terminology. In Russian linguistics, this lexical group remains understudied. The paper reflects on the ideographic specifics of nonstandard gemstone names. It deals with the names of crystals used in the Middle Urals – in dialectal speech as well as in the language of stonecutters, gemstone hunters, and amateur mineralogists. This territory was chosen for the research as it has a rich tradition of mineral recovery and carving. The lexical units analyzed in the article denote crystal minerals. A large part of the names was collected in expeditions with the author's participation.

The article attempts to create an ideographic classification of the names of crystals. The whole array of the lexical material was divided into 7 basic thematic groups: “Color characteristics of crystals,” “Specifics of crystal growth and formation types,” “Crystal inclusions,” “Crystal size,” “The parts of crystals,” “Processes inside crystals”, “Characterization of the quality and preciousness of crystals.” For some lexemes, the author comments on their semantics, motivation, grammatical and sometimes ethnolinguistic and socio-linguistic features. The research determines the rate of occurrence (based on the number of lexemes used within a particular group) for each thematic group and analyzes the reasons for differences in the rate.

Key words: nonstandard mineral vocabulary; gemstone names; crystals; Middle Urals; ideography; semantics.

UDC 81'32
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-18-26

Topic Modelling in Computer Security Discourse: a Case Study of Whitepaper Publications and News Feeds

Ekaterina V. Isaeva

**Head of the Department of English for Professional Communication
Perm State University**

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. ekaterinaisae@psu.ru

SPIN-code: 4468-9991

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1048-7492>

ResearcherID: O-6777-2015

Scopus Author ID: 57204498718

Submitted 02 Mar 2022

Revised 30 Apr 2022

Accepted 15 May 2022

For citation

Isaeva E. V. Topic Modelling in Computer Security Discourse: a Case Study of Whitepaper Publications and News Feeds. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 18–26. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-18-26 (In Eng.)

Abstract. Up-to-date information plays a crucial role in modern linguistic research. For this reason, computational linguistic methods, including those aided with analytical and machine-learning tools, are attracting growing attention. Some of their applications in cognitive-discursive linguistics are keyword extraction, topic modelling, and content analysis. Text-mining tools facilitate time-consuming linguistic work and add to the results' reliability and greater statistical precision by processing a significantly larger data volume. Most studies, however, have overlooked interference of socially significant but context-irrelevant (e.g. political) information into a specialized discourse by focusing mainly on one data format. The current study, aimed at topic modelling, has been carried out on the computer security discourse. We have implemented the project on the KNIME analytical platform. The model enables comparison between topics extracted from published articles and date-specific RSS news feeds. The study provides important insights into infodemiology and political incidental news exposure occurring in computer-security-oriented RSS feeds on the Kaspersky website but untraceable in the papers published on the same website in a PDF format. The results reported here provide further evidence for the need to consider the hypercontext of professional communication and employ real-time data in solving similar problems within cognitive-discursive linguistics.

Our contribution to the development of cognitive-discursive linguistics is the method for comparing topics within one discourse, taking into account near-real-time data. For computational linguistics, the significance of our work lies in describing a new application of the topic extraction workflow freely available on the KNIME hub.

Key words: topic modelling; computer security discourse; KNIME; infodemiology; political incidental news exposure; content analysis; RSS feeds; cognitive-discursive linguistics.

Introduction

The Internet is generally regarded as the leading information repository and plays a crucial role in news transfer. One of the methods for targeted news tracking and coping with an overwhelming amount of information is RSS feeds, “which are XML doc-

uments that provide users with new, frequently updated news content automatically and allow users to subscribe to it” [Gustafson et al. 2008: 232].

According to Y.C. Wu [Wu 2017], large and wide-coverage news corpora are attracting growing attention “in many research domains, including in-

formation retrieval, language modelling, question answering, and named entity recognition” because they provide big data for information retrieval and knowledge discovery. A. Chudinov et al. have provided the most in-depth analysis of the political and media discourses. They examined the dominant values determined by national and cultural traditions and the dominant ideology in society in a given period [Chudinov et al. 2021; Mukhametzyanova et al. 2020]. They prove the presence of a potential ideological component of meaning in the semantics of the newspaper titles, highlighting their ability to reflect the era’s cultural and historical realities. This makes it possible to attribute the news article titles to artefacts of the period [Mukhametzyanova, Mardieva, Chudinov 2020] and boost the researchers’ interest to discover historical and sociological trends through their discursive representation.

The specificity of the news media discourse is featured by A. Photiou et al., who claim that novel and politically oriented content propagates faster due to its broad appeal [Photiou et al. 2021]; thus, it is highly influential in opinion shaping. The power of the news and media discourse to manipulate people’s opinions, beliefs, sentiments, and political views triggers interest in currently developing theories of Infodemiology and Political Incidental News Exposure. The former refers to using real-time information across the Internet, mainly social media, in informing public policy and influencing individuals’ intentions [Liew, Lee 2021]. The latter is defined as “exposure to information that people encounter without actively seeking for it” [Matthes et al. 2020: 770].

Our paper explores the relationship between topics covered in the computer security texts published on the Kaspersky website¹ in two formats: popular scientific articles and RSS (news) feeds. We discuss the issue of Infodemiology and Political Incidental News Exposure in the computer security discourse triggered by the Russian – Ukraine conflict (February - March 2022). Citizens experience infodemiology and incidental news exposure when they see political information in situations where they use media for other purposes (in our case, updating their knowledge about computer security) than political ones [Matthes et al. 2020]. This work contributes to the research of the ideological component in media discourse and reveals susceptibility to political bias in professional communication.

Computer security discourse has been deeply studied from the cognitive-discursive perspective as permeated by metaphors [Isaeva et al. 2022; Isaeva 2019; Isaeva, Crawford 2019]. A neglected area in this field is the refraction of the computer security professional communication while embedding it into the social and political context, which make up the hyper context.

Cognitive-discursive research on linguistic and extralinguistic peculiarities traditionally relies on a manual categorisation of the language units, conducting opinion polls, surveys, interviews, or focus group discussions. This makes the research time consuming and, consequently, outdated when the study is aimed at highlighting the current social trends. T. Liew and C. Lee suggest “using data from social media platforms [...], where researchers can collect near–real-time information that reflects prevailing perspectives and sentiments in the community” [Liew, Lee 2021: 2]. In our project, we follow this hint and address online publications and RSS feeds to obtain up-to-date news occurring on the Kaspersky website in a real-time mode.

This article is organised as follows: after the **Introduction** providing the background for the current study, we describe computational-linguistic **Methods** used in our experiment with a brief overview of other projects relying on similar methods and software. Next, we provide the results of the **Computer security knowledge-mining experiment**, supplying them with our interpretation in the **Discussion** section.

1. Methods

The paper is written on the interface of cognitive-discursive and computational linguistics and is centred around the computer security discourse, content analysis, natural language processing, text mining, and knowledge mining. To reach the goal, we apply modern methods and analytical instruments of computational linguistics and make cognitive discursive inferences.

Data analysis has been implemented within the machine learning principles. G. Ertek and L. Kailas define machine learning as computer algorithms relying on training and capable of identifying patterns, determining insights, and predicting [Ertek, Kailas: 2021]. Unsupervised machine learning “aims to discover patterns or structures in a dataset without considering any target attribute” [Ertek, Kailas 2021: 8-9]. Unsupervised machine learning implemented as text mining, i.e. automated retrieving knowledge from natural language texts, can be used for extracting keywords from various sources and tracking the evolution of a topic over time [Sebestyén, Domokos, Abonyi 2020] or text clustering and reviling different topics in texts united by a common theme and genre [Lee, Lim 2021]. This machine learning technique of topic modelling is focused on identifying critical topics from textual data based on statistical probability and correlations among words. The method reminds traditional linguistic thematic or content analysis. However, unlike thematic analysis, computer-aided topic modelling does not require manual labour to classify textual data, is appropriate for large volumes of texts [Liew, Lee 2021], hence enables

efficient data management, greater transparency, and enhanced knowledge [Flores-Ruiz et al. 2021].

For the project discussed in the current paper, the data were collected following the topic modelling method implemented via the Konstanz Information Miner (KNIME), an open-source statistical and data mining platform for data pre-processing, analysing, integration, modelling, and visualisation [Flores-Ruiz et al. 2021]. The software is applicable to data of various types, including natural language texts provided in different formats (text documents, spreadsheets, hyperlinks, and others). Recent developments regarding using KNIME for text-mining purposes have led to a range of multidisciplinary projects. For example, V. N. Dancy-Scott et al. used KNIME to “evaluate the evolving use of HIV-related language in abstracts presented at the IAC from 1989 to 2014” [Dancy-Scott et al. 2018: 1]. They used a text mining module to create a terminology corpus of key HIV terms grouped into expert categories. The team has also applied the Tableau² visualisation software to analyse terms’ frequencies and visualise the data with line graphs and word clouds [Dancy-Scott et al. 2018].

Another representative example of using KNIME for text mining is the cyberbullying detection model. The holistic multi-dimensional approach “takes into account individual-based, social network-based, episode-based and linguistic content-based cyberbullying features” [Liu, Zavarsky et al. 2019: 404]. The model has been tested on 922 episodes with 59459 comments from Instagram.

A project devoted to the topic modelling following keywords extraction was implemented by Sebestyén et al., who employed the Multi-document summarisation method to extract information from multiple texts written on the same topic. “The purpose of the method is to objectively explore the relationships between documents, identify key topics and compare documents according to the explored set of focal points” [Sebestyén et al. 2020: 2]. Then, the authors used a graph-based approach to extract keywords, generated NGrams of these words, and clustered the words based on the latent Dirichlet allocation (LDA) generative statistical model [Sebestyén et al. 2020].

From the cognitive-discursive linguistic perspective, the data in our project were subjected to content analysis, which, according to E. Budaev, occupies an important place in modern studies of media and political communication. The method is described as quantitative, ontologically focused on realism and the manifestation of political reality in the text, static representation of the text’s semantics, verified by mathematical methods, statistical regularities without dig-

ging into the context [Budaev 2017]. In our case, these principles were implemented in the KNIME-aided model of topic extraction and modelling.

2. Results of the computer security knowledge-mining experiment

The experimental design used in the current study refers to computational linguistics. The approach is mainly based on the “Topic Extraction: Optimising the Number of Topics with the Elbow Method” [Dewi, Thiel 2017] and a respective sample model of the workflow provided via the KNIME hub³.

The model is adapted to extract topics from the papers on computer security provided on the Whitepapers repository⁴, and the RSS feeds⁵ of the Kaspersky website⁶. To obtain the static data independent of the date the experiment takes place, thus less susceptible to sentiment bias, we provided the first sub-workflow with the papers published online on the Whitepapers repository in a PDF format. This sub-workflow will be used as a reference model, typical of the Kaspersky website publications. For diachronic data with daily updates, thus capturing spontaneous and nonregular deviations from the reference model, we refer to the RSS news feeds present on March 13, 2022.

Thus, the experimental input data on the experiment comprise nine text files in PDF format (the most recently published articles), and six URLs of RSS feeds. The output includes scatter plots indicating the optimal number of clusters per workflow, two tables providing the distribution of the keywords into clusters (one per each sub-workflow), and word clouds representing the keywords in a certain cluster.

To illustrate the algorithm of natural language processing and knowledge mining employing the chosen KNIME model, we briefly describe the process stages. For a deeper analysis of the workflow, one should address the developers’ article [Dewi, Thiel 2017]. Fig. 1 gives an overview of the first sub-workflow linked to the PDF files. We use the PDF Parser node to recognise PDF documents. A separate record is created for each file, metadata is extracted, and the full text is recognised using the PDFBox library.

Text pre-processing is started by the Pre-processing node, which has one input port and splits the process into two streams. Stream 1 starts with a vector representation of the document (i.e. Document Vector).

Fig. 2 illustrates how the documents are merged and split into separate words. All the words are recognised as separate units in the PDF texts uploaded. Fig. 3 illustrates the words arranged in the form of a vector.

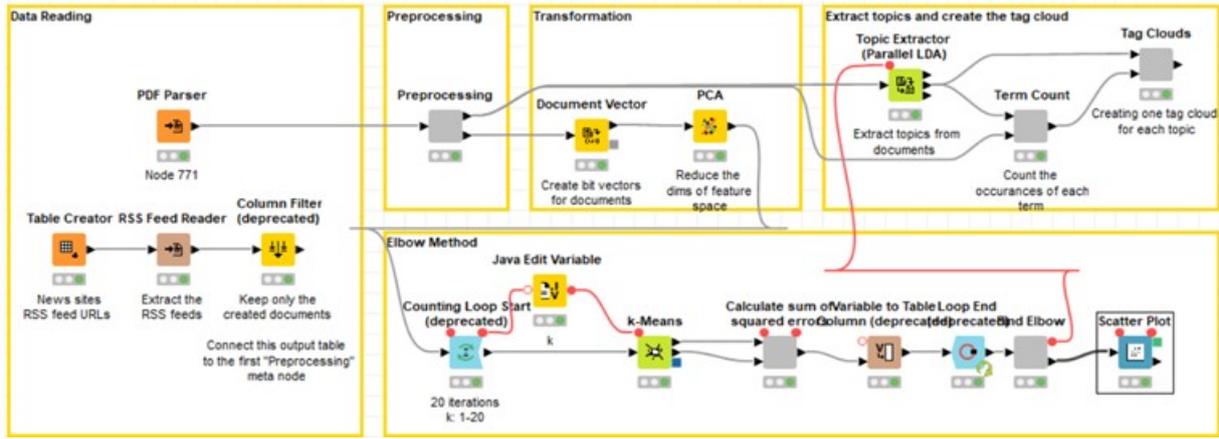

Fig. 1. The sub-workflow of knowledge retrieval from PDF files

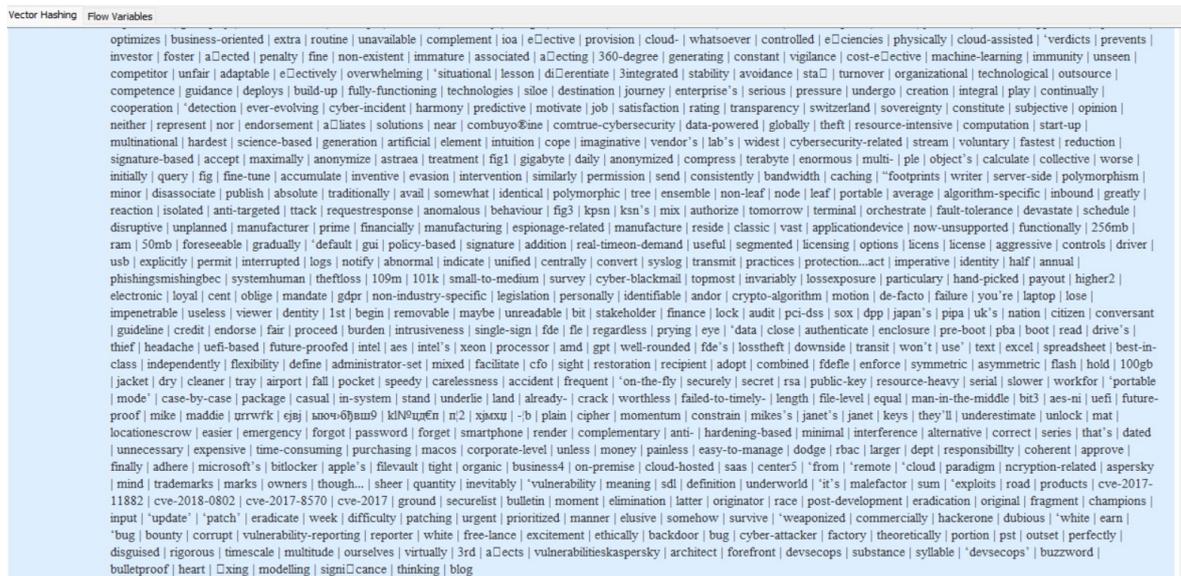

Fig. 2. The documents' vector hashing

Table "default" - Rows: 9 Spec - Columns: 2977 Properties Flow Variables

Row ID	Document	D fighting	D ransom...	D stone	D cryptor
Row0	"fighting ransomware stone cryptor workstation unturned server learn kasperskyc..."	1	1	1	1
Row1	"kaspersky business protect exploit wwwkasperskycom"	0	1	0	0
Row2	"kaspersky cybersecurity services learn kasperskycom"	0	1	0	0
Row3	"kaspersky security enterprise kaspersky enterprise portfolio building security foun..."	0	1	0	0
Row4	"kaspersky security network data-powered security cloud intelligence key compone..."	0	0	0	0
Row5	"kaspersky security network data-powered security cloud intelligence key compone..."	0	0	0	0
Row6	"kasperskyembedded systems security powerful protection automate control system e..."	0	1	0	0
Row7	"protect encryption store datum practice practices encryption guide encryption pra..."	0	1	0	0
Row8	"protective software safe secure compromise security security software hack"	0	0	0	0

Fig. 3. The document vector representation matrix

As is described by KNIME's developers, "a document vector is a numeric representation of a text in a matrix where each document represents a row, and each unique term represents a column. The binary encoding shows the absence/presence of a term in the document. The Document Vector node performs this transformation, which is needed, for example, to cluster or perform classification on the text data" [Document Vector Node 2020]. The matrix in Fig. 3 consists of 9 rows (separate documents) and 2977 columns (identified separate word units). If the word is found in

the text, the field is assigned 1; if not, - 0.

Next, the PCA node is used. This node performs principal component analysis (PCA) on the given data. The input data is projected from the original feature space into a smaller space with minimal loss of information. After that, we move on to the Elbow method. We start the counter loop, set it to 20 iterations. LoopStart is the node that triggers the loop, executed the specified number of times. At the end of the loop, you need LoopEnd, which collects the results of all loop iterations. All nodes in between are

executed as many times as specified in the LoopStart dialogue box.

We use the k-Means node to extract knowledge from the text. This node outputs cluster centres for a predefined number of clusters. K-means performs explicit clustering, assigning the data vector evenly to one cluster. The algorithm terminates when the cluster assignments no longer change. The clustering algorithm uses the Euclidean distance between selected attributes. Next, the root mean square error is calculated, and the Variable to Table Column node is used to extract the variables from the workflow and enter them into the input table. At the end of the cycle, we add a Loop End node. It marks the end of the workflow cycle and collects intermediate results by concatenating the incoming tables line by line (Fig. 4).

Row ID	Sum(sq...	k	Iteration
Row0#0	7,487.111	1	0
Row0#1	6,124.7	2	1
Row0#2	4,308.533	3	2
Row0#3	3,172.2	4	3
Row0#4	2,404	5	4
Row0#5	1,360	6	5
Row0#6	1,360	7	6
Row0#7	490	8	7
Row0#8	0	9	8
Row0#9	0	10	9
Row0#10	0	11	10
Row0#11	0	12	11
Row0#12	0	13	12
Row0#13	0	14	13
Row0#14	0	15	14
Row0#15	0	16	15
Row0#16	0	17	16
Row0#17	0	18	17
Row0#18	0	19	18
Row0#19	0	20	19

Fig. 4. K-Means counter result

The model developers explain the essence of the Elbow method as choosing “the number of clusters at which the SSE decreases abruptly. This produces a so-called ‘elbow’ in the graph” [Dewi, Thiel 2017]. The result of the first sub-flow is a scatter plot showing the number of clusters and their accuracy (Fig. 5), obtained with the Scatter Plot node. According to Fig. 5, the optimal number of clusters is three, i.e. the first drop in the sum of squared errors rate is after the 2nd cluster.

Stream 2 starts with a simple parallel threaded LDA implementation using the Topic Extractor node (Parallel LDA). LDA stands for Latent Dirichlet allocation, a method for identifying the main topics from utterances in an inductive way. Fig. 6 illustrates the distribution of terms into clusters (topics).

As shown in Fig. 6, the software has identified 3 clusters, distributed the keywords into these clusters, and output ten most frequently used terms per each cluster in the table. As a result of the second sub-flow,

we get a word cloud for each topic. For instance, Fig. 7 represents a word cloud generated for topic_2. Now we change the input data - instead of PDF files, we use RSS feeds (Fig. 8).

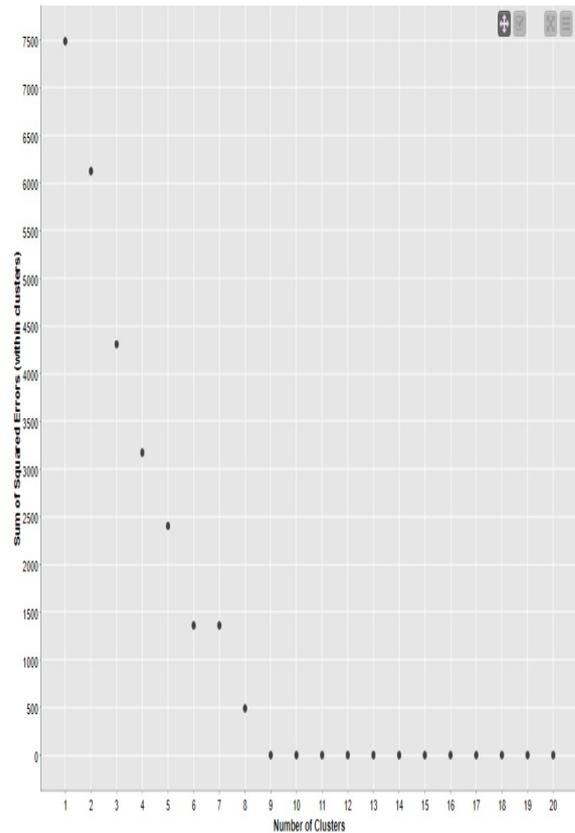

Fig. 5. The number of clusters and definition accuracy (PDF)

Row ID	Topic id	Term	Weight
Row0	topic_0	incident	106
Row1	topic_0	assessment	56
Row2	topic_0	testing	36
Row3	topic_0	apt	32
Row4	topic_0	services	30
Row5	topic_0	report	22
Row6	topic_0	digital	21
Row7	topic_0	hunting	20
Row8	topic_0	analyst	18
Row9	topic_0	forensic	17
Row10	topic_1	ksn	44
Row11	topic_1	execution	16
Row12	topic_1	mitigation	16
Row13	topic_1	similarity	12
Row14	topic_1	model	10
Row15	topic_1	astraea	10
Row16	topic_1	app	10
Row17	topic_1	payload	9
Row18	topic_1	exploitation	9
Row19	topic_1	phase	8
Row20	topic_2	encryption	79
Row21	topic_2	cryptor	26
Row22	topic_2	skill	20
Row23	topic_2	ideal	19
Row24	topic_2	customization	16
Row25	topic_2	scalability	14
Row26	topic_2	incident	14
Row27	topic_2	verdict	14
Row28	topic_2	drive	12
Row29	topic_2	awareness	12

Fig. 6. Topic distribution of terms

Fig. 7. A sample word cloud obtained from the Whitepapers repository publications (PDF)

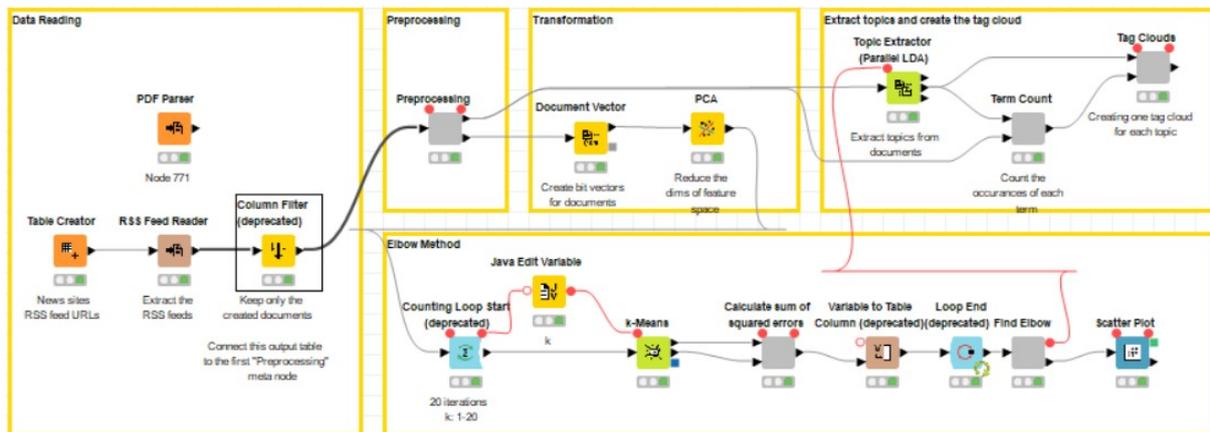

Fig. 8. A workflow of a data mining of RSS feeds

In the Table Creator node configuration, manually enter 6 RSS threads (Fig. 9).

Row ID	URL
Row1	https://securelist.com/rss-feeds/
Row2	https://securelist.com/moonbo...
Row3	https://securelist.com/the-blue...
Row4	https://securelist.com/scarcruf...
Row5	https://securelist.com/wirtes-c...
Row6	https://threatpost.com/feed/

Fig. 9. RSS feeds table

Text parsing is implemented through the RSS Feed Reader node. This node parses RSS feeds from the URLs specified in the input table and extracts information such as a title, a description, a publication date, and a link to the article from the feed entries.

You can also create a document column, XML or HTTP response code. The document will be made based on the feed entry information, and the XML column displays the XML snippet for the specific feed entry. RSS Feed Parser uses the ROME(1.0) library⁷.

Let us apply the Column Filter. This node enables filtering the columns from the input table, with only the desired columns being passed to the output table. In the dialogue box, the columns can be moved between the “Include” and “Exclude” lists. The rest of the steps are similar to those described above.

As a result of the second sub-workflow, an interesting deviation from the standard model has been noted. Fig. 10 illustrates an unexpected occurrence of the keywords *Russia* and *sanction*, clearly falling out of the computer security discourse.

Fig. 10. A word cloud of the computer security RSS feeds' cluster containing nontrivial keywords

3. Discussion

Surprisingly, the results reveal a discrepancy in the topics modelled from the PDF files and RSS feeds retrieved from the Kaspersky website. Both were supposed to be focused on computer security issues. However, as expected, the PDF-based topics are related to software, man-computer interaction, and their safety. At the same time, one of the RSS-generated clusters included *Russia*, *sanction*, and *victim* as its keywords. This finding demonstrates interference of the political content in the computer security discourse. Thus, we may register the case of infodemiology and incidental political news exposure in the media type of professional communication.

This deviation can be explained by the high relevance and novelty of the political discussion of the events of February - March 2022, penetrating all the spheres of international communication, as well as information technology and computer security. We believe that the mismatch between the topics will not be so apparent sometime later when the political discussion loses its novelty. Given the study design and the time the experiment was performed, it was inevitable that the results might differ from those expected in a more stable political period.

Conclusion

This paper has shown how computational linguistics may contribute to getting and processing near-real-time data relevant to cognitive-discursive research. The results obtained using analytical software (KNIME) validate the relevance of the Infodemiology and Political Incidental News Exposure theories for professional communication (computer secu-

riety discourse). These results emphasise the importance of taking into account diachronic data representations when working on such tasks as topic modelling and keyword extraction due to possible episodic interference of extraneous information, novel and particularly urgent for the society in a specific period.

The usefulness of our work lies in testing A. Dewi and K. Thiel's method for topic modelling applied to the task of comparing thematic trends in static (published PDF documents) and regularly updated news feeds, e.g. RSS from Kaspersky website.

The present study has only examined the data current for March 13, 2022. Therefore, we do not make conclusions about a regular interference of novel and socially significant but out-of-context information into professional communication. However, this work has demonstrated that such cases might happen, thus should not be neglected. Future research should consider the potential effects of infodemiology and political incidental news exposure diachronically, comparing samples from different periods.

Endnotes

¹ <https://www.kaspersky.com/>

² <https://www.tableau.com/>

³ <https://www.knime.com/blog/topic-extraction-optimizing-the-number-of-topics-with-the-elbow-method?>

⁴ https://www.kaspersky.com/enterprise-security/resources/whitepapers?icid=gl_securelisheader_a_cq_ona_smm_onl_b2b_securelist_prodmn

⁵ <https://securelist.com/rss-feeds/>

⁶ <https://www.kaspersky.com/>

⁷ <https://rometools.github.io/rome/ROMERelases/index.html>

References

- Budaev E. Metaphors of disease in the Russian press, *XLinguae*. 2021, vol. 10, issue 2, pp. 30–37. doi 10.18355/XL.2017.10.02.03. (In Russ.)
- Chudinov A. P., Sergienko N. A., Glushak V. M. Good, Evil, Truth, Lie in Russian, Ukrainian, British, and American linguo-cultures: Results of a psycholinguistic experiment. *Sibirskiy Filologicheskii Zhurnal* [The Siberian Journal of Philology], 2021, issue 2, pp. 297–311. doi 10.17223/18137083/75/21 (In Russ.)
- Dancy-Scott N., Dutcher G. A., Keselman A., Hochstein C., Coptly C., Ben-Senia D., Rajan S., Asencio M. G., Choi J. J. Trends in HIV terminology: Text mining and data visualization assessment of international AIDS conference abstracts over 25 years. *JMIR Public Health and Surveillance*, 2018, vol. 4, issue 5. doi 10.2196/PUBLICHEALTH.8552. (In Eng.)
- Dewi A., Thiel K. Topic extraction: Optimizing the number of topics with the elbow method. *KNIME*, June 19, 2017. Available at: <https://www.knime.com/blog/topic-extraction-optimizing-the-number-of-topics-with-the-elbow-method> (accessed 30 Apr 2022). (In Eng.)
- Document Vector Node. *KNIMETV*, December 9, 2020. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=kLlmcWnkhE> (accessed 30 Apr 2022). (In Eng.)
- Flores-Ruiz D., Elizondo-Salto A., Barroso-González M. d. l. O. Using social media in tourist sentiment analysis: A case study of Andalusia during the Covid-19 pandemic. *Sustainability*, 2021, vol. 13, issue 7 (3836), pp. 1-19. doi 10.3390/SU13073836. (In Eng.)
- Ertek G., Kailas L. Analyzing a decade of wind turbine accident news with topic modeling. *Sustainability*, 2021, vol. 13, issue 12757, pp. 1-34. doi 10.3390/su132212757 (In Eng.)
- Isaeva E., Baiburova O., Manzhula O. Anthropomorphism in computer security terminology through the prism of smart cognitive framing. *Science and Global Challenges of the 21st Century – Science and Technology*. Perm Forum 2021. Lecture Notes in Networks and Systems. 2022, vol. 342, pp. 460–474. doi 10.1007/978-3-030-89477-1_46. (In Eng.)
- Isaeva E. V. Metaphor in terminology: Finding tools for efficient professional communication. *Fachsprache*, 2019, vol. 41, special issue 1. doi 10.24989/fs.v41is1.1766. (In Eng.)
- Isaeva E. V., Crawford R. Semantic framing of computer viruses: The study of semantic roles' distribution. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2019, vol. 11, issue 1, pp. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2019-1-5-13. (In Eng.)
- Gustafson N., Pera, M. S., Ng, YK. Generating fuzzy equivalence classes on RSS news articles for retrieving correlated information. In: Gervasi O., Murgante B., Laganà A., Taniar D., Mun Y., Gavrilova M. L. (eds) *Computational Science and Its Applications – ICCSA 2008*. ICCSA 2008. Lecture Notes in Computer Science. 2008. Springer, Berlin, Heidelberg, vol. 5073, pp. 232–247. doi 10.1007/978-3-540-69848-7_20. (In Eng.)
- Lee C., Lim C. From technological development to social advance: A review of Industry 4.0 through machine learning. *Technological Forecasting and Social Change*, 2021, vol. 167 (120653). doi 10.1016/J.TECHFORE.2021.120653. (In Eng.)
- Liew T. M., Lee C. S. Examining the utility of social media in Covid-19 vaccination: Unsupervised learning of 672,133 twitter posts. *JMIR Public Health and Surveillance*, 2021, vol. 7, issue 11, pp. 1–19. doi 10.2196/29789. (In Eng.)
- Liu Y., Zavorsky P., Malik Y. Non-linguistic features for cyberbullying detection on a social media platform using machine learning. In: Vaidya, J., Zhang, X., Li, J. (eds) *Cyberspace Safety and Security. CSS 2019*. Lecture Notes in Computer Science, vol. 11982. Springer, Cham, pp. 391–406. doi 10.1007/978-3-030-37337-5_31. (In Eng.)
- Matthes J., Nanz A., Stubenvoll M., Heiss R. Processing news on social media. The political incidental news exposure model (PINE). *Journalism*, 2020, vol. 21, issue 8, pp. 1031–1048. doi: 10.1177/1464884920915371. (In Eng.)
- Mukhametzyanova L. R., Mardieva L. A., Chudinov A. P. The titles of newspapers and magazines as artifacts of the epoch. *Journal of Research in Applied Linguistics*, 2020, vol. 11, pp. 400–405. doi 10.22055/RALS.2020.16338. (In Eng.)
- Photiou A., Nicolaidis C., Dhillon P. S. Social status and novelty drove the spread of online information during the early stages of COVID-19. *Scientific Reports*, vol. 11, issue 1 (20098). doi 10.1038/S41598-021-99060-Y. (In Eng.)
- Sebestyén V., Domokos E., Abonyi J. Multilayer network based comparative document analysis (MUNCoDA). *MethodsX*, 2020, vol. 7, 100902. doi 10.1016/J.MEX.2020.100902. (In Eng.)
- Wu Y. C. Multilingual news extraction via stop-word language model scoring. *Journal of Intelligent Information Systems*, 2017, vol. 48, issue 1, pp. 191–213. doi 10.1007/S10844-016-0395-6. (In Eng.)

Тематическое моделирование в дискурсе компьютерной безопасности: исследование на примере публикаций информационных бюллетеней и новостных лент

Екатерина Владимировна Исаева

к. филол. н., доцент, заведующий кафедрой английского языка профессиональной коммуникации

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. ekaterinaisae@psu.ru

SPIN-код: 4468-9991

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1048-7492>

ResearcherID: O-6777-2015

Scopus Author ID: 57204498718

Статья поступила в редакцию 02.03.2022

Одобрена после рецензирования 30.04.2022

Принята к публикации 15.05.2022

Информация для цитирования

Isaeva E. V. Topic Modelling in Computer Security Discourse: a Case Study of Whitepaper Publications and News Feeds // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 18–26. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-18-26

Аннотация. Актуальная информация играет важную роль в современных лингвистических исследованиях. По этой причине методы компьютерной лингвистики, в том числе с использованием аналитических инструментов и средств машинного обучения, привлекают все большее внимание. Некоторые из них применяются в когнитивно-дискурсивной лингвистике для извлечения ключевых слов, тематического моделирования и контентного анализа. Инструменты для обработки текста облегчают трудоемкую работу лингвиста и повышают надежность и статистическую точность результатов за счет обработки значительно большего объема данных. Большинство исследований, однако, упускают из виду интерференцию социально значимой, но контекстуально не релевантной (например, политической) информации в специализированный дискурс, фокусируясь в основном на каком-то одном формате данных. Настоящее исследование, направленное на тематическое моделирование, выполнено в рамках дискурса компьютерной безопасности. Проект реализован на аналитической платформе KNIME. Разработанная модель позволяет сравнивать темы, извлеченные из опубликованных статей и новостных RSS-лент, привязанных к конкретной дате. Данное исследование позволяет получить важные сведения об инфодемологии и случайном попадании политических новостей в RSS-ленты сайта Касперского, ориентированные на компьютерную безопасность, которые не прослеживаются в информационных бюллетенях, опубликованных на том же сайте в формате PDF. Представленные в статье результаты служат очередным подтверждением необходимости учитывать гиперконтекст профессиональной коммуникации и оперировать данными реального времени при решении подобных задач в рамках когнитивно-дискурсивной лингвистики. Наш вклад в развитие когнитивно-дискурсивной лингвистики заключается в применении метода сравнения тем в рамках одного дискурса с учетом данных, полученных в режиме реального времени. Для компьютерной лингвистики значимость данной работы заключается в описании нового применения алгоритма извлечения тем, размещенного в свободном доступе на портале KNIME.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивная лингвистика; дискурс компьютерной безопасности; KNIME; инфодемология; контент-анализ; RSS-ленты; тематическое моделирование.

УДК 811.111'221
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-27-35

Реализация модусной категории «эвиденциальность» в условиях цифровизации дискурсивного пространства

Дмитрий Валентинович Козловский

к. филол. н., доцент кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации

Саратовский социально-экономический институт СГТУ им. Ю. А. Гагарина

410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89. kozlovskydv@yandex.ru

SPIN-код: 8654-6945

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1413-8882>

Статья поступила в редакцию 29.11.2021

Одобрена после рецензирования 18.01.2022

Принята к публикации 18.02.2022

Информация для цитирования

Козловский Д. В. Реализация модусной категории «эвиденциальность» в условиях цифровизации дискурсивного пространства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 27–35. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-27-35

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования модусной категории «эвиденциальность» в медиадискурсе в контексте цифровизации. Обращение к эвиденциальности связано с необходимостью определения источника информации, а также характера передаваемых сведений в ходе развертывания новостного дискурса. Цель данного исследования состоит в выявлении особенностей репрезентации видов эвиденциальности в цифровом дискурсивном пространстве. К задачам статьи относятся анализ целесообразности обращения к эвиденциальной семантике при исследовании новостного дискурса, а также аргументация, обосновывающая преобладание показателей «явной эвиденциальности» в новостном дискурсе в условиях пандемии COVID-19. В связи с этим в качестве материала исследования выступают 1000 дискурсивных контекстов из статей на тему текущей эпидемиологической обстановки, взятые с веб-сайта британского журнала The Economist, полученные методом сплошной выборки. Актуальность проведенного исследования обусловлена недостаточной изученностью эвиденциальности в данном аспекте, а также необходимостью изучения аксиологических эвиденциальных смыслов, порождаемых субъектом коммуникации при конструировании дискурса. В ходе исследования автор дает определение глобальной цифровизации, описывает особенности цифровизации дискурсивного пространства и обозначает роль эвиденциальности в пространстве новостного дискурса. Исследователь приходит к выводу о важности обращения к персуазивным эвиденциальным средствам в электронных новостных СМИ во время пандемии COVID-19, что позволяет описать два вида данной категории в зависимости от коммуникативных намерений автора / субъекта новостного отрывка – явную и скрытую эвиденциальность.

Ключевые слова: дискурс; эвиденциальность; пандемия; цифровизация; субъект коммуникации.

Введение

Активное развитие цифровых технологий, меняющее облик современного общества, дает возможность говорить о начале глобальной цифровизации. Данный процесс представляет собой концепцию экономической деятельности, базирующуюся на цифровых технологиях, внедряемых в различные сферы жизни и производства, и

активно реализуется во всех странах мира [Дорошук 2019: 100]. Наряду с изменением технологий в настоящее время появляется возможность не только наблюдать экономические преобразования, открывающие человечеству такие передовые явления, как искусственный интеллект, блокчейн, большие данные и современная робототехника, но и предсказывать различные

социальные эффекты и определять перспективные гуманитарные тренды [Грибанов 2019: 22]. Общество также все чаще сталкивается с глобальными вызовами, требующими решений в области цифровизации. Одним из таких вопросов стала пандемия коронавируса COVID-19. Это событие войдет в историю как одна из серьезнейших проблем первой четверти XXI в. Пандемия обнаружила неподготовленность общества к эпидемиологическим испытаниям как на мировом уровне, так и на уровне местных правительств [Абрамов и др. 2020: 26]. Коронавирус послужил причиной беспрецедентных последствий в политической, экономической и социальной жизни общества и повлек за собой ряд изменений. При этом одним из важнейших последствий пандемии в условиях повсеместного введения локдауна и различных ограничений в социальной сфере общественной жизни становится расширение интернет-новостного пространства, наряду с ростом тенденции к цифровизации онлайн-дискурса [Долгова, Майзенберг, Мартынова 2019: 79].

Данный процесс оказывается связанным с переводом печатных текстов в электронный формат, при этом коммуникация между автором произведения и его адресатом происходит посредством электронных средств передачи сигналов – интернет-страниц. Возникающая в результате цифровая среда обладает такими характеристиками, как виртуальность, глобальность, мультимедийность, динамичность, коммуникативность, ситуативная обусловленность и личностная направленность [Сидорова 2014: 10]. По мнению исследователей, открытость, а также временная и пространственная независимость пространства цифрового дискурса позволяют говорить о росте персуазивного потенциала публикуемой в сети Интернет информации по сравнению с печатными изданиями [Борисова 2016; Кудряшова, Мартынова 2020]. В результате этого цифровизация дискурса приводит к пересмотру социальных границ интернет-пространства – публичное может становиться личным, местное – глобальным, а приватное – общедоступным [Горошко 2009].

В подобном контексте новостной дискурс предстает как часть виртуальной, информационной и коммуникативной системы интернет-медиа и формирует новую форму подачи и обработки сведений [Иванова 2017: 34]. В результате цифровизации пространства новостного дискурса, обусловленного ростом внимания к информационным технологиям, появляются современные дискурсивные регуляторы организации содержания новостных произведений, характеризующие языковую картину мира автора / субъекта ком-

муникации, его интерпретацию и оценку информации, а также особенности воздействия на адресата / читателя новостного отрывка [Спиридонова 2019]. Таким образом, особую значимость приобретает изучение характера передаваемых сведений, а также источника полученной информации. Указанные значения являются основополагающими при определении эвиденциальной семантики дискурса и вызывают необходимость исследования реализации модусной категории эвиденциальности в условиях цифровизации дискурсивного пространства. В связи с этим в качестве цели настоящей работы выступает выявление особенностей актуализации видов эвиденциальности в пространстве цифрового дискурса.

Важно отметить, что категория «эвиденциальность» определяет авторство высказывания, а также источник исходящей информации. Помимо этого, эвиденциальность служит для передачи дополнительных данных, касающихся целей и мотивов высказывания, а также особенностей коммуникативной ситуации. К числу эвиденциальных маркеров относятся знаменательные части речи – глаголы, наречия, существительные, прилагательные, а также модальные вводные слова и устойчивые словосочетания. Лексические показатели усиливают определение источника сведений, способствуют эвиденциальной интерпретации информации автором / субъектом коммуникации и формируют 10 групп эвиденциальных операторов – мыслительной деятельности (*contemplate, dream, imagine*), уверенности в знании (*clear, evident, sure*), усиления значимости высказывания (*argue, claim, declare*), выражения мнения (*believe, consider, be of opinion*), сомнения (*admit, doubt, hesitation*), предчувствия (*expectation, forecast, predict*), явного указания (*inform, remark, state*), неявного указания (*allude, hint, imply*), умственного восприятия (*cite, flashback, unforgettable*), а также чувственного восприятия (*feel, notice, listen*) [Козловский 2013: 271].

Таким образом, в процессе передачи информации говорящий обращается к определенной группе эвиденциальных операторов, придавая репрезентируемому сведению дополнительные смыслы, которые логично изучать в пространстве новостного медиадискурса. Данное обстоятельство связано с особенностями эвиденциальных значений и эвиденциальных средств, обладающих коммуникативным потенциалом и нарративной функцией. Следовательно, эвиденциальность целесообразно рассматривать в рамках структурной дискурсивной единицы – эвиденциального дискурсивного контекста, объединяющего в себе речевой и ситуационный дискурсивные компоненты, первый из которых содержит описание ситуации, а второй представляет эви-

денциальное высказывание. В его структуре представляется возможным выделить профазу (подготовительную фазу), в рамках которой автор / субъект коммуникации характеризует источник сведений и осуществляет оценку данных при помощи того или иного эвиденциального оператора, а также эпифазу (исполнительную фазу), модифицирующую либо результирующую значение, содержащееся в «профазе» [там же: 272].

Таким образом, значение конкретного эвиденциального высказывания оказывается связанным с порядком значений, принадлежащих профазе и эпифазе, а коммуникативная направленность дискурса создает его эвиденциальный ресурс и определяет особенности воздействия автора / субъекта на адресата / читателя. В этой связи *материалом* исследования выступают дискурсивные контексты (1000), взятые с веб-сайта британского журнала The Economist, полученные *методом* сплошной выборки. *Актуальность* исследования категории «эвиденциальность» в пространстве новостного дискурса определяется недостаточной изученностью эвиденциальности в предлагаемом ракурсе наряду с важностью исследования эвиденциальных смыслов, порождаемых автором / субъектом дискурсивного отрывка.

Пандемия коронавируса COVID-19 привела к значительным трансформациям дискурсивного пространства, которые проявляются в росте обращения читателей к электронным ресурсам с целью получения актуальной информации относительно эпидемиологической обстановки и сведений смежного характера. Это обстоятельство также оказало влияние на авторов новостных статей, которые все чаще используют цифровое пространство с целью оказания определенного воздействия на адресата / читателя. Авторские интенции могут быть связаны со стремлением проинструктировать население о необходимости проявлять бдительность в отношении потенциальной инфекции, соблюдать меры инфекционной предосторожности, обеспечить рост количества вакцинированных с целью сокращения передачи вируса внутри сообщества. Наряду с этим эвиденциальная семантика может иметь целью снять социальную напряженность и волнение, а также повысить эмоциональную и психологическую устойчивость населения. При этом воздействие на конечного адресата может осуществляться в явной или скрытой форме. Исходя из этого к *задачам* данной статьи относится обоснование целесообразности обращения к персуазивным эвиденциальным смыслам в новостном дискурсе, посвященном COVID-19, а также аргументация, касающаяся количественной представленности явного и скрытого видов категории «эвиденциальность».

Особенности репрезентации эвиденциальных смыслов в цифровом пространстве в контексте пандемии COVID-19

В эпоху глобальной цифровизации именно медиадискурс является одним из важнейших каналов передачи и распространения информации и охватывает всю совокупность факторов, сопровождающих процесс коммуникации, включая отправителя – автора / субъекта коммуникации, получателя – адресата / читателя, социальный контекст, особенности восприятия сведений, культурно-идеологический фон и т.д. [Парулина 2020]. Цифровой новостной дискурс обладает прагматической направленностью, так как выступает в качестве основного способа обеспечения коммуникации автора новостного отрывка с читателем [Козловский, Исмаилова 2019]. Пандемия коронавируса COVID-19 сопровождается стремительными трансформациями в области доставки и восприятия новостного контента массовой аудитории. Эпидемия дает возможность говорить о необратимых изменениях сетевого дискурса в реалиях новых СМИ [Карасик 2020: 31]. В настоящее время пользователь сети Интернет получает и обрабатывает за несколько дней больше сведений, чем человек начала XX в. за всю свою жизнь. Это связано с рядом факторов, к числу которых относится увеличение количества контента, его доступности, а также времени, которое пользователи проводят в Сети по причине таких явлений, как локдаун, удаленная работа / дистанционное обучение, различного рода социальные ограничения. Новостной медиадискурс становится одним из важнейших инструментов воздействия на читателя, раскрывая огромный потенциал в области убеждения, управления мнением и настроением общества. Борьба за внимание аудитории потребовала от авторов медиадискурса поиска наиболее эффективных средств воздействия на адресата в цифровом дискурсивном пространстве. В качестве такого инструмента выступает обращение к модусной категории «эвиденциальность». Данная категория обладает персуазивным потенциалом, реализуемым в пространстве медиадискурса посредством «персуазивной эвиденциальности» – *имплицитного / эксплицитного лингвистического воздействия, нацеленного на достижение коммуникативных интенций автора / субъекта коммуникации посредством осуществления осознанного / неосознанного со стороны адресата / читателя контроля над его сознанием при помощи измененной, субъективной передачи сведений об источнике информации, а также трактовки полученных данных*. Искусство автора реализуется во внедрении в сознание читателя сво-

их целей, намерений, оценок, убеждений или установок. По аналогии с выделением явного и скрытого манипулирования [Шейнов 2016], а также выявлением семантики явной и скрытой оценочности [Жеребцова, Юткина 2017] в эвиденциальном дискурсивном контексте представляется возможным определить следующие виды персуазивной эвиденциальности в зависимости от коммуникативных намерений автора:

1. Явная эвиденциальность (73,8 % дискурсивных контекстов)

Рассматриваемый вид эвиденциальности предполагает достижение желаемой цели автора / субъекта коммуникации посредством оказания воздействия на адресата / читателя в явной форме и характеризуется четким пониманием цели и видения конечного результата данного воздействия субъектом коммуникации. Немаловажно, что данное воздействие на сознание адресата может происходить не только однократно, ситуационно, но и обладать определенной протяженностью. Автор открыто убеждает читателя в достоверности / недостоверности передаваемых сведений и их источника при помощи смысловой / логической / оценочной информации. Интенции субъекта коммуникации реализуются в эксплицитных речевых актах благодаря использованию операторов явного указания, усиления значимости высказывания, уверенности в знании, чувственного восприятия, умственного восприятия, мыслительной деятельности, выражения мнения. Приведем пример:

*Even miracles have their limits. Vaccines against the coronavirus have arrived sooner and worked better than many people dared hope. Without them, the pandemic threatened to take more than 150m lives. And yet, while the world rolls up a sleeve, it has become **clear** that expecting vaccines to see off COVID-19 is mistaken. Instead the disease will circulate for years. When COVID-19 first struck, governments were caught by surprise. Now they need to think ahead [Beddoes 2021] / Даже у чудес есть предел. Вакцины против коронавируса появились раньше и действовали лучше, чем многие могли надеяться. Без них, пандемия угрожала унести более 150 миллионов жизней. И все же, в то время как весь мир закатывает рукава, чтобы получить прививку, стало **ясно**, что ожидать, что вакцины помогут избавиться от COVID-19, бессмысленно. Напротив, болезнь будет распространяться годами. Своим появлением вирус застиг многие государства врасплох. Теперь им нужно думать наперед (здесь и далее перевод наш. – Д. К.).*

Данный дискурсивный контекст является фрагментом новостной статьи, посвященной описанию эффективности вакцин, применяемых для борьбы с коронавирусной инфекцией. Эви-

денциальность настоящего дискурсивного отрывка передается посредством описания позиции автора статьи относительно перспектив развития пандемии. Оператор уверенности в знании *clear / ясно (impossible to doubt, question, or make a mistake about [LDOCE 2021] / не вызывает никаких сомнений, вопросов; невозможно ошибиться)*, используемый субъектом коммуникации в клаузе *it has become clear*, репрезентирует опосредованный характер получения сведений. Указанный эвиденциальный маркер подчеркивает уверенность говорящего в достоверности передаваемой информации, что наряду с выбором перфектной формы *has become clear* при интерпретации данных об эффективности вакцины и возможных последствиях ее отсутствия может быть обусловлено стремлением автора убедить конечного адресата в истинности своих суждений, призвать потенциальных читателей применять стандартные меры предосторожности наряду с вакцинацией и позволяет говорить о персуазивной семантике рассматриваемого дискурсивного контекста.

2. Скрытая эвиденциальность (26,2 % дискурсивных контекстов)

Данный вид эвиденциальности актуализируется в дискурсе при помощи скрытого воздействия на адресата с опорой на неявное / косвенное знание, которым обладает субъект коммуникации, а также на способность автора создавать в сознании читателя образы, влияющие на его чувства, мнение и поведение. Обстоятельства, при которых происходит коммуникация, интенции адресанта, достоверность передаваемых сведений и характеристика их источника носят неявный характер и реализуются в имплицитных речевых актах. Воздействие подобного рода, как правило, не планируются для узнавания реципиентом. Рассматриваемый вид эвиденциальности маркируется операторами неявного указания, предчувствия и сомнения. Приведем пример:

*In addition, new variants may withstand current vaccines. The ones found in Brazil and South Africa may also be defeating the immunity acquired from a previous COVID-19 infection. The **hope** is that such cases will be milder, because the immune system has been primed by the first encounter with the disease. **Even if that is true**, the virus will continue to circulate, finding unprotected people and – because that is what viruses do – evolving new strains, some of which will be better at evading the defences that societies have mounted against them [Beddoes 2021] / Кроме того, новые штаммы могут оказаться устойчивыми к существующим вакцинам. Например, разновидность коронавируса, обнаруженная в Бразилии и Южной Африке, может обходить иммунный барьер, приобретенный в результате инфицирования предыдущим штам-*

мом COVID-19. Есть **надежда**, что такие случаи заболевания будут проходить в более легкой форме, потому что иммунная система уже находится в состоянии готовности в результате первичного инфицирования. **Даже если это правда**, вирус продолжит циркулировать, находя незащищенных людей и, как и при любом другом вирусе, возникнут новые штаммы, некоторые из которых окажутся более опасными для людей.

Рассматриваемый дискурсивный контекст репрезентирует рассуждения автора новостной статьи относительно губительных последствий возникновения новых штаммов коронавирусной инфекции. Автор приводит данные об обнаруженных в Бразилии и США вариантах вируса SARS-COV-2, которые могут оказаться более опасными, чем оригинальный штамм COVID-19. Эвиденциальная семантика настоящего дискурсивного контекста актуализируется посредством оператора предчувствия *hope / надежда (a feeling of wanting something to happen or be true and believing that it is possible or likely [LDOCE 2021] / чувство, связанное с желанием осуществления или истинности чего-либо, а также вера в то, что какое-либо событие возможно или вероятно)*, а также оператора уверенности в знании *true / правдивый (based on facts and not imagined or invented [там же] / основанный на фактах, не выдуманный и не изобретенный)*. Данные операторы указывают на косвенный источник сведений и придают информации о дальнейшем развитии вируса характер предположения, что подкрепляется использованием усиительной частицы *even* в условной клаузе *even if that is true*. Оценивая данные о новых штаммах коронавируса, автор стремится создать контекст, ведущий мысли конечного адресата в определенном направлении, неявно предупреждая последнего от возникновения чувства самоуспокоенности. Обращение автора к семантике скрытой эвиденциальности также может быть связано с его нежеланием вызывать чувство тревоги и провоцировать панику среди потенциальных читателей.

Необходимо отметить, что ограниченный объем статьи не позволяет представить анализ большого количества эвиденциальных дискурсивных контекстов. Рассмотренные дискурсивные отрывки являются примерами реализации персуазивного потенциала категории «эвиденциальность» в контексте явной и скрытой эвиденциальности.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что в рамках, определяемых новостным медиадискурсом, категория «эвиденциальность» реализуется посредством явной и скрытой персуа-

зивной эвиденциальности, при этом значения первой актуализируются в случаях, когда достоверность передаваемых сведений не вызывает у автора никаких сомнений, в то время как показатели последней служат для выражения неуверенного знания субъекта коммуникации.

Исходя из особенностей коммуникативной ситуации, использование автором показателей явной и скрытой персуазивной эвиденциальности в ходе передачи сведений способствуют дополнительно обоснованию надежности источника информации, интерпретации передаваемых сведений, а также оказанию определенного воздействия на адресата / читателя посредством убеждения, с опорой на рациональное описание и эмоционально-оценочные методы воздействия. Наряду с этим семантика явной и скрытой эвиденциальности увеличивает аргументативный потенциал дискурсивного отрывка и способствует реализации уверенного / неуверенного знания автора / субъекта с опорой на достоверность / недостоверность оценки объективного содержания высказывания.

Количественное преобладание дискурсивных контекстов со значением явной эвиденциальности (73,8 %) над дискурсивными контекстами, характеризующимися семантикой скрытой эвиденциальности (26,2 % примеров) связано с тематической спецификой исследуемых дискурсивных контекстов. Необходимость четкого и аргументированного представления сведений, важность формирования грамотного и рационального отношения к сложившейся ситуации способствуют обращению автора к директивным инструментам воздействия на потенциального читателя и, как следствие, актуализации семантики явной эвиденциальности. Наряду с этим важность стабилизации и поддержания настроения социума в период пандемии может потребовать тщательного и деликатного выбора средств воздействия в ходе передачи сведений, способных вызвать волнения в обществе, и приводит к реализации значений скрытой эвиденциальности.

Выявленная количественная представленность дискурсивных контекстов со значением явной и скрытой эвиденциальности также обусловлена особенностью англоязычной коммуникативной культуры, заключающейся в стремлении говорящего к обращению к источнику информации, обладающему высоким уровнем достоверности, а также свидетельствует о присутствии носителям английского языка эмотивности в стремлении убедить собеседника в истинности своих суждений. В свою очередь, обращение автора / нарратора к «скрытой» эвиденциальности (26,2 %) может быть объяснено такими чертами англоязычной коммуникации, как непрямолит-

нейность, субъективность, а также нежеланием оказания явного, директивного воздействия на адресата с целью соблюдения его коммуникативной неприкосновенности. Приведенные объяснения не противоречат данным, описываемым в работах И. А. и М. А. Стерниных, а также Т. В. Лариной [Стернин, Ларина, Стернина 2001; 2003].

Исследование показало, что пандемия коронавирусной инфекции в условиях цифровизации оказывает значительное воздействие на все сегменты медиадискурса как в национальном, так и в общемировом аспекте. Технологические трансформации, наряду с изменениями в образе жизни общества, с одной стороны, способствуют увеличению частоты обращений читателей к сетевым изданиям, а с другой – вызывают необходимость поиска авторами новостных статей современных инструментов воздействия на общественное мнение. В качестве одного из таких инструментов выступает модусная категория «эвиденциальность».

Очевидно, что в эпоху цифровизации традиционная точка зрения на эвиденциальность как категорию, репрезентирующую источник получения информации, подвергается значительным изменениям. Расширение эвиденциальной семантики особенно ярко проявляется в контексте реализации персуазивного потенциала данной категории в дискурсе, посвященном COVID-19.

Описанные в настоящей статье виды категории «эвиденциальность» позволяют понять структурные и содержательные особенности новостных отрывков, посвященных COVID-19. Значимость проведенного исследования также проявляется в возможности обращения к показателям явной и скрытой эвиденциальности для оказания эксплицитного и имплицитного воздействия на адресата в зависимости от коммуникативной цели. Кроме того, знание и понимание специфики персуазивных эвиденциальных средств будет способствовать отсеиванию фейковых новостей о коронавирусе и выявлению основной информации, на которую следует обращать внимание при интерпретации полученных сведений.

Список литературы

Абрамов А. В. и др. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайлёнок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 22–31. doi 10.18384/2224-0209-2020-2-1001

Борисова С. Г. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах медиатекста: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Воронеж, 2016. 22 с.

Горошко Е. И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Жанры речи. 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 111–127.

Грибанов Ю. И. Цифровая трансформация социально-экономических систем на основе развития института сервисной интеграции: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб, 2019. 40 с.

Долгова С. Ю., Майзенберг Е. А., Мартынова Е. В. Глава 3. Профессионализм преподавателя как фактор успешной цифровизации современного образовательного процесса // Цифровизация как приоритетное направление модернизации российского образования: монография / под ред. Н. В. Горбуновой. Саратов, 2019. С. 67–98.

Дорожук Е. С. Роль цифровой экономики в укреплении экономической безопасности страны // Роль цифровой экономики в укреплении экономической безопасности страны: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 23 октября 2019 г. Махачкала: АЛЕФ, 2019. 266 с.

Жеребцова Е. В., Юткина С. В. Персуазивная функция иронии в политическом дискурсе (на материале английского языка) // Наука без границ. 2017. № 12 (17). С. 95–106.

Иванова С. В. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. 2017. № 1(61). С. 31–42.

Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 25–34. doi 10.26170/pl20-02-02

Козловский Д. В. Эвиденциальная модель в художественном дискурсивном пространстве // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 270–275.

Козловский Д. В., Исмаилова О. И. Глава 5. Синергетическая концепция развития интернет-лингвистики // Цифровизация как приоритетное направление модернизации российского образования: монография / под ред. Н. В. Горбуновой. Саратов, 2019. С. 122–148.

Кудряшова А. П., Мартынова Е. В. Педагогические инновации в контексте образовательной деятельности // Наука и общество. 2020. № 1 (36). С. 85–89.

Парулина И. Ю. Университетский дискурс: интегральная модель (на материале новостных статей университетских сайтов): дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2020. 257 с.

Сидорова И. Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 24 с.

Спиридонова Т. А. Оценочный потенциал цитат в новостном дискурсе. // Магия ИИНО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов: в 2 т. Т. 1 / под ред Д. Н. Новикова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. М.: МГИМО-Университет, 2019. С. 196–202.

Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж: ВГУ-МИОН, 2001. 224 с.

Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003. 185 с.

Шейнов В. П. Большая книга убеждения и манипулирования // Приемы воздействия – скрыто и явного. М.: Изд-во АСТ, 2016. 300 с.

Beddoes Z. M. The Pandemic. How Well Will Vaccines Work? URL: <https://www.economist.com/leaders/2021/02/13/how-well-will-vaccines-work> (дата обращения: 23.07.2021)

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 23.07.2021).

References

Abramov A. V., Bagdasaryan V. E., Byshok S. O., Volodenkov S. V., Evstaf 'ev D. G., Egorov V. G., Komleva N. A., Kramarenko N. S., Manoylo A. V., Mikhaylenok O. M., Petrenko A. I., Prokof 'ev V. F. Pandemiya COVID-19: konets privychnogo mira? [Pandemia COVID-19: The end of the familiar world?]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta* [Bulletin of the Moscow Region State University], 2020, issue 2, pp. 22-31. doi: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001 (In Russ.)

Borisova S. G. *Persuazivnye strategii v analiticheskikh zhanrakh mediateksta*. Avtoref. dis. kand. fil. nauk [Persuasive strategies in analytical genres of media text. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2016. 22 p. (In Russ.)

Goroshko E. I. Internet-zhanr i funktsionirovanie yazyka v Internetе: popytka refleksii [The Internet-genre and the functioning of language on the Internet: An attempt at reflection]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2009, issue 6, Zhanr i yazyk [Genre and language], pp. 111-127. (In Russ.)

Gribanov Yu. I. *Tsifrovaya transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem na osnove razvitiya instituta servisnoy integratsii*. Avtoref. dis. kand. fil. nauk [Digital transformation of socio-economic systems based on the development of the service integration institution. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2019. 40 p. (In Russ.)

Dolgova S. Yu., Mayzenberg E. A., Martynova E. V. Glava 3. Professionalizm prepodavatelya kak faktor uspezhnoy tsifrovizatsii sovremennogo obra-

zovatel'nogo protsessa [Chapter 3. A teacher's professionalism as a factor for successful digitalization of the modern educational process]. *Tsifrovizatsiya kak prioritnoe napravlenie modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya* [Digitalization as a Priority Area in Modernization of Russian Education: monograph]. Ed. by N. V. Gorbunova. Saratov, 2019, pp. 67–98. (In Russ.)

Doroshchuk E. S. Rol' tsifrovoy ekonomiki v ukreplenii ekonomicheskoy bezopasnosti strany [The role of digital economy in the strengthening of the country's economic security]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 'Rol' tsifrovoy ekonomiki v ukreplenii ekonomicheskoy bezopasnosti strany', 23 oktyabrya 2019 goda* [Proceedings of the International scientific and practical conference 'The role of digital economy in the strengthening of the country's economic security' of October 23, 2019]. Mahachkala, ALEF Publ., 2019. 266 p. (In Russ.)

Zherebtsova E. V., Yutkina S. V. Persuazivnaya funktsiya ironii v politicheskom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka) [Persuasive function of irony in political discourse (based on the material of the English Language)]. *Nauka bez granits* [Science without Borders], 2017, issue 12 (17), pp. 95-106. (In Russ.)

Ivanova S. V. Diskursivnaya adaptatsiya kul'turno-obuslovlennykh yazykovykh znakov v politicheskom diskurse SMI (na materiale politicheskogo massmediynogo diskursa SShA) [Discursive adaptation of culturally-based language signs in political mass media discourse (based on political mass media discourse of the USA)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2017, issue 1 (61), pp. 31-42. (In Russ.)

Karasik V. I. Epidemiya v zerkale mediynogo diskursa: fakty, otsenki, pozitsii [Epidemic in the mirror of media discourse: Facts, evaluations, positions]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2020, issue 2 (80), pp. 25-34. doi: 10.26170/pl20-02-02. (In Russ.)

Kozlovsky D. V. Evidentsional'naya model' v khudozhestvennom diskursivnom prostranstve [The model of evidentiality in terms of fictional discourse]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], 2013, issue 3 (40), pp. 270-275. (In Russ.)

Kozlovsky D. V., Ismailova O. I. Glava 5. Sinergeticheskaya kontseptsiya razvitiya internet-lingvistiki [Chapter 5. Synergetic concept of Internet-linguistics development]. *Tsifrovizatsiya kak prioritnoe napravlenie modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya* [Digitalization as a Priority Area in Modernization of Russian Education: monograph]. Ed. by N. V. Gorbunova. Saratov, 2019, pp. 122–148. (In Russ.)

Kudryashova A. P., Martynova, E. V. Pedagogicheskie innovatsii v kontekste obrazovatel'noy deyatel'nosti [Pedagogical innovations in the context of educational activity]. *Nauka i obshchestvo* [Science and Society], 2020, issue 1 (36), pp. 85-89. (In Russ.)

Parulina I. Yu. *Universitetskiy diskurs: integral'naya model' (na materiale novostnykh statey universitetskikh saytov)*. Dis. d-ra filol. nauk [University discourse: Integral model (based on the material of news articles from university websites). Dr. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2020. 257 p. (in Russ.)

Sidorova I. G. *Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki zhanrov personal'nogo internet-diskursa: sayt, blog, sotsial'naya set', kommentariy*. Avtoref. dis. kand. fil. nauk [Communicative-pragmatic characteristics of personal Internet-discourse: Website, blog, social network, comment. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2014. 24 p. (In Russ.)

Spiridonova, T. A. Otsenochnyy potentsial tsitat v novostnom diskurse [Citation in news media discourse: From evaluation to persuasiveness]. *Magiya INNO: integrativnye tendentsii v lingvistike i lingvodidaktike: sbornik nauchnykh trudov* [The Magic of Innovation: Integrative Trends in Linguistics and Foreign Language

Teaching: in 2 vols.]. Moscow, MGIMO-University Press, 2019, vol. 1, pp. 196-202. (In Russ.)

Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. *Ocherk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniya* [American communicative behavior]. Voronezh, Voronezh State University - Interregional Institute of Social Sciences Press, 2001. 224 p. (In Russ.)

Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. *Ocherk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya* [English communicative behavior]. Voronezh, 2003. 185 p. (In Russ.)

Sheynov V. P. *Bol'shaya kniga ubezhdeniya i manipulirovaniya* [The big book of persuasion and manipulation]. *Priemy vozdeystviya – skrytogo i yavnogo* [Techniques of External and Internal Persuasion]. Moscow, AST Publ., 2016. 300 p. (In Russ.)

Beddoes Z. M. *The Pandemic. How Well Will Vaccines Work?* Available at: <https://www.economist.com/leaders/2021/02/13/how-well-will-vaccines-work> (accessed 23 July 2021). (In Eng.)

Longman Dictionary of Contemporary English. Available at: <http://www.ldoceonline.com/> (accessed 23.07.2021). (In Eng.)

Realization of the Modus Category of Evidentiality in the Context of Digitalization of Discourse

Dmitry V. Kozlovsky

Associate Professor in the Department of Translation Studies and Intercultural Communication
Saratov Socio-Economic Institute of the Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
89, Radishcheva st., Saratov, 410003, Russian Federation. kozlovskydv@yandex.ru

SPIN-code: 8654-6945

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1413-8882>

Submitted 29 Nov 2021

Revised 18 Jan 2022

Accepted 18 Feb 2022

For citation

Kozlovsky D. V. Realizatsiya modusnoy kategorii «evidentsial'nost'» v usloviyakh tsifrovizatsii diskursivnogo prostranstva [Realization of the Modus Category of Evidentiality in the Context of Digitalization of Discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 27–35. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-27-35 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the functioning of the modus category of evidentiality in media discourse in the context of digitalization. The study of evidentiality is motivated by the importance of identification of the information source and the nature of the information communicated. The purpose of this research is to reveal the features of the representation of types of evidentiality in the digital discourse space. The objectives of the article include analysis of the feasibility of taking evidential semantics as a subject matter in the study of news discourse as well as provision of arguments substantiating the predominance of indicators of explicit evidentiality in news discourse in the context of the COVID-19 pandemic. The material under study includes 1,000 English-language contexts from articles about the pandemic taken from the website of *The Economist* magazine via the continuous sampling method. The relevance of the research is due to insufficient study of evidentiality from this perspective, as well as the need to study the axiological evidential meanings generated by a communication participant when constructing discourse. The paper defines global digitalization, describes the features of digitalization of the discourse space, and outlines the role of evidentiality in news discourse. The author concludes that it is important to use persuasive evidential means in electronic news media during the COVID-19 pandemic, which makes it possible to describe two types of this category, depending on the communicative intentions of the author / subject of the news passage – explicit and hidden evidentiality. Depending on the characteristics of the communicative situation, the identified indicators of persuasive evidentiality contribute to an additional substantiation of the reliability of the communicated information and make it possible to exert a directed influence on the addressee through persuasion.

Key words: discourse; evidentiality; pandemic; digitalization; communication participant.

УДК 81'367.7
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-36-41

Виды комбинированных синтаксических повторов (на материале текстов русскоязычных писателей Казахстана)

Ольга Викторовна Марьина

д. филол. н., профессор кафедры общего и русского языкознания

Алтайский государственный педагогический университет

656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. marina_olvik@mail.ru

SPIN-код: 8247-1977

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>

Асель Жадыгеровна Токтубаева

старший преподаватель кафедры казахской, русской филологии и журналистики

Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова

070002, Казахстан, г. Усть-Каменогорск, ул. 30-ой гвардейской дивизии, 34. asel_vko@mail.ru

SPIN-код: 3662-1946

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8738-9597>

Статья поступила в редакцию 29.12.2021

Одобрена после рецензирования 08.02.2022

Принята к публикации 02.03.2022

Информация для цитирования

Марьина О. В., Токтубаева А. Ж. Виды комбинированных синтаксических повторов (на материале текстов русскоязычных писателей Казахстана) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 36–41. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-36-41

Аннотация. В существующих работах, посвященных видам повторов, можно обнаружить исследование комбинированного повтора. При этом в лингвистической литературе, в которой рассматриваются синтаксические приемы, средства образности, средства связи в предложении и тексте, не представлено описание вариантов сочетания в комбинации двух и более типов повторов. На наш взгляд, решение данного вопроса зависит от основания исследования. Так, синтаксико-стилистический подход позволяет выявить следующие комбинации синтаксических повторов: параллелизм и рамочный повтор; параллелизм и анафора; параллелизм и подхват. Помимо комбинации из двух видов повторов, в работе описываются сочетания из трех видов повторов: параллелизм, анафора, парцелляция; параллелизм, анафора, абзац. Выявленные варианты комбинации позволили установить, что одним из видов повторов является параллелизм. Изучение связи различных синтаксических повторов происходило как на уровне сложного синтаксического целого, конструкций с чужой речью, так и на уровне абзаца, несмотря на то что последний может быть рассмотрен и как синтаксическая, и как композиционно-стилистическая единица. В настоящей работе намечаются пути изучения комбинированных повторов. Помимо описания сочетания внутри одного уровня, следует рассматривать взаимодействие повторов на разных языковых уровнях, что позволит выявить новые, возможно, не представленные ранее в теоретических трудах варианты взаимосвязи единиц нескольких уровней. В этом состоит перспектива исследования. Кроме того, привлечение различного фактического материала – художественных текстов, отличающихся разнообразием грамматических структур, даст возможность выявить новые комбинации повторов.

Ключевые слова: синтаксический повтор; комбинированный повтор; комбинированный синтаксический повтор; виды повторов; параллелизм.

Введение

Повтор как предмет изучения синтаксиса остается актуальным на протяжении последних нескольких десятилетий. Ученые обращаются к повтору, синтаксическому повтору как стилистической фигуре, средству образности, стилевой черте (И. В. Арнольд, Л. В. Иванова, Е. А. Иванчикова, Р. А. Керимова и др.). Так, описывая повторы в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. И. Савченко отмечает, что именно их можно считать средством синтаксической экспрессии. Начиная с «Двойника» повторы «прочно вошли» в стиль писателя [Савченко 1984: 7]. С позиции С. В. Чернышовой, при помощи повторов А. П. Чехов «характеризует только статичных персонажей», а герои «развивающиеся» создаются при помощи иных, подчеркивающих их «текучесть» художественных средств [Чернышова 2007: 16]. Исследователей интересуют функции синтаксических повторов в текстах (И. А. Ковальская, Е. В. Середина, Н. С. Татаринцев, О. В. Тищенко и др.). Как считают Е. В. Грудева и С. А. Соловьева, «синтаксический повтор и процесс его трансформации являются показателем интерпретационных и метаинтерпретационных процессов, в результате чего определяется его информационный статус. Выдвижение одного из компонентов повтора происходит в условиях сосредоточения внимания на нескольких одновременно осмысляемых событиях как интегрированном фрагменте действительности и является показателем его (повтора) концептуальной значимости» [Грудева, Соловьева 2017: 12]. По мнению Л. П. Урбаевой, повтор передает значительную дополнительную информацию эмоциональности, экспрессивности и стилизации [Урбаева 2007: 10]. Синтаксический повтор определяется как средство связи (А. С. Ваничкина, И. Р. Гальперин, Кв. Кожевникова и др.). А. П. Сковородников отмечает, что такое стилистическое явление, как синтаксический повтор наблюдается во всех текстах: свобода выбора между конструкцией с повтором и конструкцией без повтора отсутствует. Он может обладать экспрессивностью, но основная его роль, назначение – быть средством связи (см. подробнее [Сковородников 1981]). Синтаксические повторы «в сочетании с лексическими, морфологическими и другими видами повторов» рассматриваются как интеграционное средство связи в художественном тексте, так как интеграция является одним из важнейших его свойств и обеспечивается путем образования целой системы связей, в установлении которых участвуют самые различные его уровни [Марьяна 2008: 110].

Особое внимание исследователи уделяют видам повторов (И. Р. Арнольд, И. Р. Гальперин, А. Ф. Папина, Е. А. Покровская, О. С. Селиванова, А. П. Урбаева и др.). Так, И. В. Арнольд выделяет контактные повторы, выполняющие смысловую и структурную функции, и дистантные повторы, актуализирующие внимание читателя, выделяющие важные детали [Арнольд 2002: 80]. Согласно И. Р. Гальперину, синтаксическое повторение включает в себя анафору, эпифору, анадиплосис, рамочную конструкцию и полисиндетон [Гальперин 2006: 23–48]. По мнению В. П. Москвина, существуют следующие виды повторов: анафора, эпифора, рамочная конструкция, подхват, хиазм, полисиндетон [Москвин 2000: 81–85]. А. Ф. Папина обращает внимание: 1) на повторы однокоренных слов с наименьшими изменениями семантики, но с возможностями позиционных изменений. К этому типу относятся точные, или полные, повторы; парадигматические повторы; деривационные (изменяющие способ образования слов); 2) повторы с разнородностью лексико-семантической и позиционной: синонимические повторы; антонимические; перефразистические; гипонимические; омонимические и неомнимические; паронимические; семантические; 3) повторы грамматические в тексте с цепной и параллельной связью: анафорические местоименные повторы; грамматические повторы средств выражения каждой из пяти категорий: Участников коммуникативного акта, Участников событий, События, Времени (и вида), Пространства и Оценки (рациональной и иррациональной, аксиологической) [Папина 2002: 61–62]. Изучая повторы, встречающиеся в текстах Д. Хармса, О. В. Ширяева выделяет следующие виды повторов: полный тождественный повтор, частичный лексико-семантический повтор, основанный на переходе из одной части речи в другую, тематический повтор, синонимический повтор, антонимический повтор, дейктический повтор, выражение универсальных логико-смысловых отношений как средство связности текста, согласование грамматической семантики, грамматический повтор, синтаксический параллелизм, комбинированный тип повторов – совмещение двух или более перечисленных выше разновидностей [Ширяева 2009: 9–10].

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в работе описывается сосуществование в одной синтаксической единице нескольких видов повторов. Традиционно одним из таких видов повтора, участвующих во взаимодействии, оказывается лексический пов-

тор, что вполне объяснимо: он соотносится с темой, мотивами, идеей текста, это ключевое слово, которое встречается во всех частях произведения. Однако в настоящей работе выявляется взаимодействие нескольких синтаксических повторов: обращается внимание на комбинированный повтор, в котором сочетаются не менее двух видов повтора. Новизна исследования заключается в описании вариантов комбинированных синтаксических повторов.

Результаты

Рассмотрим виды комбинированных повторов, представленных в текстах русскоязычных писателей Казахстана:

– параллелизм, рамочный повтор: **Годы, дороги, дожди**. *А дожди ведь, как и люди, разные. Этот вот – страстный, смывающий все на своем пути. Есть дождь стылый – мелкий, моросящий, есть плачущий – со снегом, бунтующий – с градом, есть теплый – грибной, есть светлый, ласковый – слепой, а есть и созидающий – с грозой.*

Вспышки молний тоже разные – по яркости, силе, продолжительности. Но непременно несколько вспышек. Одна за другой. И у каждого свой путь, свои стоянки.

*... Лился и лился поток с давящего серого неба. **Годы, дороги, дожди...*** (Тажикенова 2009: 28). Фрагмент открывается и завершается предложениями: «Годы, дороги, дожди», «Годы, дороги, дожди...». Различие между ними состоит в том, что, появляясь в самом начале, предложение включает в себе тему (именительный представления), которая раскрывается в последующих предложениях, а завершая фрагмент, оно заканчивается многоточием – предполагается, что в этом случае ассоциации могут возникнуть уже не у повествователя, а у читателя;

– параллелизм, полисиндетон: *Покой и безмятежность обступают со всех сторон, и мне хорошо, удивительно хорошо оттого, что Максим умеет просто и мягко подставить свое плечо, когда так хочется приклонить голову и его большая ладонь подталкивает мою руку, чтобы удобно расположить ее на своем колене, хорошо оттого, что его одежды струят нежный запах «Кензо», оттого, что он тихо спрашивает, верю ли я в тургеневскую любовь* (Омар 2012: 226). В сложноподчиненном предложении с присловной связью придаточные части, построенные по принципу параллелизма, вводятся союзом «что» и распространяют либо слово «оттого», либо сочетание «хорошо оттого». Полисиндетон обусловлен типом придаточных предложений и повторяемостью компонентов в главной части, от которых зависят придаточные части;

– параллелизм, анафора: **Вспомните то, что дарят нам книжные полки мира. Вспомните то, что дарят нам археологические раскопки и древние памятники человеческого духа. Вспомните себя** (Канапьянов 2017: 123). Связующим элементом текста на уровне структуры является повтор главных частей сложноподчиненных предложений и союзных слов в придаточных частях, а на уровне содержания – использование лексической анафоры «Вспомните», что обусловлено темой данного сложного синтаксического целого;

– параллелизм, подхват: *Но за барной стойкой в кафе выпивает украдкой от всех; **пятьдесят грамм. Еще пятьдесят. Еще пятьдесят*** (Тажикенова 2006: Электронный ресурс). Представленная комбинация синтаксических повторов позволяет выделить две их группы. Первая группа – это повторение в последующем предложении слова / сочетания слов, которым / которыми заканчивается предшествующее предложение (*Но за барной стойкой в кафе выпивает украдкой от всех; пятьдесят грамм. Еще пятьдесят*), схожее построение конечного элемента в нескольких следующих друг за другом синтаксических единицах. Вторая группа – это одинаковая структура двух заключительных предложений;

– параллелизм, анафора, парцелляция: *Пухлый, пестрый, испещренный диковинными марками и наклейками иностранный конверт я долго вертел в руках. **Незнакомый почерк. Незнакомый адрес. Незнакомая фамилия. Венесуэла. Каракас. Унгелфуг*** (Бельгер 1992: 72). Парцеллятом выступают односоставные номинативные предложения, которые, в свою очередь, могут быть распределены на две группы в зависимости от структуры: распространенные предложения, второстепенным компонентом которых выступает определение – анафора, и нераспространенные предложения;

– параллелизм, анафора, абзац: **Снег плыл вертикально. Шестеренки снежинок вращали цветущую, такую привычную майскую весну в Алма-Ате вспять. Они сливались со цветением урюка – этого вечно ускорителя весны, ибо расцветает он раньше, чем распускаются его листья.**

Снег забивался в зеленые кудри яблонь, и они ломались, как обледенелые крылышки птиц.

Снег ложился на ветви, и те, не выдержав снежной бездны неба, рушились, оставляя на стволах незаживающие шрамы трагедии. Одно дело прогнуться осенью под тяжелыми дарами природы, и совсем другое умирать цветущей ветвью в арыке, утопая в сугробе.

Снег плыл вертикально. Шестеренки превращались в маховики снега и лепились к часам

на башне Главпочтамта. Стрелки показывали вечность, ибо они остановились, да их и не было видно под снегом.

Снег плыл вертикально. Все меньше машин спускалось с холмов реальности. Пробивая пелену тумана желтыми фарами, они исчезали за перекрестком в белой мгле, изредка мигая стоп-сигналами тревоги.

Снег плыл вертикально. Среди невидимых стен в квадратах освещенных окон, как на семейных фотографиях, проступали испуганные лица. Портреты-окна смутно желтели где-то в воздухе и плыли в объятиях снега. Потом и это исчезло, и только – снег, снег, снег... (Канапьянов 2017: 72). Помимо повтора на уровне предложения, представлен повтор на уровне большей синтаксической единицы или, как считает Н. С. Валгина, композиционно-стилистической единицы текста [Валгина 2003: 124] – абзаца и фрагмента. Единоначатие – это не отдельное слово, это целое предложение – тема нового абзаца.

Наряду с повторами-абзацами во взаимодействии участвуют повторы-конструкции с чужой речью. Например: *Старики бубнили молитвенные слова, благословляли его, степенно оглаживали бороды. Говорили: «Э, першыль, кайылы болсын! Удачи тебе!» Говорили: «Добрый знак. Хорошая примета. Пусть за тобой последуют и наши джигиты, воюющие с собакой Керманом!» И еще говорили: «Ты, Даут, первый из нашего аула, кто вернулся живым-здоровым» Говорили: «Дошла мольба до Аллаха и до властей. Сам всевышний послал тебя нам на радость». Потом говорили: «Не отрекайся от того, у кого на лице имам. Ты человек с имамом. Добры гость – божий посол» (Бельгер 2003: 108). Конструкции с прямой речью имеют одинаковую структуру: слова автора находятся в препозиции относительно чужой речи. Вводящие слова – это повторяющиеся односоставные неопределенно-личные предложения, имеющие варианты (в ряде случаев используются дополнительные средства связи: соединительный союз «и», слово «потом» указывают на последовательность изложения), обусловленные местом этих предложений в составе синтаксической единицы.*

Заключение

Мы рассмотрели комбинированные синтаксические повторы на материале текстов русскоязычных писателей Казахстана. В ходе анализа было установлено, что самым распространенным повтором, участвующим во взаимодействии с другим(-и) повтором(-ами), является параллелизм.

В работе выявлено, что сочетаться могут как два (параллелизм и рамочный повтор; параллелизм и анафора; параллелизм и подхват), так и три вида повтора (параллелизм, анафора, парцелляция; параллелизм, анафора, абзац) в одной синтаксической единице.

Перспективой исследования является изучение взаимодействия синтаксических повторов с другими видами повторов, описание компонентов повторения как синтаксического процесса. Помимо этого, привлечение в качестве фактического материала различных литературных источников позволит установить зависимость видов комбинаций повторов от родо-жанровой принадлежности текста, от отнесения его к одному из литературных течений / направлений.

Список источников

Бельгер Г. Дом скитальца: Роман. Астана: Аударма, 2003. 379 с.

Бельгер Г. Завтра будет солнце: Повести и рассказы. Алма-Ата: Жазушы, 1992. 384 с.

Канапьянов Б. Избранное: Т. 2. Алматы: ИД Жибек жолы, 2011. 536 с.

Омар А. Ранние холода: рассказы, пьеса и эссе. Астана: Аударма, 2007. 214 с.

Омар А. Талисман Тенгри. Алматы: Қазығұрт баспасы, 2012. 304 с.

Тажикенова У. Женские мысли или мужские правила игры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.arba.ru/art/544/1> (дата обращения: 25.12.2021).

Тажикенова У. Ось существования. Астана: Фолиант, 2009. 412 с.

Список литературы

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник. М.: Флинта, 2002. 384 с.

Валгина Н. С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

Грудева С. А., Соловьева С. А. Синтаксический повтор как средство монтажного принципа организации текста // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 12–15.

Марьина О. В. Повтор как интеграционное средство связи в художественных текстах русской прозы конца XX – начала XXI века // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 16. С. 109–114.

Москвин В. П. Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. 2000. № 5. С. 81–85.

Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Наука, 2002. 367 с.

Савченко Л. И. Повтор как стилистическая категория в художественной прозе Ф. М. Достоев-

ского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1984. 21 с.

Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт систем. исслед. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981. 255 с.

Урбаева А. П. Многообразие видов повтора в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 16 с.

Чернышова С. В. Функции повторов в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007. 18 с.

Ширяева О. В. Семантика повтора и разноразличные средства его выражения в идиостиле Д. Хармса: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009. 156 с.

References

Arnold I. V. *Stilistika. Sovremennyy anglijskij yazyk: ucheb* [Stylistics. Modern English: studies]. Moscow, Flinta, 2002, pp. 384. (In Russ.)

Valgina N. S. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow, Logos, 2003, 280 p. (In Russ.)

Galperin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Izd. 4-e, stereotipnoe. Moscow, KomKniga, 2006. 144 p. (In Russ.)

Grudeva S. A., Solov'eva S. A. Sintaksicheskij povtor kak sredstvo montazhnogo principa organizacii teksta [Syntactic repetition as a means of editing the principle of text organization] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2017. № 424, pp. 12-15. (In Russ.)

Marina O. V. Povtor kak integracionnoe sredstvo svyazi v hudozhestvennyh tekstah russkoj prozy konca XX - nachala XXI veka [Repetition as an integration means of communication in the Literary texts of Russian prose of the late XX - early XXI century] // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstven-*

nogo universiteta [Chelyabinsk State University Bulletin]. 2008. № 16, pp. 109-114. (In Russ.)

Moskvin V. P. Tipologiya povtorov kak stilisticheskoy figury [Typology of repetitions as a stylistic figure] // *Russkij yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2000. № 5, pp. 81-85. (In Russ.)

Papina A. F. *Tekst: ego edinicy i global'nye kategorii* [Text: its units and global categories]. Moscow, Nauka, 2002. 367 p. (In Russ.)

Savchenko L. I. *Povtor kak stilisticheskaya kategoriya v hudozhestvennoj proze F. M. Dostoevskogo*. Avtoreferat dis. kand. filol. nauk [Repetition as a stylistic category in F. M. Dostoevsky's Fiction. Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Tashkent, 1984. 21 p. (In Russ.)

Skovorodnikov A. P. *Ekspressivnye sintaksicheskie konstrukcii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: Opyt sistem. Issled* [Expressive syntactic constructions of the modern Russian literary language: The experience of systems. research]. Tomsk, Izd-vo Tomsk. un-ta, 1981. 255 p. (In Russ.)

Urbaeva A. P. *Mногообразие видов повтора в современном немецком языке*: avtoref. dis. kand. filol. Nauk [The variety of types of repetition in modern German: Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2007. 16 p. (In Russ.)

Chernyshova S. V. *Funktsii povtorov v proze A. P. Chekhova*: avtoref. dis. kand. filol. Nauk [Functions of repetitions in prose by A. P. Chekhov: Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ivanovo. 2007. 18 p. (In Russ.)

Shiryayeva O. V. *Semantika povtora i raznourovnevye sredstva ego vyrazheniya v idiosstile D. Harmsa*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The semantics of repetition and multilevel means of its expression in D. Kharms' idiosstyle. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]: diss. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2009. 156 p. (In Russ.)

Types of Combined Syntactic Repetitions (Based on the Texts of Russian-Language Writers of Kazakhstan)

Olga V. Marina

Professor in the Department of General and Russian Linguistics

Altai State Pedagogical University

55, Molodezhnaya st., Barnaul, 656031, Russia Federation. marina_olvik@mail.ru

SPIN-code: 8247-1977

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-7944>

Assel Zh. Toktubayeva

Senior Lecturer in the Department of Kazakh, Russian Philology and Journalism

Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University

34, 30th gvardeyskoy divizii st., Ust-Kamenogorsk, 070002, Kazakhstan. asel_vko@mail.ru

SPIN-code: 3662-1946

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8738-9597>

Received 29 Dec 2021

Revised 08 Feb 2022

Accepted 02 Mar 2022

For citation

Marina O. V., Toktubayeva A. Zh. Vidy kombinirovannykh sintaksicheskikh povtorov (na materiale tekstov russko-yazychnykh pisateley Kazakhstana) [Types of Combined Syntactic Repetitions (Based on Texts of Russian-Language Writers of Kazakhstan)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 36–41. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-36-41 (In Russ.)

Abstract. In the literature devoted to types of repetitions, one can find research on so called ‘combined repetition’. However, linguistic works that deal with syntactic techniques, imagery means, means of linking in a sentence and text do not provide description of combinations consisting of two or more types of repetitions. In our opinion, solution to this issue depends on the basis of the study. The syntactic-stylistic approach makes it possible to identify the following combinations of syntactic repetitions: parallelism and frame repetition; parallelism and anaphora; parallelism and catch-up. In addition to a combination of two types of repetitions, the paper describes combinations of three types of repetitions: parallelism, anaphora, parcellation; parallelism, anaphora, paragraph. The identified versions of combination allowed us to conclude that one of the types of repetitions is parallelism. The connection between various syntactic repetitions was studied both at the level of the complex syntactic whole, constructions with another person’s speech and at the level of a paragraph, despite the fact that a paragraph can be considered both as a syntactic and a compositional-stylistic unit. The paper outlines directions for the study of combined repetitions. Apart from describing combinations within one level, it is necessary to carry out research at the junction of several levels of the language. This will make it possible to identify new variants of interaction of units belonging to different levels, possibly those not previously presented in theoretical works. This is the main line for further research. In addition, the use of various factual materials, namely literary texts, characterized by a variety of grammatical structures, will make it possible to identify new combinations of repetitions.

Key words: syntactic repetition; combined repetition; combined syntactic repetition; types of repetitions; parallelism.

УДК 811.111'33
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-42-53

О развитии терминологии жанра джаз в первой половине XX века в англоязычном дискурсе СМИ

Екатерина Владимировна Морозова

преподаватель кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. kattie_mistaken@mail.ru

SPIN-код: 4790-8789

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1961-3694>

Статья поступила в редакцию 06.12.2021

Одобрена после рецензирования 09.02.2022

Принята к публикации 21.04.2022

Информация для цитирования

Морозова Е. В. О развитии терминологии жанра джаз в первой половине XX века в англоязычном дискурсе СМИ // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 42–53. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-42-53

Аннотация. Статья посвящена становлению терминологии музыкального жанра джаз в англоязычном дискурсе СМИ первой половины XX в. Современные исследования терминологии показывают, что термин связан со специальной лексикой и профессиональной коммуникацией и может перейти в терминологию из общеупотребительного языка. Профессионализм, в свою очередь, принадлежит специальной лексике наряду с термином, но может и стать им в случае отсутствия терминологического эквивалента. В искусствоведческой и, в частности, музыкальной терминологии отмечают большое количество профессионализмов. Из музыкальной терминологии отдельный интерес представляет терминология джаза, поскольку ее формирование произошло на стыке классической музыкальной терминологии и англоязычных профессионализмов. В статье сравниваются три периода развития музыки жанра джаз через ее упоминания в СМИ и описано становление терминологии джаза в рамках газетного дискурса. Материалом послужили архивные тексты американских газет первой половины XX в., посвященные джазу, которые были разделены на три подкорпуса в соответствии с периодом издания газеты (1900–1920 гг., 1920–1945 гг., 1945–1950 гг.). Из данного материала были извлечены контексты употребления номинаций джазовой музыки. В исследовании были использованы методы контент-анализа, компонентного анализа, анализа словарных и контекстуальных дефиниций. В результате исследования было выявлено, что терминология джаза первой половины XX в. представлена в основном англоязычными неклассическими номинациями и в меньшей степени – классическими терминами из европейской академической музыкальной традиции.

Ключевые слова: термин; терминология; профессионализм; музыкальная терминология; джаз.

Введение

Изучение специальной лексики является одним из актуальных направлений современных исследований в лингвистике. Представления о термине как точной, четкой и однозначной единице [см.: Вюстер 1931] претерпели большие изменения во второй половине XX в. Ряд исследователей (Л. М. Алексеева, Л. А. Капаназде и

др.) отмечают динамическую природу термина. С. Д. Шелов и В. М. Лейчик отмечают подвижность границы между специальной и общеупотребительной лексикой [Шелов, Лейчик 2012]. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос о статусе профессионализма, который, как правило, понимается как неофициальный,

ненормативный аналог термина [см.: Калинин 1978, Прохорова 1979, Комарова 1991]. Особые трудности вызывает разграничение термина и профессионализма, и далеко не всегда исследователи сходятся во мнениях относительно того, что считать термином, а что профессионализмом. По С. Д. Шелову, профессионализм может занять место термина, если такового нет в терминологии определенной предметной сферы [Шелов 1984], таким образом, признается подвижность между термином и профессионализмом.

Большое количество профессионализмов и профессиональных эквивалентов существующих терминов присутствует в музыкальной терминологии [см.: Бояркина 2015, Быканова 2014]. Более того, отмечается малая стандартизация и неоднозначность музыкальной терминологии вообще [Sandoval-Cisternas 2018]. В музыкальной терминологии мы можем отдельно выделить терминологию джаза, изначально имеющую сленговую природу [Преснякова 2018], но дополненную академическими музыкальными терминами. Таким образом, терминология джаза представляет уникальный случай гибрида лексических единиц разной степени нормативности.

В данной статье мы рассматриваем формирование терминологии джаза. Для этого в выборе материала исследования отдается предпочтение газетным текстам из онлайн-архивов США и Великобритании, позволяющим проследить появление новых музыкальных номинаций, которые впоследствии вошли в терминологию джаза и закрепились в музыкальных словарях, а также функционирование академических музыкальных терминов. Проанализированы газеты первой половины XX в. – эпохи становления джаза как музыкального жанра, его расцвета и снижения популярности. Материал исследования разделен на три подкорпуса в соответствии с периодами развития джаза как музыкального жанра, проведен сопоставительный анализ терминологии каждого этапа.

Теоретические основы исследования

Термин. Статус и определение термина менялись на протяжении истории развития терминоведения. Традиционно термин определялся как жесткая, однозначная единица, как «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности»)» [Лингвистический...: электронный ресурс]. Однако постоянное изменение терминосистем, вызванное быстрым ростом новых технологий и интеграцией наук, в конце XX в. заставило ученых переосмыслить, так ли статичен и однозначен термин. Л. М. Алексеева пишет, что термин оказался «в реальном функционировании много-

аспектной, относительной, “нежесткой”, противоречивой единицей, не во всем удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к ее формированию» [Алексеева 1998: 4].

Рассмотрим точки зрения на динамическую природу термина. По Г. О. Винокуру, «слова обиходного значения, бытовые, могут стать терминами. С другой стороны, при интенсивном развитии какой-либо отрасли науки, термины могут перейти в общее употребление, то есть произойдет их детерминологизация» [Винокур 1939: 56]. С. Д. Шелов и В. М. Лейчик отмечают подвижность границы между специальной и общепотребительной лексикой: «Во-первых, одни и те же лексические единицы могут употребляться как в повседневной речи, так и в условиях профессиональной коммуникации. Во-вторых, общепотребительная лексема может перейти в разряд профессионализмов или терминов» [Шелов, Лейчик 2012: 3].

Таким образом, можно заключить, что термин не появляется в специальной области знания сразу, а может перейти в нее из обиходной лексики, либо возможен обратный процесс. В. Н. Ярцева отмечает, что «частым способом появления новых терминологических единиц является ретерминологизация, то есть, перенос готового термина из одной области знания в другую с частичным или полным его переосмыслением. Термины также могут быть заимствованы из другого языка, создаваться с помощью калькирования или морфемных средств собственного языка или интернациональных элементов» [Ярцева 1998: 508].

Отметим, что термин является элементом определенной совокупности языковых единиц, которая разными авторами называется терминологией или терминосистемой [Лейчик 2009: 18]. Ряд исследователей не разделяют терминологию и терминосистему. Так, В. М. Лейчик считает, что совокупности терминов могут формироваться стихийно или сознательно, и предлагает называть сложившуюся совокупность терминов называть терминологией, а сознательно сформированную – терминосистемой [Лейчик 1986: 87]. Из этого следует, что терминосистема представляется более упорядоченной и систематизированной, нежели терминология.

Профессионализм. Следующее понятие, которое мы будем использовать в исследовании, – профессионализм. И термины, и профессионализма относят к специальной лексике. Под специальной лексикой мы понимаем слова и сочетания слов, обозначающие понятия определенной области знания или деятельности [Рахманова, Суздальцева 1997].

К пониманию профессионализма также существует ряд подходов. Например, В. Н. Прохорова пишет, что «[профессионализмы] выступают обычно как просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов» [Прохорова 1979: 240]. З. И. Комарова относит к классу терминологии и терминологию, и профессиональную лексику [Комарова 1991].

Таким образом, основным отличием термина и профессионализма для большинства исследователей является соответствие норме, и часто они могут обозначать одно и то же понятие. С. Д. Шелов пишет, что «наиболее отчетливо взаимоотношения между термином и профессионализмом выступают в синонимической паре, один член которой бесспорно является термином, а другой, не удовлетворяя требованиям нормы, принадлежит профессиональному просторечию» [Шелов 1984: 84]. Однако далее автор отмечает, что в случае отсутствия терминологического эквивалента профессионализм может стать термином в зависимости от факторов профессионального словоупотребления и в силу подвижности и гибкости самого языкового узуса [там же].

Исходя из вышесказанного, мы можем заключить, что грань между термином и профессионализмом не является однозначной и во многом зависит от ситуации употребления.

Особенности музыкальной терминологии

Поскольку мы рассматриваем и термины, и профессионализмы, работать будем не с терминосистемой, а с терминологией.

В искусствоведческой терминологии вообще нередки случаи синонимии терминов. О. И. Кулапина пишет, что «одни и те же понятия могут иметь разные названия – это может быть связано, например, с появлением заимствованных терминов, а также образностью языка» [Кулапина 2017: 7]. А. П. Миньяр-Белоручева и Н. А. Овчинникова отмечают, что термины искусствоведения не только создавались специально, но и во многом развивались из лексики естественного языка [Миньяр-Белоручева, Овчинникова 2011: 59].

Среди особенностей искусствоведческих и музыковедческих текстов А. В. Бояркина отмечает большое количество эмоциональной лексики с некоторой степенью гиперболизации положительной оценки, метафорических эпитетов, развернутых сравнений, образных клише. При этом термины заменяются и заимствованными эквивалентами, а также профессионализмами [Бояркина 2015: 226].

В музыкальной терминологии Н. М. Морозова и А. А. Чернобров выделяют три типа терминов: узкоспециальный, «т.е. слово или сочетание

слов, являющееся общепринятым в профессиональной музыкальной среде»; термин с первичным «обыденным» значением и вторичным терминологическим; термин с первичными терминологическим значением и расширенным нетерминологическим [Морозова 2016: 140]. Можем предположить, что, согласно классификации вышеназванных авторов, второй тип музыкального термина является профессионализмом, так как профессионализмы берут начало в общеупотребительной лексике.

Особенности джазовой терминологии

Джаз как музыкальное явление характеризуется смешением разных музыкальных традиций, «симбиозом академической традиции и джаза» [Чернышов 2009: 31]. Соответственно, терминология джаза также формировалась «на стыке» разных музыкальных традиций. В первую очередь отличие джазовой терминологии от классической заключается в том, что классическая музыкальная терминология сформировалась на основе итальянского и французского (реже – немецкого) языков, в то время как большую часть джазовой составляют англоязычные термины [Смурыгина 2005: 205]. И. А. Преснякова видит специфику джазовой терминологии в том, что она связана с «формой функционирования джаза, детерминированной условиями его рождения в определенной этносоциальной среде» и сленговой природой [Преснякова 2018: 205].

Рассмотрим формирование терминологии джаза более подробно.

Начнем с того, что сама лексема «джаз», являющаяся в современных словарях музыкальным термином, обозначающим определенный музыкальный жанр, долгое время имела разное написание (*jasm*, *gism* и т.п.) и разные значения. Л. Портер пишет, что Оксфордский словарь английского языка прослеживает корни лексемы *jasm* до 1860 г., когда она употреблялась в значениях «жизнерадостность», «энергия» [Porter 2018]. При этом джаз как музыкальный жанр сформировался к началу XX в.: исследователи сходятся во мнении, что жанр сформировался на стыке XIX и XX вв. на основе музыкальных стилей блюз и рэгтайм [Stewart et al. 2019, Germuska 2017, Roth 1952].

Из этого можно заключить, что все остальные джазовые термины, бывшие в употреблении в ранний период становления джаза, также прошли долгий путь до «признания» в профессиональной сфере.

За приблизительную точку отсчета истории джаза мы возьмем 1900 г. и закончим ранний период в 1920-х гг., до наступления так называемой «эпохи джаза» – *Jazz Age* [Yuroshko 1993:

47]. Второй период мы обозначим окончанием Второй мировой войны, когда популярность так называемых «биг-бэндов» (популярных джазовых оркестров) пошла на убыль. Далее джаз начинает распадаться на множество разных поджанров, и мы проследим за развитием «послевоенного» джаза до начала 1950-х гг., пока ему на смену не придет новый фаворит публики – рок-н-ролл.

Для набора материала был выбран дискурс СМИ, а именно газетный дискурс, поскольку цель исследования заключалась в том, чтобы проследить формирование терминологии джаза в динамике, установить, какие именно термины и профессионализмы (многие из которых станут потом «признанными» музыкальными терминами) были зафиксированы в определенный период развития жанра и характеризуют его.

Материалом исследования послужили архивы американских и британских СМИ, а именно:

1) *Roaring Twenties -> Jazz Age*, статьи и вырезки из газет об «эпохе джаза»;

2) *Chronicling America. Historic American Newspapers*, оцифрованные выпуски 3380 американских газет и журналов с 1777 по 1963 гг.;

3) *National Jazz Archive*, архив оцифрованных британских музыкальных газет и журналов, выпущенных с 1920-х гг. и посвященных преимущественно джазу: “Melody Maker”, “Downbeat”, “Jazz Journal”, “Blues World”, “Jazzwise” и “Crescendo”, а также более редкие издания.

Таким образом, материал представлен СМИ как музыкальной тематики, так и общего направления, что позволит нам изучить выбранные периоды с точки зрения как музыкальных критиков, владеющих академической лексикой, так и журналистов, подхватывающих сленг джазовых музыкантов.

Поиск статей в СМИ общей направленности проводился с помощью встроенной поисковой системы по ключевым словам “ragtime”, “jazz” и вариантам его написания (до 1920-х гг. встречалось написание “jass”), “blues”, “swing” и “big band”, которые являются названиями самых популярных направлений джаза с 1910-х по 1940-е гг. Таким образом, «выхватив» одну из лексем, мы смогли получить статью или заметку, в которой было упомянуто одно из стилевых направлений джаза, и определить музыкальные номинации, употребленные в том же контексте.

В музыкальных же СМИ, посвященных практически полностью джазу, были выбраны все статьи, которые были предоставлены в архиве.

Из статей были извлечены контексты, каждый из которых содержит музыкальную номинацию. Общее количество номинаций – 2431: 470 в ран-

нем периоде (1900–1920), 1102 в периоде расцвета джаза (1920–1945) и 859 в послевоенном периоде (1945–1950).

Приведем пример контекста. В статье “A Defense of Jazz” из газеты “The New York Herald” за 15 октября 1922 г. мы встречаем номинацию “jazz”:

“Jazz was not music, it was vulgar, it was sensual, it was discord, it was this, it was that”. Из контекста мы видим, что речь идет об определенном музыкальном явлении, которое не особо жаловала публика.

Все извлеченные номинации были разделены на следующие категории.

1. Классический термин – неклассический термин

Под «классическим» термином мы подразумеваем термин, принадлежащий так называемой академической музыке, т.е. музыке, «находящейся в отношении преемственности прежде всего к сформировавшимся в Европе в XVII–XIX вв. музыкальным жанрам и формам (опера, симфония, соната и т.п.), мелодическим и гармоническим принципам и инструментальному составу» [Яных 2009: 100]. Составители словаря отмечают также, что «иные типы современной музыки – от поп-музыки до джаза – с классической европейской музыкальной традицией почти не взаимодействуют» [там же].

Неклассическую терминологию составляют музыкальные профессионализмы и жаргонизмы, не относившиеся к академической музыке и вошедшие в терминологию джаза.

2. Заимствованный термин – англоязычный термин

Под заимствованным термином мы понимаем термин, пришедший из лексики любого языка, кроме английского. Для классических терминов такими языками являются в большей степени итальянский, в меньшей – французский, для неклассических – другие языки, не представленные в академической музыке (испанский, португальский).

Особенности номинаций периода раннего джаза (1900–1920)

Для периода раннего джаза характерно небольшое количество классических и заимствованных терминов (по 28 %). Большинство номинаций в этом периоде являются неклассическими и англоязычными.

Немногие классические термины здесь относятся к таким группам, как базовые музыкальные категории (например, “rhythm”, “chord”, “melody”, “harmony”); некоторые приемы игры на музыкальных инструментах (здесь можно отметить «синкопирование», “syncopation” – тер-

мин, который получил наибольшее распространение именно в джазовой музыке); названия классических музыкальных инструментов (“clarinet”, “trombone”, “drum”). Эти же номинации принадлежат к категории заимствованных терминов. Несмотря на относительно небольшое количество в процентном отношении к другим терминам периода, термины из академической музыки важны для раннего периода джаза, как обозначения основных музыкальных принципов. В этом плане они составляют базу для терминологии раннего периода джаза.

Перейдем к неклассическим и англоязычным терминам.

Часть из них является профессионализмами, которые дублировали уже существующие классические термины, например, “squeezebox” как название музыкального инструмента “accordion” («аккордеон»). Глагол “to squeeze” в переводе с английского означает «сжимать», что отражает принцип игры на аккордеоне. Другим примером подобного дублирования является “slip-horn” вместо “trombone” («тромбон»). Словарь “The Free Music Dictionary” отмечает, что “the name is derived from the “slippery” connotation of the trombone slide”, т.е. в основе лежит компонент “slip”, «скользить», что также иллюстрирует технику игры на тромбоне [The Free Music Dictionary].

Далее, отметим большое количество номинаций, для которых нет аналога в классической музыкальной терминологии. Это новые музыкальные стили (“jazz”, “ragtime”, “blues”, “shimmy”), новые музыкальные инструменты (“banjo”, “saxophone”).

Многие номинации впоследствии стали музыкальными терминами, к примеру “ragtime” («рэгтайм»). Обратимся к нашему архивному материалу. В газете “The Day Book” от 28 августа 1912 г. мы можем найти следующее упоминание термина: “He said I wasn't refined enough for him, and he wouldn't let me play ragtime, and wanted me to play a lot of fool classical and sacred music” (The Day Book 28.08.1912), что в переводе: «Он сказал, что я для него недостаточно изысканна и что он не позволит мне играть рэгтайм, и он хотел, чтобы я играла кучу дурацкой классической и религиозной музыки». Как можно заметить, номинация “ragtime” противопоставляется номинациям “classical and sacred music”, классическим произведениям.

В словаре “Oxford Music Online” находим следующее определение “ragtime”: “A style of popular music that flourished from the mid-1890s to 1918. Its main identifying trait is its ragged – i.e., syncopated – rhythm. While today it is most commonly thought of as a piano style, during the ragtime period the term also referred to other

instrumental music, to vocal music, and to dance”, т.е. «Стиль популярной музыки, получивший свой расцвет в период с середины 1890-х до 1918 г. Основная его черта – рваный, или синкопированный ритм. Несмотря на то, что в наши дни под ним обычно подразумевается фортепианный стиль, в тот период под рэгтаймом понимали и другую инструментальную музыку, и пение, и танец» [Oxford Music Online]. Таким образом, мы видим, как появившаяся в начале XX в. номинация без четкой дефиниции (могла относиться к разным музыкальным стилям и приемам исполнения) сейчас является музыкальным термином и находится в ряде музыкальных терминологических словарей (включая Oxford Dictionary of Music, Jazz Glossary и т.п.).

Еще одним примером появления нового музыкального термина является номинация “cake-walk” (кейкуок или кекуок), буквальный перевод названия – «прогулка с пирогом» (название идет из традиции южных штатов награждать лучших чернокожих работников на плантации пирогом). В Оксфордском словаре английского языка слово фиксируется уже в 1870-х гг. [Ghandi 2013], а в СМИ оно впервые встречается нам в газете “The Day Book” от 7 мая 1915 г., где мы находим упоминание номинации “cake-walk” как обозначения определенного танца: “The Day Book has arranged to give its readers six cake-walk lessons” («[Газета] The Day Book подарит своим читателям шесть уроков кейкуока») (The Day Book 07.05.1915). “The Free Music Dictionary” в наши дни определяет “cake-walk” как “a traditional African American form of music and dance”, т.е. «традиционную афро-американскую форму музыки и танца» [The Free Music Dictionary].

В целом номинации раннего периода джаза англоязычные и неклассические. Часть из них использовалась вместо классических терминов (например, использование номинации “band” вместо “orchestra”, просторечное “fiddle” («скрипка») вместо заимствованного “violin”), но в большинстве случаев они не имели эквивалентов в классической музыкальной терминологии.

Особенности номинаций периода «эпохи джаза» (1920–1945)

Для эпохи джаза характерно большее количество классических музыкальных терминов (42 %) и заимствованных номинаций (39 %), чем для раннего периода джаза.

Новыми классическими терминами в этом периоде являются такие, как “composer” («композитор»), “opera”, “technique” («техника», «прием»), “virtuoso” («виртуоз»): терминология джаза продолжала обогащаться терминами из академической музыкальной традиции.

Однако время от времени классические термины дополнялись «неклассическими» компонентами. Так, в значении словосочетания “jazz composer”, «джазовый композитор», актуализируется компонент “jazz” – акцент делается именно на сочинении джазовых композиций. В этот период мы встречаем ряд словосочетаний, в которых соединяются «джазовый» компонент и классический, например “jazz opera” («джазовая опера»). Ряд музыкальных исследователей называют подобный поджанр “symphonic jazz”, «симфонический джаз». Первой «джазовой оперой» считается «Грустный понедельник» (“Blue Monday”) Дж. Гершвина, американского композитора, который, как известно, стремился соединить элементы классической музыки с американской популярной музыкой, а именно с джазом [King 2001]. Таким образом, смешение разных музыкальных традиций привело к появлению «смешанных» терминов, соединяющих в себе классический и неклассический компоненты, а также англоязычный и заимствованный.

Отметим также употребление и классических, и неклассических терминов для обозначения одного и того же явления, что сопровождалось развитием внутриотраслевой синонимии. Так, если в период становления жанра джазовые коллективы называли практически всегда “jazz band” («джаз-бэнд»), то в период расцвета джаза примерно в половине случаев мы встречаем термин “orchestra”, «оркестр», пришедший из классической европейской музыкальной традиции. При этом наиболее известные музыкальные коллективы той эпохи предпочитали называть себя именно “orchestra”: “Benny Goodman and His Orchestra”, “Glenn Miller Orchestra”. Тем не менее появилось несколько других названий для джазовых ансамблей: “Dance band” – «танцевальный ансамбль», “Show band” – «шоу-ансамбль», “Big band” – «большой оркестр».

Как синонимы использовались также французский музыкальный термин “engagement”, «приглашение музыкантов на выступление», и англоязычный неклассический “gig”, «выступление». Однако в то время существовала некоторая разница между этими терминами.

В подборке “Dance Band Diaries”, созданной журналистом “Melody Maker” К. Хэйзом, мы находим такое упоминание термина в 1926 г.: “MM [Melody Maker] stresses the dangers of amateur musicians gigging for the meanest fees or playing free, taking jobs from professionals, who are urged not to work with them” (Dance Band Diaries, Volume 1, 1926), т.е. «Журнал “Melody Maker” подчеркивает опасности для музыкантов-любителей, которые выступают за мизерную плату

или бесплатно, отбирая работу у профессионалов, которые вынуждены не работать с ними».

Из приведенной цитаты мы получаем контекстуальную дефиницию лексемы “gig”: изначально мероприятие не было полноценным выступлением; более того, официально трудоустроенные, профессиональные музыканты не хотели или не имели возможности там выступать. Тем не менее впоследствии этот термин стал означать практически любое выступление и в настоящее время также используется в современной рок-музыке (см. “Oxford Music Online”).

Как и в раннем периоде, в эпоху джаза появляются номинации, не имеющие эквивалентов в классической музыкальной терминологии: “swing” (поджанр джаза «свинг»), “boogie-woogie”, “growl” («гроул», манера пения, напоминающая рычание). Все они со временем стали словарными музыкальными терминами. Появлению новых терминов способствовало также развитие звукозаписи: “broadcasting” («передача по радио»), “on the air”, “over the air” («выход в эфир»).

Итак, для эпохи джаза характерно большее количество классических и заимствованных терминов, чем для периода раннего джаза. Тем не менее в этом периоде доминируют англоязычные и незаимствованные термины.

Особенности номинаций периода послевоенного джаза (1945–1950)

В номинациях периода послевоенного джаза мы наблюдаем несколько меньшее количество классических терминов (37 %) по сравнению с эпохой джаза и наименьшее для всех периодов количество заимствованных терминов (14 %). В музыкальном плане период характеризуется постепенным отходом от доминирования джазовой музыки в культурной жизни США и появлением множества производных музыкальных направлений.

Приведем примеры классических и заимствованных музыкальных терминов в этом периоде: “instrumentation” («оркестровка»), “soloist” («соло-исполнитель»), “ensemble” («ансамбль»), “trio”. Заимствованными, но не принадлежащими классической музыкальной терминологии являются номинации, пришедшие из лексики романских языков, – “mambo” (танец «мамбо»), “bossa nova” («босса нова», «новая волна»).

К классическим терминам, относящимся к приемам игры, часто присоединяются компоненты, указывающие на происхождение той или иной техники, например “African rhythm” («африканский ритм»).

В периоде послевоенного джаза мы находим большое количество терминов, означающих архаичные музыкальные направления XIX в., стоявшие у истоков джаза: “gospel” («госпел», афроамериканская религиозная музыка), “jubilee” («джубили», праздничные песни), “spiritual” («спиричуэл», религиозные песнопения). Вероятно, это связано с тем, что джаз начал рассматриваться в теоретическом музыкальном дискурсе с точки зрения истории джаза. Это предположение подкрепляется обнаруженным в одном из газет словосочетанием “jazz theoretician”, «теоретик джаза»: “Jazz is not even ‘Afro-American’, a term comparatively new and popular among jazz theoreticians”, что означает «Джаз не является даже “афроамериканским” термином, относительно новым и популярным среди теоретиков джаза» (The Illinois Standard 04.12.1948). Контекст номинации дает нам понимание того, что так называемые «теоретики» джаза занимались реконструкцией его происхождения. Отметим также, что в послевоенном периоде газетного дискурса впервые появляется лексема “Afro-American”, взамен “Negro” во втором периоде и совсем уничижительной “coloured”, «цветные», в периоде раннего джаза.

Неклассические и англоязычные термины в этом периоде относятся как к новым музыкальным направлениям, так и к новым приемам игры: “fusion” или “fusing” (т.е. «сплав», «слияние») – смешение различных музыкальных элементов [Oxford Music Online].

Так же, как и в периоде эпохи джаза, многие номинации пришли из сферы звукозаписи, радиовещания, новых музыкальных технологий. К примеру, это один из наиболее популярных сегодня музыкальных терминов, относящихся к ис-

полнителям, “disc jockey” («диск-жокей», «диджей»). Впервые этот термин зафиксирован в 1935 г., когда его употребил радиокомментатор рубрики светской хроники, а в печати он появился в 1941 г. в журнале “Variety”, обозначая радиовещателей, которые ставили для своих слушателей музыкальные новинки [Rohter 2010].

Приведем пример из газеты “The Detroit Tribune” за 22 июля 1950 г.:

“The 34-year old disc jockey has revolutionized the radio industry for Negroes in Detroit”⁸, что означает «34-летний диск-жокей изменил в корне радио-индустрию для негров в Детройте» (The Detroit tribune 22.07. 1950). Как можно заключить из этого контекста, термин “disc jockey” обозначал полноценного музыкального исполнителя наряду с певцами и инструменталистами. Термин получил широкое распространение во второй половине XX в. и в подавляющем большинстве случаев сокращается до “DJ”.

Из неклассических англоязычных номинаций, ставших современными музыкальными терминами, выделим также “record”, “recording” («запись»), “album” («музыкальный альбом»), “single record” («сингл», песня, записанная отдельно от основного музыкального альбома).

В периоде послевоенного джаза, как и в двух предыдущих, появляются новые термины; часть из них была заимствована из классической музыкальной терминологии, но большая часть – англоязычные неклассические номинации.

Сопоставление результатов трех периодов развития джаза на материале СМИ

По итогам изучения каждого из периодов развития джаза выполним сопоставительный анализ. Результаты отражены в табл. 1, 2.

Таблица 1 / Table 1

Терминология джаза: классические и неклассические термины

Terminology of jazz: classical vs non-classical terms

Периоды	Классические	Неклассические	Общее количество (100 %)
Ранний джаз	131 (28 %)	339 (72 %)	470
Эпоха джаза	468 (42 %)	634 (58 %)	1102
Послевоенный джаз	316 (37 %)	543 (63 %)	859

Терминология джаза: заимствованные и англоязычные термины**Terminology of jazz: borrowed vs English-language terms**

Периоды	Заимствованные	Англоязычные	Общее количество (100 %)
Ранний джаз	131 (28 %)	339 (72 %)	470
Эпоха джаза	427 (39 %)	675 (61 %)	1102
Послевоенный джаз	123 (14 %)	736 (86 %)	859

Как показывают результаты, наибольшая часть классических терминов, т.е. терминов, пришедших из академической музыкальной традиции, наблюдается в терминологии джаза в период «эпохи джаза» (1920–1945), это 42 % от общего количества проанализированных номинаций. Наименьшее количество классических терминов, 28 %, мы обнаружили в периоде раннего джаза (1900–1920). Результат объясняется тем, что в раннем периоде развития джаза этот музыкальный жанр воспринимался как кардинально новое направление, неизвестное широкой публике, соответственно, терминология джаза той эпохи была описана прежде всего профессионалистами, используемыми джазовыми музыкантами. В период же расцвета джаз стал занимать свою нишу среди «признанных» музыкальных жанров того времени, им заинтересовались музыканты с академическим музыкальным образованием, что привело к появлению большого количества классических терминов.

Наибольшее количество заимствованных терминов (39 %) также было отмечено в период «эпохи джаза». Под заимствованными терминами мы понимаем термины неанглоязычного происхождения. Это могут быть термины из языков, которые составляли классическую терминологию (итальянский, французский), и из более «экзотических» культур (к примеру, гавайский “ukulele”). Наименьшее количество заимствованных терминов (14 %) отмечается в период послевоенного джаза (1945–1950), вероятнее всего, по той причине, что популярность жанра стала постепенно сходить на нет, а терминология джаза в послевоенный период была практически сформирована. С другой стороны, послевоенный период характеризуется появлением разнообразных поджанров джаза (“fusion”), которые выражаются англоязычными номинациями.

Подводя итоги, резюмируем, что терминология джаза в газетном дискурсе представлена в основном англоязычными неклассическими номи-

нациями. Тем не менее на ее формирование повлияли также классические термины, пришедшие из европейской академической музыкальной традиции. Проанализированный материал дает определенное понимание того, как формировалась терминология джаза в разные периоды его развития согласно упоминаниям в СМИ как музыкального, так и общего характера. Результаты исследования делают вклад в изучение терминологии джаза и, в более широком контексте, изучение терминологии популярной музыки, а также могут использоваться в лингвострановедческих дисциплинах.

Список источников

Chronicling America. Historic American Newspapers (Хроники Америки. Исторические американские газеты). URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/> (дата обращения: 30.11.2021).

Dance Band Diaries. Volume 1. 1926. URL: <https://nationaljazzarchive.org.uk/explore/journals/the-dance-band-diaries/volume-1-1926/1266779?q=gig> (дата обращения: 30.11.2021).

National Jazz Archive (Национальный архив джаза). URL: <https://nationaljazzarchive.org.uk/explore/journals> (дата обращения: 30.11.2021).

Roaring Twenties -> Jazz Age (Ревущие двадцатые – эпоха джаза). URL: <https://www.newspapers.com/topics/roaring-twenties/jazz-age/> (дата обращения: 30.11.2021).

The day book. [volume] (Chicago, Ill.), 07 May 1915. Chronicling America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83045487/1915-05-07/ed-1/seq-15/> (дата обращения: 30.11.2021).

The day book. [volume] (Chicago, Ill.), 28 Aug. 1912. Chronicling America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83045487/1912-08-28/ed-1/seq-23/> (дата обращения: 30.11.2021).

The Detroit tribune. (Detroit, Mich.), 22 July 1950. Chronicing America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn92063852/1950-07-22/ed-1/seq-17/> (дата обращения: 30.11.2021).

The Illinois standard. [volume] (Chicago, Ill.), 04 Dec. 1948. Chronicing America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn82015060/1948-12-04/ed-1/seq-6/> (дата обращения: 30.11.2021).

The New York herald. [volume] (New York, N.Y.), 15 Oct. 1922. Chronicing America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn83045774/1922-10-15/ed-1/seq-120/> (дата обращения: 30.11.2021).

The Omaha guide. [volume] (Omaha, Neb.), 16 April 1938. Chronicing America: Historic American Newspapers. Lib. of Congress. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn93062828/1938-04-16/ed-1/seq-6/> (дата обращения: 30.11.2021)

Список литературы

Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминологии: учеб. пособие по спецкурсу / Перм. ун-т. Пермь, 1998. 119 с.

Бояркина А. В. Искусствоведческие и музыковедческие тексты: проблемы перевода // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй науч.-практ. конф. Т. 2. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 58–63.

Быканова М. С. Языковая личность музыканта в этнокультурном аспекте (на материале дискурсных манифестаций А. Н. Скрябина и К. Дебюсси): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 195 с.

Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИИФЛИ. М., 1939. Т. 5. С. 5–36.

Калинин А. В. Лексика русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1978. 232 с.

Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 156 с.

Кулатина О. И. Проблемные вопросы современной музыковедческой терминологии // Проблемы музыкальной науки. 2017. № 2. С. 6–13.

Лейчик В. М. О классификации профессиональной лексики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 2. С. 3–16.

Лейчик В. М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 87–97.

Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990. URL: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/> (дата обращения: 12.03.2021).

Миньяр-Белоручева А. П., Овчинникова Н. А. К истории возникновения и развития искусствоведческих терминов // Вестник ЮУрГУ. 2011. № 3. С. 58–62.

Морозова Н. М., Чернобров А. А. Лексикографические и лингвокультурологические аспекты музыкального дискурса в сети Интернет // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). С. 138–148.

Преснякова И. А. Джазовая терминология как коммуникативный барьер // Мир образования. 2018. № 2. С. 201–211.

Прохорова В. Н. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык. М., 1997. URL: <https://www.textologia.ru/russkiy/leksikologia/slovo-upotreblenie/specialnaya-leksika/1206/?q=463&n=1206> (дата обращения: 01.12.2021).

Смурыгина С. Н. Использование джазовой терминологии в процессе подготовки музыкантов // Музыкальное образование: Южно-Российский музыкальный альманах. 2005. С. 204–209.

Чернышов А. В. Джаз и музыка европейской академической традиции: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009. 32 с.

Шелов С. Д., Лейчик В. М. О классификации профессиональной лексики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 2. С. 3–16.

Шелов С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (К проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 76–87.

Яных Е. А. Словарь музыкальных терминов. М.: Изд-во АСТ: Агата, 2009. 322 с.

Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Germuska J. The Jazz Book": A Map of Jazz Styles. 2017. URL: <https://www.sbg.ac.at/ges/people/wagnleitner/usa3/nov26frame.htm> (дата обращения: 01.12.2021).

Ghandi L. The Extraordinary Story Of Why A 'Cakewalk' Wasn't Always Easy. 2013. URL: <https://www.npr.org/sections/codeswitch/2013/12/23/256566647/the-extraordinary-story-of-why-a>

cakewalk-wasnt-always-easy (дата обращения: 12.03.2021).

Jazz Terms Glossary. URL: <https://www.apassion4jazz.net/glossary.html> (дата обращения: 01.12.2021).

King B. American symphonic jazz: an excursion into the geography of music. 2001. URL: <http://www.scena.org/lsm/sm6-5/jazz.html> (дата обращения: 01.12.2021).

Oxford Music Online. URL: <https://www.oxfordmusiconline.com/page/the-new-grove-dictionary-of-jazz> (дата обращения: 31.01.2022).

Porter L. Where Did 'Jazz,' the Word, Come From? 2018. URL: <https://www.wbgo.org/music/2018-02-26/where-did-jazz-the-word-come-from-follow-a-trail-of-clues-in-deep-dive-with-lewis-porter> (дата обращения: 01.12.2021).

Rohter L. Museum Acquires Storied Trove of Performances by Jazz Greats // *New York Times*. 2010. URL: <https://www.nytimes.com/2010/08/17/arts/music/17jazz.html> (дата обращения: 12.03.2021).

Roth R. On the Instrumental Origins of Jazz // *American Quarterly*. 1952. Vol. 4. No. 4. P. 305–316.

Sandoval-Cisternas E. Undergraduate music theory terminology used by selected Spanish-speaking instructors in Chile: development, similarities, and limitations // *Theses and Dissertations – Music*. 2018. 119 p.

Stewart J., White M., Hasse J. et al. Jazz Origins in New Orleans. 2019. URL: https://www.nps.gov/jazz/learn/historyculture/history_early.htm (дата обращения: 01.12.2021).

The Free Music Dictionary. URL: <https://www.freemusicdictionary.com/> (дата обращения: 01.12.2021).

Wüster E. The road to Infoterm: two reports prepared on behalf of UNESCO. Published by Pullach Isartal: Verlag Dokumentation, 1974. 184 p.

Yuroshko B. *A Short History of Jazz*. Rowman & Littlefield Publishers. 1993. 336 p.

References

Alekseeva L. M. *Problemy termina i terminoobrazovaniya: Ucheb. posobie po spetskursu* [Problems of Terms and Term Formation: A textbook for a special course]. Perm, Perm State University Press, 1998. 119 p. (In Russ.)

Boyarkina A. V. *Iskusstvovedcheskie i muzykovedcheskie teksty: Problemy perevoda* [Art and musicological text: Problems of translation]. *Magiya INNO: novoe v issledovanii yazyka i metodike ego prepodavaniya: materialy Vtoroy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [The Magic of INNO: the New in the Study of Language and Methods of Teaching It: Proceedings of the Sec-

ond Scientific and Practical Conference.]. Moscow, MGIMO University, 2015, vol. 2, pp. 58-63. (In Russ.)

Bykanova M. S. *Yazykovaya lichnost' muzykanta v etnokul'turnom aspekte (na materiale diskursnykh manifestatsiy A. N. Skryabina i K. Debussy)*. *Dis. kand. filol. nauk* [The language personality of a musician in the ethno-cultural aspect (based on the discourse manifestations of A. N. Scriabin and C. Debussy). Cand. philol. sci. diss.]. Belgorod, 2014. 195 p. (In Russ.)

Vinokur G. O. *O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologii* [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. *Trudy MIIFI* [Works of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature]. Moscow, 1939, vol. 5, pp. 5-36. (In Russ.)

Kalinin A. V. *Leksika Russkogo Yazyka* [Vocabulary of the Russian Language]. Moscow, Moscow State University Press, 1978. 232 p. (In Russ.)

Komarova Z. I. *Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie* [The Semantic Structure of a Special Word and Its Lexicographic Description]. Sverdlovsk, Ural University Press, 1991. 156 p. (In Russ.)

Kulapina O. I. *Problemy voprosy sovremennoy muzykovedcheskoy terminologii* [The problem questions of contemporary musicological terminology]. *Problemy Muzykal'noy Nauki* [Music Scholarship], 2017, issue 2, pp. 6-13. (In Russ.)

Leychik V. M. *O yazykovom substrate termina* [On the linguistic substratum of the term]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 1986, vol. 5, pp. 87–97. (In Russ.)

Leychik V. M. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology Science: Subject, Methods, Structure]. 4th ed. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 256 p. (In Russ.)

Lingvisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. 1990. Available at: <http://lingvisticheskii-slovar.ru/> (accessed 12 Mar 2021). (In Russ.)

Min'yar-Belorucheva A. P., Ovchinnikova N. A. *K istorii vozniknoveniya i razvitiya iskusstvovedcheskikh terminov* [On the history of emergence and development of art criticism terms]. *Vestnik YuUrGU* [South Ural State University Bulletin], 2011, issue 3, pp. 58 – 62. (In Russ.)

Morozova N. M., Chernobrov A. A. *Leksikograficheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty muzykal'nogo diskursa v seti Internet* [Textological, lexicographic and cultural aspects of musical discourse in the Internet]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*

[Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 2016, issue 2 (30), pp. 138-148. (In Russ.)

Presnyakova I. A. Dzhazovaya terminologiya kak kommunikativnyy bar'er [Jazz terminology as a communication barrier]. *Mir obrazovaniya* [World of Education], 2018, issue 2, pp. 201-211. (In Russ.)

Prokhorova V. N. *Russkiy Yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Ed. by F. P. Filin. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1979. 432 p. (In Russ.)

Rakhmanova L. I., Suzdal'tseva V. N. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. Moscow, 1997. Available at: https://www.textologia.ru/russkiy/leksikologiya/slovo_upotreblenie/specialnaya-leksika/1206/?q=463&n=1206 (accessed 01 Dec 2021). (In Russ.)

Smurygina S. N. Ispol'zovanie dzhazovoy terminologii v protsesse podgotovki muzykantov [The use of jazz terminology in the preparation of musicians]. *'Muzykal'noe obrazovanie' Yuzhno-Rossiyskiy muzykal'nyy al'manakh* [South-Russian Musical Anthology 'Musical Education'], 2005, pp. 204-209. (In Russ.)

Chernyshov A. V. *Dzhaz i muzyka evropeyskoy akademicheskoy traditsii*. Avtoref. dis. kand. iskusstvovedeniya [Jazz and music of the European academic tradition. Abstract of Cand. art crit. sci. diss.]. Moscow, 2009. 32 p. (In Russ.)

Shelov S. D., Leychik V. M. O klassifikatsii professional'noy leksiki [On the classification of professional vocabulary]. *Izvestiya RAN. Seriya Literatury i Yazyka* [The Bulletin of Russian Academy of Science: Studies in Literature and Language], 2012, vol. 71, issue 2, pp. 3-16. (In Russ.)

Shelov S. D. Terminologiya, professional'naya leksika i professionalizmy (K probleme klassifikatsii spetsial'noy leksiki) [Terminology, professional vocabulary and professionalism (On the problem of classification of special vocabulary)]. *Voprosy Yazykoznananiya* [Topics in the Study of Language], 1984, issue 5, pp. 76-87. (In Russ.)

Yanykh E. A. *Slovar' muzykal'nykh terminov* [Dictionary of Music Terms]. Moscow, AST: Agata Publ., 2009. 322 p. (In Russ.)

Yartseva V. N. *Yazykoznanie. Bol'shoy Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 1998. 685 p. (In Russ.)

Germuska J. The jazz book: A map of jazz styles. 2017. Available at: <https://www.sbg.ac.at/ges/peo->

[ple/wagnleitner/usa3/nov26frame.htm](https://www.sbg.ac.at/ges/peo-ple/wagnleitner/usa3/nov26frame.htm) (accessed 01 Dec 2021). (In Eng.)

Ghandi L. The extraordinary story of why a 'cakewalk' wasn't always easy. Available at: <https://www.npr.org/sections/codeswitch/2013/12/23/256566647/the-extraordinary-story-of-why-a-cakewalk-wasnt-always-easy> (accessed 12 Mar 2021). (In Eng.)

Jazz Terms Glossary. Available at: <https://www.apassion4jazz.net/glossary.html> (accessed 01 Dec 2021). (In Eng.)

King B. American symphonic jazz: an excursion into the geography of music. Available at: <http://www.scena.org/lsm/sm6-5/jazz.html> (accessed 01 Dec 2021). (In Eng.)

Oxford Music Online. Available at: <https://www.oxfordmusiconline.com/page/the-new-grove-dictionary-of-jazz> (accessed 31 Jan 2022). (In Eng.)

Porter L. Where did 'jazz,' the word, come from? Available at: <https://www.wbgo.org/music/2018-02-26/where-did-jazz-the-word-come-from-follow-a-trail-of-clues-in-deep-dive-with-lewis-porter> (accessed 01 Dec 2021). (In Eng.)

Rohter L. Museum acquires storied trove of performances by jazz greats. *New York Times*. 2010. Available at: <https://www.nytimes.com/2010/08/17/arts/music/17jazz.html> (accessed 12 Mar 2021). (In Eng.)

Roth R. On the instrumental origins of jazz. *American Quarterly*, 1952, vol. 4, issue 4, pp. 305-316. (In Eng.)

Sandoval-Cisternas E. Undergraduate music theory terminology used by selected Spanish-speaking instructors in Chile: development, similarities, and limitations. *Theses and Dissertations – Music*, 2018. 119 p. (In Eng.)

Stewart J., White M., Hasse J. et al. Jazz origins in New Orleans. Available at: https://www.nps.gov/jazz/learn/historyculture/history_early.htm (accessed 01 Dec 2021). (In Eng.)

The Free Music Dictionary. Available at: <https://www.freemusicdictionary.com/> (accessed 01 Dec 2021). (In Eng.)

Wüster E. *The Road to Infoterm: Two Reports Prepared on Behalf of UNESCO*. Publ. by Pullach Isartal: Verlag Dokumentation, 1974. 184 p. (In Eng.)

Yuroshko B. *A Short History of Jazz*. Rowman & Littlefield Publishers, 1993. 336 p. (In Eng.)

Jazz Terminology in the English-Language Media Discourse: the First Half of the 20th Century

Ekaterina V. Morozova

Lecturer in the Department of Linguodidactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. kattie_mistaken@mail.ru

SPIN-code: 4790-8789

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1961-3694>

Submitted 06 Dec 2022

Revised 09 Feb 2022

Accepted 21 Apr 2022

For citation

Morozova E. V. O razvitii terminologii zhanra dzhaz v pervoy polovine XX veka v angloyazychnom diskurse SMI [Jazz Terminology in the English-Language Media Discourse: the First Half of the 20th Century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 42–53. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-42-53 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the formation of the terminology of jazz as a musical genre in the English-language media discourse in the first half of the 20th century. Modern studies of terminology show that terms are associated with special vocabulary and professional communication, and can transfer to terminology from the common language. Professional vocabulary, in turn, belongs to special vocabulary along with terms, but the former can also become the latter in the absence of a terminological equivalent. In art terminology, including musical terminology, a large number of professionalisms are noted. Of musical terminology, the terminology of jazz is of particular interest since its formation took place at the junction of classical musical terminology and English-language professional vocabulary. The article compares three periods in the development of jazz music as presented in the media and describes the formation of jazz terminology in media discourse. The material under study is archival texts of American newspapers of the first half of the 20th century devoted to jazz, which were divided into three sub-corpora in accordance with the period of publication (1900-1920, 1920-1945, 1945-1950). The contexts of the use of jazz music nominations were extracted from this material, and the nominations were divided into groups: classical and non-classical terms, borrowed and English-language terms. The research methods used include content analysis, component analysis, analysis of vocabulary and contextual definitions. The study revealed that the terminology of jazz of the first half of the 20th century is mainly represented by English-language non-classical nominations and, to a lesser extent, by classical terms from the European academic musical tradition.

Key words: term; terminology; professional vocabulary; music terminology; jazz.

УДК [811.161.1+ 811.222.1] '42
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-54-62

Речевой акт благодарности в русской и персидской лингвокультурах

Ардалан Носрати

к. филол. н., старший преподаватель кафедры русского языка

Исфаганский университет

8174673441, Иран, Исфаган, площадь Азади. a.nosrati@fgn.ui.ac.ir

SPIN-код: 9245-7150

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-6233>

Статья поступила в редакцию 07.10.2021

Одобрена после рецензирования 07.02.2022

Принята к публикации 25.02.2022

Информация для цитирования

Носрати А. Речевой акт благодарности в русской и персидской лингвокультурах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 54–62. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-54-62

Аннотация. В статье рассматривается речевой акт благодарности в русской и персидской лингвокультурах. Описываются особенности языковых средств, которые вербализуют благодарность в аспектах лингвокультурологии и прагмалингвистики. Изучение данных аспектов представляется особенно важным, так как раскрывает специфику речевого поведения русско- и персидскоговорящих при выражении благодарности. Цель данной работы – выявить сходства и различия в способах представления благодарности в русском и персидском языках и систематизировать языковые средства, характерные для данного речевого акта. В работе используются методы наблюдения и эксперимента, а также коммуникативно-прагматического и сопоставительного анализа. В материал исследования включены 100 контекстов на русском языке и 100 контекстов – на персидском. Русскоязычным материалом для исследования послужили факты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Из-за отсутствия такого корпуса в персидском языке мы вынуждены обратиться к нашим личным наблюдениям и записям устной речи.

В работе выделены четыре типа грамматических конструкций в русском языке в его сравнении с персидским, используемых при выражении благодарности. Выявлено, что инвентарь языковых средств, передающих содержание благодарности, в персидской лингвокультуре гораздо шире, чем в русской лингвокультуре. Было обнаружено, что иранцы, в отличие от русских, выражают благодарность многословно и добавляют к ней еще другие реплики, которые находят проявление в форме иранского этикетного поведения *taārof*, «таароф». Помимо этого, проявление благодарности в русской и персидской лингвокультурах находит отражение в благопожеланиях. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые представлены результаты сопоставительного анализа благодарности в русской и персидской лингвокультурах – выявлена национально-культурная специфика данного речевого акта.

Ключевые слова: речевой акт; благодарность; русская лингвокультура; персидская лингвокультура; речевой этикет; таāроф.

Введение

Каждый язык имеет культурную специфику и отражает народные обычаи. Представители любой культуры выстраивают речевое общение в соответствии с нормами поведения, принятыми в

данном обществе. В последние десятилетия теория речевых актов – активно развивающееся направление мировой лингвистики. Кроме выделения особого класса глаголов – перформативов, оно привело к функциональной классификации

речевых актов (далее – РА) (выделению экспрессивов, интеррогативов, бехабитивов и т.д.), к различению прямых и косвенных РА и РА с точки зрения вежливости, а также к попыткам оценить иллокутивную силу высказывания и его перлокутивный эффект. Данная теория получила широкую разработку в исследованиях английских и американских философов языка – Дж. Остина [1986] и Дж. Серля [1986], а позднее – в трудах других ученых, таких как Дж. Лич [Leech 1983], П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 1987], А. Вежицкая [1985], Е. В. Падучева [1985], В. В. Богданов [1990], Л. Писарек [Pisarek 1995] и т. д.

Классификация РА

Дж. Остин положил начало классификации РА, послужившей отправной точкой дальнейшего распространения классификаций, которым посвящены работы ученых при различении классов речевых действий. Основываясь на английских перформативных глаголах, он разработал пять типов РА: вердикативы, экзерситивы, комиссивы, бехабитивы, экспозитивы [Остин 1986: 119–127]. Дж. Серль, критикуя недостатки классификации Дж. Остина и модифицируя его таксономию, выделил пять классов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларативы [Серль 1986: 181–188]. Ученый относит к классу экспрессивов такие формулы, как благодарности, поздравления, извинения, приветствия и т.д., обозначающие общую иллокутивную цель – «выразить ту или иную психологическую установку говорящего относительно положения дел, репрезентированного пропозициональным содержанием» [Серль 1986: 253].

Фокус нашего внимания в рамках данного исследования будет сосредоточен на одном из частотных случаев экспрессивов – речевом акте благодарности. Несмотря на то что этикетные формулы неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, их лингвокультурологические и дискурсивные особенности в русской и персидской лингвокультурах еще недостаточно освещены в научной литературе, что определяет необходимость настоящего исследования.

Изучение содержания РА благодарности

М. Я. Гловинская описывает содержание глагола *благодарить* такими формулами:

Х благодарит Y-a за P \cong (1) X знает, что Y сделал P хорошее для X-a; (2) X хочет показать, что он ценит это; (3) X понимает, что если он не покажет, что ценит P Y-a, Y-у будет неприятно; (4) X произносит словесную формулу, принятую

для этого; (5) X говорит это, чтобы Y знал, что X оценил P Y-a' [Гловинская 1993: 209].

А. Вежицкая демонстрирует значение этого глагола следующими структурами:

Зная, что ты был причиной того, что нечто хорошее произошло со мной,
желая сделать так, чтобы ты знал, что я ценю это, я говорю: я тебе благодарен
[Вежицкая 1985: 270].

Выражение благодарности обусловлено конвенциональными нормами, устанавливающими правила поведения участников общения. Не выражая благодарности, адресант нарушает общественную конвенцию, и его действие оценивается адресатом как отрицательное.

История изучения РА благодарности

В современной лингвистике антропоцентрический аспект изучения языка послужил развитию новых научных направлений. Так, появились исследования в русистике, посвященные изучению благодарности с разных позиций, таких как когнитивная, семантико-прагматическая и коммуникативная: А. Имас (2001), С. Скородина (2004), Ли Сюзянь (2006), В. Айвазова (2011), У Бо (2014) и др. Однако в упомянутых работах недостаточно внимания уделялось анализу благодарности с лингвокультурной точки зрения. В то же время специальное рассмотрение реализации РА благодарности в персидском языке до сих пор не проводилось. В иранистике имеется только совместная статья по речевым актам благодарности в иламском диалекте курдского языка: R. Khany, M. Gheitsasi, T. Afshar (2020). Таким образом, наше исследование, в котором представлено описание РА благодарности в персидском и русском языках, заполняет важную лакуну в лингвокультурологии и лингвопрагматике. В работе используются методы наблюдения и эксперимента, а также коммуникативно-прагматического и сопоставительного анализа.

Русскоязычным материалом для исследования послужили факты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в рамках которых проанализировано 100 контекстов. Из-за отсутствия такого корпуса в персидском языке мы вынуждены обратиться к нашим личным наблюдениям и записям устной речи. Объем материала составляет 100 также контекстов.

Обслуживая фатическую функцию языка, благодарность служит для поддержания и укрепления контактов в социальном взаимодействии. Н. И. Формановская относит благодарность «к речевым ситуациям и действиям, в которых особенно ярко проявляется доброжела-

тельность, уважение к адресату, оказавшему услугу» [Формановская 2009: 229].

Иную трактовку благодарности как речевого жанра мы обнаруживаем у У. Бо, который определяет ее как этикетное речевое или неречевое действие со стороны адресанта, демонстрирующее, что поступок адресата оценен им, а также выражающее положительные эмоции говорящего к адресату [Бо 2014: 45–46].

Соглашаясь с точкой зрения упомянутых исследователей, под РА благодарности мы понимаем вежливое коммуникативное поведение говорящего, выражающее положительные эмоции по отношению к слушающему и преследующее целью показать, что действие собеседника одобрено, а также содержащее отклик на конкретное действие или на проявление внимания и уважения к собеседнику.

Мы считаем, что благодарность как одна из основных этикетных формул, выполняя контактоустанавливающую функцию в человеческих взаимоотношениях, носит облигаторный характер, поскольку представители лингвокультурной общности не способны обходиться без благодарности в процессе общения. Языковые средства РА благодарности – это этикетные речевые формулы, воплощающиеся в конкретных ситуациях.

Языковые средства РА благодарности в русском и персидском языках

Систематизируя набор языковых средств, выражающих семантику благодарности, выделим следующие типы высказываний.

1. Высказывание с перформативным глаголом и зависимым существительным (каузатив – обозначение причины благодарности) в винительном падеже:

Я и мои товарищи сердечно благодарим за гостеприимство! (А. Рыбаков Тяжелый песок).

В отличие от русских конструкций, после персидского глагола *تشکر کردن tašakkor kardan* 'благодарить / поблагодарить' следует предлог «از» в сочетании с существительным, выступающим предложным дополнением.

از همه کسانی که در مراسم خیریه شرکت کردند، تشکر می کنیم.

Благодарим всех, кто принял участие в благотворительном мероприятии (собственная запись устной речи).

Иногда высказывания благодарности в русском и персидском языках дополняются факультивными компонентами – такими словами-интенсификаторами, как *خیلی xeyli* 'очень', *از صمیم قلب az samime ghalb* 'от всей души', *بی نهایت binahāyat* 'бесконечно' и т.д.

Сердечно благодарю всех вас за оказанную мне большую честь и за ваши поздравления с 75-летием (М. Жилкина. Журнал Московской патриархии).

از صمیم قلب از همه پزشکان و پرستاران بابت همکاری در درمان پدرم تشکر می کنم.

От всей души благодарю всех врачей и медсестер за лечение моего отца (собственная запись устной речи).

В указанных примерах говорящий употребляет интенсифирующие модификаторы *сердечно* и *от всей души*, которые придают благодарности эмоционально-экспрессивную окраску и являются знаком вежливости к собеседнику.

2. Придаточное предложение с союзами *что* и *кто* после глагола *благодарить / поблагодарить*:

Я сердечно благодарю всех вас за то, что вы почтили своим присутствием этот вечер, посвященный моему жизненному пути (Церковно-государственные торжества. Журнал Московской патриархии).

Мы благодарим всех, кто оказал помощь в этом богоугодном деле (Патриарх Алексей II (Ридигер). Журнал Московской патриархии).

Персидская формула, как и русская, содержит придаточную конструкцию. Приведем пример из реальной коммуникации, в которой консул Ирана выражает благодарность гостям по случаю годовщины Исламской революции.

از همه میهمانان عزیز که تشریف آوردند و با حضورشان این جشن را مزین کردند، تشکر می کنم.

Благодарю всех дорогих гостей за то, что пришли и украсили своим присутствием это торжественное празднование (собственная запись устной речи).

В обоих языках формулы с глаголами *благодарить / поблагодарить* и *تشکر کردن tašakkor kardan* звучат более уважительно и характерны для официального общения.

3. Перформативное употребление глагола *поблагодарить* выражается при помощи модальных глаголов *хотеть* и *хотеться* с частицей *бы* и без нее. Использование сослагательного наклонения и безличной формы указанных глаголов способствует снижению категоричности и является маркером вежливости. «В этом случае форма сослагательного наклонения не переводит высказывание в модальный план ирреальности» [Формановская 2008: 38], «поскольку реальность РА здесь и сейчас налицо, так как фокус внимания сосредоточен в этом случае не на субъективной модальности желания, а на интенциональном значении перформативного инфинитива» [Уткина 2002: 296]. Поэтому, с нашей точки зрения, формулы *хочу / хочется / хотел бы / хотелось бы поблагодарить тебя / Вас* равносильны высказыванию *благодарю*

рю тебя / Вас. Проиллюстрируем сказанное примерами:

Сегодня я хочу поблагодарить своих сотрудников за их самоотдачу, за самоотверженный труд, за преданность профессии, мужество и терпение (В. Комаров. Континент Сибирь).

Прежде всего хотел бы поблагодарить организаторов конференции за возможность выступить перед столь представительной аудиторией (А. Денисов. Дипломатический вестник).

Хочется поблагодарить устроителей выставки за проведенную организационную работу (Пермская выставка «Строительство и ремонт». Пермский строитель).

В приведенных примерах официальные выражения благодарности говорящего могут не сопровождаться ответной репликой со стороны адресата. Иными словами, в данном случае РА благодарности ориентированы только на сферу адресанта.

Что касается персидского перформативного глагола *تشکر کردن* *tašakkor kardan*, то его использование возможно и в сочетании с модальным элементом «خواستن» *khāstan*, *хотеть*» и с частицей *бы*. Форма сослагательного наклонения с частицей *бы* в персидских формулах, как и в русских, уменьшает степень категоричности и создает благоприятную обстановку общения. Однако в данном случае, в отличие от русского языка, не используются эквиваленты модального глагола *хотеться* с частицей *бы* и без нее *хотелось бы*, поскольку «в персидском языке в отличие от многих других языков, где главный член безличных предложений наиболее часто выражается безличными глаголами, эта форма не получила развития» [Рубинчик 2001: 386]. Вот персидский пример из реального общения в ситуации выражения благодарности оппонентам:

می خواهم تشکر ویژه بکنم از داوران محترم بخاطر توجه ایشان نسبت به پایان نامه من و ایرادات مطرح شده در جلسه دفاع.

Хочу отдельно поблагодарить уважаемых официальных оппонентов за внимание к моей работе и за высказанные замечания на защите (собственная запись устной речи).

4. Эту группу составляют разнообразные эквивалентные перформативному глаголу *благодарить* средства выражения благодарности в русской лингвокультуре, выступающие как поле, в ядре которого выделяется *спасибо*, *благодарен(а)*, *признателен(а)*, *благодарность* и *признательность*. Два последних употребляются только в сочетании с такими глаголами, как *выражать*, *приносить* и т.п.

Самым употребительным и частотным способом выражения благодарности в русской коммуникативной культуре является нейтральная, ав-

томатизированная и десемантизированная форма *спасибо*. Доказательством сказанного служит проведенное нами частотное сравнение всех лексем, обозначающих благодарность, представленных в НКРЯ. Наибольшую активность проявляет лексема *спасибо*: примерно 28 000 вхождений. А суммарное количество употреблений остальных лексем – *благодарю*, *благодарен*, *признателен*, *благодарность* и *признательность* – около 19 000 вхождений.

Если посмотреть на РА благодарности в лингвокогнитивном аспекте, то можно отметить, что многие слова благодарности уже стали стереотипными, они хранятся в сознании носителей русского и персидского языков и воспроизводятся в стандартных ситуациях. Соответственно, выбор таких средств диктуется этикетными правилами. Приведем пример из русского языка:

Подошла Одарка с корзинкой и взяла Сараева под руку. – Спасибо за покупку. Обращайтесь еще, – весело сказал им в спину парень (С. Шикера. «Волга»).

Тут говорящий помимо выражения благодарности в своем высказывании добавляет еще две коммуникативные интенции – это РА прощения и пожелания. В данном примере пожелание может звучать так: я желаю, чтобы вы почаще приходили к нам! [см.: Носрати 2015: 56].

Очень, очень благодарен Вам за заботу, внимание, и, главное, искренность. Целую Вас, дорогая моя, – Леон (Э. Герштейн. Анна Ахматова и Лев Гумилев).

Тут говорящий в завершительной фазе общения употребляет слова-повторы *очень, очень*, усиливая благодарность и проявляя внимание к слушающему.

Признателен за интересную и полезную встречу, которая состоялась сегодня. Ценим это взаимодействие. Оно важно для нас (С. Лавров. «Дипломатический вестник»).

В этом примере благодарственное высказывание, выраженное министром иностранных дел РФ С. В. Лавровым на пресс-конференции, характерно для более официальной ситуации. Вместе с тем отметим, что высказывания с предикатами *благодарен* и *признателен* свойственны интеллигентам среднего и старшего поколения. Они могут иметь в составе интенсификаторы типа *очень, весьма, крайне, чрезвычайно, глубоко* и т.д. [см.: Формановская 2009: 232–233].

Формулы благодарности за приглашение на какое-то мероприятие в зависимости от условий общения между адресантом (одним человеком) и приглашенными (множественным адресатом) могут различаться по степени официальности. В сопоставлении с русскими языковыми средствами выражения благодарности инвентарь языковых

средств, передающих содержание благодарности в персидской лингвокультуре, оказывается шире:

تشکر می کنم *tašakkor mikonam* ‘благодарю’,
متشکرم *motsakeram* ‘благодарен’, تشکر *tašakkor*
‘благодарность’, سپاسگزارم *sepāsgozāram* ‘призна-
телен’, سپاس *sepās* ‘признательность’, ممنون
tamnun ‘спасибо’, مرسی *mersi* ‘спасибо’, زحمت
کشیدید *zahmat kešidid* ‘Зачем было так утруждать-
ся’, لطف کردید *loft kardid*

loft kardid ‘Вы любезны’, mohabbat kardid ‘Вы любезны’.

В данной группе представлено пришедшее из французского языка слово مرسی *mersi* ‘мерси’. Это заимствованное соответствие ‘спасибо’, которое широко употребляется в персидском языке и характерно для разговорно-фамильярного стиля речи. Приведем пример, в котором муж благодарит жену за поздравление с днем рождения:

عزیزم مرسی که روز تولدم به یادم هستی.

Моя дорогая, мерси, что ты вспомнишь мой день рождения! (собственная запись устной речи).

Кроме того, в эту группу мы не включаем фразеологизм-формулу благодарности دست شما درد نکند *daste šomā dard nakonad* ‘буквально пусть не болят Ваши руки’, так как в некоторых контекстах смысл данного фразеологизма может трактоваться как жалоба в ироническом употреблении. Два указанных существительных تشکر *tašakkor*, سپاس *sepās* способны употребляться как самостоятельно, так и в сочетании со сложными глаголам ابراز کردن *ebrāz kardan* ‘выражать’, اظهار کردن *ezhār kardan* ‘объявлять, характерными для более официальной ситуации. Пример слов благодарности мы находим на защите диссертации:

اجازه می خواهم نهایت تشکر خود را نسبت به استاد راهنمای گرامی بابت کمک در تدوین رساله ابراز کنم.

Разрешите выразить глубочайшую признательность своему дорогому научному руководителю за помощь в подготовке диссертации к защите (собственная запись устной речи).

По нашим наблюдениям, в персидской коммуникативной культуре наиболее употребительным оказалось слово ممنون *tamnun*. Кроме того, в качестве дополнительного метода исследования нами проведен небольшой психолингвистический эксперимент. Мы предъявили испытуемым картинку, на которой один человек вручает другому подарок, и спросили их, что должен сказать в ответ второй человек. Участниками эксперимента были 65 носителей персидского языка мужского и женского пола от 19 до 25 лет, обучающихся русскому языку. Ответы информантов подтверждают нашу точку зрения о том, что на первое место выступает ممنون *tamnun*.

Формулы этикетного поведения «*та̄роф*»

По данным наших наблюдений и упомянутого эксперимента, в персидской лингвокультуре принято многословное выражение благодарности, а носители русского языка, как правило, благодарят кратко. Носители персидского языка в зависимости от коммуникативной ситуации и значимости действий, реализуемых для них говорящим, могут добавлять к формулам благодарности другие реплики, неразрывно сопряженные с национальной культурой. Эти формулы этикетного поведения специфичны именно для иранской культуры, по-персидски они называются تعارف *taārof*, «*та̄роф*», поскольку речь иранцев насыщена почтительными оборотами и для нее характерно соблюдение формальностей, обусловленных вежливостью и расположением к собеседнику [см.: Носрати 2015: 92]. В толковом словаре персидского языка «Фарханг-э Бозорг-э Сохан» слово истолковывается следующим образом: 1) вежливо и настойчиво попросить кого-либо принять предложение, услугу или приглашение; 2) отказ принять приглашение или что-то обычно вопреки внутреннему желанию; 3) вежливо и уважительно произнести выражения, чтобы сделать приятно слушателю (в т. ч. в роли приветствия); 4) следование обычаям, соблюдение формальностей [см.: Anvari 2002: 1744]. Само слово *та̄роф* возникло в арабском языке, однако получило распространение и в странах, где используются другие языки. Аналогичные явления можно заметить в культурах ограниченного числа стран Азии, таких как Ирак, Япония и др., однако в этих языках этикетные средства существенно отличаются от персидских как по составу языковых единиц, так и по их функциональным особенностям. Приведем фрагмент диалога преподавателя и студента, где выражается благодарность за подарок:

— استاد: این هدیه ناقابل را بابت کسب رتبه اول به شما تقدیم می کنم.

— Преподаватель: я преподношу Вам этот нескромный подарок за первое место.

— دانشجو: خیلی ممنون. لطف کردید استاد. دست تان درد نکند.

— Студент: большое спасибо. Вы очень любезны, преподаватель. Пусть не болят Ваши руки (собственная запись устной речи).

Как видно из диалога, студент в ответ на получение подарка выражает многочисленные стереотипные и автоматизированные формулы благодарности, которые подчеркивают достоинства преподавателя. Отметим, что персидское благодарственное выражение دست تان درد نکند (буквально пусть не болят ваши руки) не имеет полного эквивалента в русской лингвокультуре.

В следующем примере представлен фрагмент диалога продавца и покупателя в магазине. Выражение благодарности за покупку:

– خریدار: قیمتش چند است؟

– Покупатель: сколько это стоит?

– فروشنده: قابلی ندارد. صد هزار تومان.

– Продавец: не стоит благодарности. Сто тысяч туманов.

– خریدار: ممنون. بفرمائید.

– Kharidār: tamnun. Befarmāeed. '– Покупатель: спасибо. Вот, пожалуйста.'

– فروشنده: مهمان ما باشید. ممنون. خدا برکت بده.

– Продавец: будьте нашим гостем. Спасибо. Да благословит Вас (Бог)!

– خریدار: سلامت باشید. به شما هم همین طور.

– Покупатель: будьте здоровы! И Вас также благословит! (собственная запись устной речи).

В данном диалоге в зависимости от ситуации общения продавец в ответ на вопрос покупателя употребляет формулу почтительного *таърофа* *قابلی ندارد*, которую можно перевести на русский язык так: *Ничего не стоит. Не стоит благодарности*. Такую этикетную формулу чаще можно слышать в сфере обслуживания (магазины, рестораны, такси и т. п.) Ирана. В ответ на *таъроф* принято поблагодарить и отказаться от соглашения. В русскоязычной лингвокультуре данная фраза кажется неуместной и вызывает сомнение в истинности намерения у человека. Далее продавец согласно этикетным нормам перед получением денег еще раз произносит ритуальный *таъроф* *مهمان ما باشید* 'будьте нашим гостем'. Последующая фраза *خدا برکت بده* 'Да благословит Вас' это формула благопожелания в ситуации благодарности, отражающая религиозные убеждения иранских народов. Покупатель в ответ на благодарности продавца тоже выражает взаимные благопожелания при благодарности. Таким образом, этикетные формулы *таърофа* являются сложным культурным феноменом, характерным для Ирана, и отличаются регламентированностью и ритуальной направленностью.

Еще один аспект РА благодарности, интересный с точки зрения прагмалингвистики, – это искренность данной речевой интенции. Можно привести примеры из персидского и русского языков, в которых оказанная говорящим помощь людям требует ответной реакции адресата на добрый поступок – выражение благопожеланий в ситуации благодарности может оцениваться положительно.

– *Впервые был, а видел многое. – Скобелев встал. – Спасибо, ребята, вы мне очень помогли. Дай вам Бог здоровья и счастливого возвращения* (Б. Васильев. Были и небыли. Книга 2).

ممنون. خدا به شما و خانواده اتان سلامتی و طول عمر بدهد.

Спасибо, Дай Бог Вам и Вашей семье здоровья и долгой жизни! (собственная запись устной речи).

Заключение

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что РА благодарности в русской и персидской лингвокультурах реализуются посредством разнообразных речевых средств. Формулы благодарности, являясь обязательным элементом в общественном взаимодействии русских и иранцев, занимают важное место в коммуникации и в зависимости от обстоятельств способны выполнять этикетную (направленную на гармоничное общение) или эмоциональную функцию (направленную на высокую оценку коммуниканта). При сопоставлении персидской лингвокультуры с русской обнаружено, что иранцы предпочитают многословные благодарности, которые могут сочетаться с формулами *таърофа*. Различия в вербализации благодарности уходят своими корнями в менталитет и национально-культурную специфику носителей русского и персидского языков. Сходство в выражении благодарности заключается в том, что некоторые благопожелания в ситуации благодарности в обоих языках имеют религиозную направленность и в них содержатся слова *Бог* или *Божья помощь*.

Список источников

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 8.05.2021).

Список литературы

Айвазова В. В. Когнитивное исследование фрейма-сценария «благодарность» в различных видах англоязычного и немецкоязычного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2011. 19 с.

Бо У. Речевой жанр благодарности в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 178 с.

Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1990. 88 с.

Вежливая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 251–275.

Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур [и др.]; отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М., 1993. С. 158–218.

Имас А. В. Выражение благодарности в немецком языке: на материале литературных и лексикографических источников с XVII по XX вв.: дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 173 с.

Носрати А. Речевой акт пожелания в русскоязычном коммуникативном поведении: дис. ... канд. филол. наук. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2015. 121 с.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 22–130.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений / отв. ред. В. А. Успенский. М.: Наука, 1985. 271 с.

Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 600 с.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.

Сковородина С. В. Прагматика реактивных речевых актов в немецком диалогическом дискурсе (концепты «благодарность» и «извинение»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 20 с.

Сюзянь Ли. Концепты «благодарность» и «извинение» в языковой картине мира русских: С точки зрения носителя китайского языка и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 23 с.

Уткина М. А. Семантика и функционирование единиц речевого этикета тематической группы «пожелание» (на материале русской драматургии): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 234 с.

Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 4-е изд. М.: URSS: ЛКИ, 2008. 156 с.

Формановская Н. И. Речевой этикет в русском общении: теория и практика. М.: ВК, 2009. 333 с.

Anvari H. Sokhan Comprehensive Dictionary. Vol. 3. Tehran: Sokhan Publications, 2002. 1076 p.

Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 358 p.

Khany R., Gheitasi M., Afshar T. Investigating Thanking Speech Act in Ilami Kurdish // Journal of Western Iranian Languages and Dialects. 2020. Vol.8 (30). P. 13–29.

Leech G. Principles of Pragmatics. Longman: London, 1983. 250 p.

Pisarek L. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). Wrocław: Wydaw. Uniwers. Wrocławskiego, 1995. 173 p.

References

Ayvazova V. V. *Kognitivnoe issledovanie freyma-stsenariya 'blagodarnost' v razlichnykh vidakh angloyazychnogo i nemetskoyazychnogo diskursa*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Cognitive research on the frame 'gratitude' in various types of English and German discourse. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Surgut, 2011. 19 p. (In Russ.)

Bo U. *Rechevoy zhanr blagodarnosti v russkom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [The speech genre of gratitude in the Russian language. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2014. 178 p. (In Russ.)

Bogdanov V. V. *Rechevoe obshchenie: pragmaticheskie i semanticheskie aspekty* [Speech Communication: Pragmatic and Semantic Aspects]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1990. 88 p. (In Russ.)

Vezhbitskaya A. *Rechevye akty* [Speech acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike: sbornik statey* [The New in Foreign Linguistics: Collection of articles]. Moscow, 1985, issue 16. *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics], pp. 251–275. (In Russ.)

Gloviniskaya M. Ya. *Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov* [Semantics of speech verbs from the point of view of the speech act theory]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [The Russian Language and Its Functioning. Communicative and Pragmatic Aspect]. T. G. Vinokur et al. Ed. by E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev. Moscow, 1993, pp. 158–218. (In Russ.)

Imas A. V. *Vyrazhenie blagodarnosti v nemetskom yazyke: na materiale literaturnykh i leksikograficheskikh istochnikov s 17 po 20 vv.* Diss. kand. filol. nauk [Expression of gratitude in the German language: based on the material of literary and lexicographic sources from the 17th to the 20th centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Tver, 2001. 173 p. (In Russ.)

Nosrati A. *Rechevoy akt pozhelaniya v russkoyazychnom kommunikativnom povedenii*. Diss. kand. filol. nauk [The speech act of wish in the Russian-language communicative behaviour. Cand. philol. sci. diss.]. Minsk, 2015. 121 p. (In Russ.)

Austin J. L. *Slovo kak deystvie* [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike: Sbornik statey* [The New in Foreign Linguistics: Collection of articles]. Moscow, 1986, issue 17. *Teoriya rechevykh aktov* [The speech act theory], pp. 22–130. (In Russ.)

- Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesenost' s deystvitel'nost'yu: referentsial'nye aspekty semantiki mestoimeniy* [An Utterance and Its Correlation with the Reality: Referential Aspects of the Semantics of Pronouns]. Ed. by V. A. Uspenkiy. Moscow, Nauka Publ., 1985. 271 p. (In Russ.)
- Rubinchik Yu. A. *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Modern Persian Literary Language]. Moscow, 'Vostochnaya literatura' RAS Publ., 2001. 600 p. (In Russ.)
- Searle J. R. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [A classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [The New in Foreign Linguistics: Collection of articles]. Moscow, 1986, issue 17. Teoriya rechevykh aktov [The speech act theory], pp. 170–194. (In Russ.)
- Skovorodina S. V. *Pragmatika reaktivnykh rechevykh aktov v nemetskom dialogicheskom diskurse (kontsepty 'blagodarnost'' i 'izvinenie')*. Dis. kand. filol. nauk [Pragmatics of reactive speech acts in German dialogical discourse (the concepts of 'gratitude' and 'apology')]. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2004. 20 p. (In Russ.)
- Syuzyang Li. *Kontsepty 'blagodarnost'' i 'izvinenie' v yazykovoy kartine mira russkikh: S tochki zreniya nositelya kitayskogo yazyka i kul'tury. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concepts of 'gratitude' and 'apology' in the linguistic picture of the world of the Russians: From the point of view of a native speaker of the Chinese language and culture. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2006. 23 p. (In Russ.)
- Utkina M. A. *Semantika i funktsionirovanie edinits rechevogo etiketa tematicheskoy gruppy 'pozhelanie' (na materiale russkoy dramaturgii)*. Diss. kand. filol. nauk [Semantics and functioning of units of speech etiquette of the thematic group 'wish' (based on the material of Russian drama). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2002. 234 p. (In Russ.)
- Formanovskaya N. I. *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodical Aspects]. 4th ed. Moscow, URSS: LKI Publ., 2008. 156 p. (In Russ.)
- Formanovskaya N. I. *Rechevoy etiket v russkom obshchenii: teoriya i praktika* [Speech Etiquette in Russian Communication: Theory and Practice]. Moscow, VK Publ., 2009. 333 p. (In Russ.)
- Anvari H., *Sokhan Comprehensive Dictionary*. Tehran, Sokhan Publications, 2002, vol. 3, 1076 p. (In Pers.)
- Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 358 p. (In Eng.)
- Khany R., Gheitasi M., Afshar T. Investigating Thanking Speech Act in Ilami Kurdish. *Journal of Western Iranian Languages and Dialects*, 2020, vol. 8 (30), pp. 13–29. (In Pers.)
- Leech G. *Principles of Pragmatics*. London, Longman, 1983. 250 p. (In Eng.)
- Pisarek L. *Rechevye deystviya i ikh realizatsiya v russkom yazyke v sopostavlenii s pol'skim (ekspressivnyy)* [Speech actions and their implementation in Russian in comparison with Polish (expressives)]. Wroclaw, University of Wroclaw, 1995. 173 p. (In Russ.)

The Speech Act of Gratitude in Russian and Persian Linguacultures

Ardalan Nosrati

Senior Lecturer in the Department of Russian Language

University of Isfahan

Azadi square, Isfahan, 8174673441, Iran. a.nosrati@fgn.ui.ac.ir

SPIN-code: 9245-7150

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9045-6233>

Submitted 07 Oct 2021

Revised 07 Feb 2022

Accepted 25 Feb 2022

For citation

Nosrati A. Rechevoy akt blagodarnosti v russkoy i persidskoy lingvokul'turakh [The Speech Act of Gratitude in Russian and Persian Linguacultures]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 54–62. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-54-62 (In Russ.)

Abstract. The article studies the speech act of gratitude in Russian and Persian linguacultures. It describes the peculiarities of the linguistic means of verbalization of gratitude from the linguacultural and pragmalinguistic points of view. The study of these aspects is particularly important as it reveals the specific features of the speech behaviour of Russian and Persian speakers when expressing gratitude. The aim of this paper is to identify the similarities and differences in the ways of expressing gratitude and to systematize the linguistic means specific to this speech act in both languages. The study employed the methods of observation and experimentation as well as communicative-pragmatic and comparative analysis. The material under study includes 100 contexts in the Russian language and 100 contexts in Persian. The Russian-language material was taken from the Russian National Corpus. Due to the absence of such a corpus in Persian, the Persian-language material was based on our personal observations and records of oral speech.

The study distinguishes four types of grammatical constructions in the Russian language in comparison with Persian that are used when expressing gratitude. The inventory of linguistic means conveying the content of gratitude in Persian linguaculture has been found to be much wider than in Russian. It has been revealed that, unlike the Russians, the Iranians express gratitude verbosely and supplement it with some other remarks, being manifestation of Iranian etiquette behaviour called *taārof*, '*taarof*'. Gratitude in Russian and Persian linguacultures is also manifested in well wishes. This research is the first to present the results of a comparative analysis of gratitude in Russian and Persian linguacultures, revealing the national and cultural specificity of this speech act.

Key words: speech act; gratitude; Russian linguaculture; Persian linguaculture; speech etiquette; *taārof*.

УДК 811.432.875.2:2
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-63-70

Система верований Восточной Африки через призму пословиц языка суахили

Виктория Сергеевна Шатохина

преподаватель кафедры африканистики Института стран Азии и Африки,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая 11, стр. 1. viktorija_mamaafrika@mail.ru

SPIN-код: 6311-7064
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9668-7710>
ResearcherID: AAE-5057-2022

Статья поступила в редакцию 20.02.2022
Одобрена после рецензирования 15.04.2022
Принята к публикации 05.05.2022

Информация для цитирования

Шатохина В. С. Система верований Восточной Африки через призму пословиц языка суахили // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 63–70. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-63-70

Аннотация. Религиозные представления, являясь неотъемлемой частью жизни любого народа, имеют большое значение для понимания национальной картины мира. В статье исследуются верования суахилиговорящего общества через призму пословиц и поговорок, которые в полной мере отражают его поликонфессиональность. В ходе исследования были использованы наиболее полные современные сборники пословиц и поговорок суахили, каждый из которых содержит около двух тысяч пословичных единиц (Methali za Kikwetu ‘Пословицы нашей земли’, Kamusi ya methali ‘Словарь пословиц’, Swahili Proverbs ‘Пословицы суахили’), а также обширный электронный корпус суахилийских пословиц и поговорок, составленный учеными Center for African Studies University of Illinois at Urbana-Champaign и включающий более четырех тысяч пословичных единиц. В пословицах на языке суахили с разной степенью частотности можно встретить прямое упоминание как традиционных духов (mizimu, reper, zimwi), так и вершителей традиционных культов и обрядов (mchawi, mganga); упоминание на Высшего Творца (Mungu) и околбожественных существ (malaika); наименования демонических сил (ibilisi, shetani). Присутствуют также паремии, косвенно отсылающие нас к исламу или христианству, упоминая те или иные религиозные традиции. Большой интерес представляет количественное сопоставление частотности употребления лексем религиозной тематики, а также тот факт, что семантическое наполнение лексем, именующих те или иные божества, выражается на уровне грамматики, а именно особенностями их согласования. Изучение суахилийских пословиц и поговорок с религиозной тематикой подтверждает выводы специалистов других областей науки, занимающихся изучением религии в странах Восточной Африки: здесь мирно соседствуют традиционные и авраамические религии, трансформируясь и взаимодополняя друг друга. В любой пословичной единице лексема «Бог» сопровождается сакрализованным отношением к обозначаемому, а общечеловеческие ценности выходят на первый план. Количественный перевес паремий на тему религии доказывает важность данной области в языковой картине мира суахилийцев. Результаты исследования имеют практическую ценность и могут быть использованы не только в области лингвистики и паремиологии, но и в этнографии, культурологии, религиоведении.

Ключевые слова: лингвистика; паремиология; пословицы; поговорки; суахили; религия; религиозная лексика; Восточная Африка.

Введение

Религиозный фактор в жизни народов настолько важен, что без учета знаний его особенностей сложно представить картину развития и становления культуры. Религиозные ценности, без сомнения, находят яркий отклик в языке каждого народа. «В религии и языке коренятся все начала человеческой культуры» [Мечковская 1998: 21]. Тесная взаимосвязь языка и религии отчетливо проявляется и в суахилийской паремииологии.

В статье предпринята попытка анализа пословиц и поговорок с религиозной тематикой, в частности, отражающих общерелигиозные, глобальные моральные ценности, и содержащих указание на конкретные религиозные направления: традиционные верования, христианство, ислам.

При исследовании были использованы наиболее крупные сборники пословиц и поговорок на языке суахили, содержащие более 2 тысяч пословичных единиц каждый [Kingei, Ndalу 2008], [Salla 2017], для количественных подсчетов привлекался электронный корпус Center for African Studies University of Illinois at Urbana-Champaign, включающий более 4 тысяч пословиц и поговорок на языке суахили [Swahili Proverbs: Methali za Kiswahili]. При анализе религиозной ситуации в восточноафриканском обществе мы опирались на опыт исследователей, которые занимались изучением религии, истории и культуры данного региона [Львова 2019, Шлёнская 2010, Бондаренко 1997, Следзевский 1995, Жуков 1983, Мисюгин 1958].

Методология

С учетом характера представленного материала, в процессе настоящего исследования использовались методы, широко применяемые в историко-этнографических и филологических исследованиях: описательный, системный, семантический; при количественных подсчетах использовался количественный анализ с помощью программы ANTCONC.

Лексико-грамматический анализ пословиц религиозной тематики

Традиционные верования в паремиях

Африканский континент, в том числе и Восточная Африка, где распространен язык суахили, являет собой особый синтез различных верований, которые издревле сосуществовали и взаимодополняли друг друга. В первую очередь это традиционные африканские религии, неразрывно сопровождающие весь жизненный цикл местных жителей от самого рождения и до смерти, представляющие собой «очень сложный конгломерат систем миропонимания и мировосприятия» [Львова 2019: 14] и имеющие черты фетишизма, тотемизма, анимизма. Среди основных культов этносов Восточной Африки можно выделить культ предков и духов *mizimu*, в том числе культ ветров-духов *pero*, культ гор («горы Кения и Килиманджаро и сами являются объектами культа, и представляются жилищами и обитателями множества духов» [там же: 17]), культ дождей, деревьев и других природных объектов. Например:

(1) a. <i>Zimwi</i>	<i>li-ku-jua-lo</i>	<i>ha-li-ku-li</i>		<i>li-ka-kwisha</i> . ¹	
5дух	SUBJ5-OBJ1.2SG- знать-5RC	NEG-SUBJ5-OBJ1.2SG-есть. NEG		SUBJ5-NAR-заканчиваться	
‘Дух, который тебя знает, не тронет тебя, иначе он сам умрет’ ²					
b. <i>A-fanya-ye</i>	<i>tambiko</i>	<i>hu-tambika</i>	<i>kwa</i>	<i>mzimu</i>	<i>wake</i>
SUBJ1.3SG-делать- RC1	5жертвоприношение	НАВ-принести_жертву	для	3дух	POSS3.3SG

‘Тот, кто совершает жертвоприношение, совершает его для своего духа-предка’

Изучая пословицы о вере, интересно проследить, каким образом наименования различных божеств соотносятся с системой именных классов, характерной для языков банту. Так, например, в первой из приведенных выше паремий (1a) существительное *zimwi* ‘леший’ (дух, обитающий в лесах) согласовано по 5-му именному классу, в который входит большое количество существительных, обозначающих объекты природы. Таким образом, представляется, что сама лексема *zimwi* в сознании суахилийцев неразрывно связана с природой, именуется в целом силы природы. Во втором же примере (1b) существи-

тельное *mzimu* ‘дух-предок’ согласовано по 3-му именному классу, который также включает в себя большое количество природных явлений. Другими словами, наименования обоих существительных (*zimwi*, *mzimu*) в коллективной языковой картине суахили не являются живыми существами, поскольку не получают согласования по ½-му именному классу (классу людей), а относятся к миру объектов природы.

Пожалуй, самое большое значение и востребованность в современном мире до сих пор имеет подражательная и вредоносная магия. Но данный пласт верований практически не находит от-

ражения в суахилийских пословицах. Этот факт, возможно, объясняется интенсивным влиянием христианства и ислама или же связан с более поздним временем возникновения паремий, закреплённых в используемых нами в ходе исследования сборниках, что, однако, не означает отсутствия в более раннем периоде устной словесности пословиц, упоминающих обычаи традиционных религий или местных почитаемых духов, в том числе животных и объектов природы: ((2) *Kiendacho uganganani hakirudi*. ‘То, что достаётся колдовству, не возвращается’).

В электронном корпусе пословиц было обнаружено 12 паремий с лексемами *mganga* ‘знахарь’/*mchawi* ‘колдун’. Даже благодаря этим немногочисленным примерам можно сделать вывод об отношении к *mganga* и *mchawi/mwanga*: к последнему относятся с большой осторожностью, даже побаиваются, считая его опасным.

(3) а. *Anayekataa shangwe ni mchawi*. ‘Тот, кто отказывается от веселья, – колдун’.

б. *Anayekataa wengi ni mchawi*. ‘Тот, кто многим отказывает (в помощи), – колдун’.

с. *Apendaye upweke ni mchawi*. ‘Тот, кто любит одиночество, – колдун’.

К *mganga* – наоборот, относятся с уважением, в пословицах он фигурирует, скорее, как ‘лекарь’.

(4) а. *Mganga wa karibu usimtukane*. ‘Не ругай знахаря, который рядом’.

б. *Mganga hajigangi*. ‘Знахарь сам себя не лечит’ (~ Сапожник без сапог³).

с. *Mungu ndiye mganga mkuu*. ‘Бог и есть главный лекарь’.

д. *Aendaye kwa mganga hakosi jambo*. ‘У того, кто идет к лекарю, есть дело (проблема)’.

Ислам в паремиях

Что же касается авраамических религий, в Восточной Африке присутствуют две основные из них – ислам и христианство. При этом островная часть Танзании (острова Занзибар и Pemba) исповедует ислам: 97–98 % от общего числа населения архипелага Занзибар – мусульмане, остальные – христиане (главным образом, католики и протестанты) [Брындина 2021]. Недаром островитяне фигурируют в пословицах как самые преданные последователи ислама, например:

(5) а. *Pemba peremba, ukija na winda utarudi na kilemba*. ‘Будь осторожен, когда едешь на Pemba, поедешь в набедренной повязке, вернешься в тюрбане’.

б. *Waswahili au Waarabu wa Pemba hujuaana kwa vilemba*. ‘Суахилийцы или арабы с Pemba узнают друг друга по тюрбану’.

Нужно отметить, что ислам в Восточной Африке зародился именно на островной ее части, этот процесс происходил начиная с VII в. и воспринимался местными жителями абсолютно не враждебно. Первые арабо-мусульманские контакты связаны в первую очередь с торговцами, а арабский язык стал языком торговли и культуры. На Занзибаре также зарождается и литературный язык суахили, в основу которого лег занзибарский диалект Киунгуджа [Жуков 1983: 72]. При этом «заимствованные элементы духовной и материальной культуры не подавляют, однако, местную культуру, африканскую по существу, а только придают ей своеобразную окраску [Мисюгин 1958: 142], например:

(6) а. *Kumcha Mungu si kilemba cheupe*. ‘Почитать Бога – не значит носить белый тюрбан’.

б. *Kumcha Mungu sio kuvaa kanzu ndefu*. ‘Почитать Бога – не значит носить длинную канзу’.

с. *Dalili ya usheha ni kilemba*. ‘Признак высокого положения – тюрбан’.

д. *Mtoto mkaidi hafaidi mpaka siku ya Idi*. ‘Упрямый ребенок ничего не получит до дня Иди (день после Рамадана)’.

е. *Kanzu ya kuazima usiivae Ijuma*. ‘Не надевай канзу (мужское платье-рубашка у мусульман), которую взял в займы, в пятницу (день всеобщей молитвы у мусульман)’.

Отметим при этом, что, хотя имена Бога в коранической традиции представлены целым списком вариаций [Давыдов 2012: 179], которые определенно известны африканцам, поскольку присутствуют в переводах Корана на язык суахили [Фаттахова, Шайхуллин 2021], среди паремий суахили отсутствуют пословицы, где напрямую упоминалось бы имя Аллаха или хотя бы одно из 99 его прекрасных имен. Примеры устойчивых выражений, которые не были найдены ни в одном из паремиологических сборников, используемых при исследовании, встречаются, однако, в надписях на кангах (традиционном предмете одежды африканцев) или автомобилях и других средствах передвижения:

(7) а. *Ya Illahi yakarimu nistiri mja wako*. ‘Щедность Аллаха да снизойдет на меня, раба твоего’.

б. *Nina Allah safarini* ‘Аллах со мной в пути’ [Громова 2003: 107–114].

с. *Mola ibariki hii ndoa* ‘Господи, благослови этот брак’ [Громова, Строганова 2008: 138–145].

Христианство в паремиях

Отношение к христианству, которое в Танзании исповедует около 50% населения, всегда было непростым: эта религия воспринималась как враждебная, отчасти колонизаторская, хотя надо отметить, что первые христиане пришли на кон-

тинент задолго до периода колониализма, а благотворные плоды миссионерской деятельности ощущались не только в переводе Библии на местные языки, но и во многих других отраслях жизни африканского населения. Некоторые элементы отправления традиционных верований вводили в церковную службу. «Ярким примером является деятельность церкви в селении Бужора, открытой в 1952 г. Само здание церкви построено в стиле традиционной хижины народа сукума, а при богослужении используется традиционная музыка и танцы сукума [Шлёнская 2010: 34]. Все это способствовало тому, что христианство репрезентировалось в сознании африканцев в форме непререкаемых постулатов, которые даже нельзя назвать чисто христианскими, а скорее общечеловеческими, например:

(8) а. *Adui mpende*. ‘Возлюби врага’.

б. *Baraka ya Mungu humtononesha mtu*. ‘Благословение Господне окропляет человека’.

с. *Ghururi za dunia huzijua jahimuni*. ‘Мирское высокомерие познает огонь геенны’.

д. *Jitihada haiiondoi kudura (amri ya Mungu)*. ‘Усилия не сокрушат могущество Божье (указ Божий)’.

Некоторые паремии отсылают нас к Ветхому и Новому Завету.

(9) а. *Huwi Musa kwa kubeba fimbo (kuvaa kanzu)*. ‘Ты не Моисей, если просто ходишь с посохом (носишь канзу)’.

б. *Mpe Mungu chake na Kaisari chake*. ‘Отдай Богу то, что его, а кесарю – то, что его’ (~ Отдавайте кесарево кесарю, а Божье Богу).

с. *Ukishangaa ya Musa utayaona ya Firauni*. ‘Если удивляешься (словам) Моисея, познаешь (проблемы) Фараона’.

Пословиц, где напрямую упоминается Христос, ни в одном из используемых сборников паремий не обнаружено. Однако можно встретить большое количество выражений, где творец обозначен как *Mungu* ‘Бог’. Всего их количество составило 146 пословичных единиц.

(10) а. *Mwamini Mungu si mtovu*. ‘Верующий в Бога не тот, кто ослушивается’.

б. *Fimbo ya mnyonge hulipwa na Mungu (mlipaji Mungu)*. ‘За посох слабого платит Господь’.

с. *Mungu si Athumani*. Бог не Асмани (~ ‘Бог не Тимошка, видит немножко’).

д. *Mtukana kinyamale mwakuzi ni Mungu*. ‘Того, кто оскорбляет молчуна, судит Бог’.

е. *Mtumwa ni hayawani adui ya Mungu*. ‘Раб – это жестокий враг Бога’.

ф. *Mwomba Mungu hachoki*. ‘Просящий у Бога не устает’ (~ Проси и дано будет).

г. *Asiyekuwa na wake ana Mungu*. ‘Тот, у кого никого нет, есть Бог’.

В отличие от русского языка, в котором дефиниции лексемы «Бог/бог» представлены пятью оттенками значений [Большой ... 1998: 86], в суахили имеют место два основных лексико-семантических варианта: 1) *Mungu* = *Muumba*, *Mola*, *Allah*, *Rabii*, *Bwana* ‘творец всего сущего, вездесущий высший разум, управляющий миром’, 2) *mungu* ‘материальный образ такого существа’ [Kamusi ya Karne 21 2015: 364]. Таким образом, *Mungu* – единая лексема для наименования божественной сущности в обеих религиях, будь то ислам или христианство, которая, однако, имеет еще более глубокие корни. Еще во времена традиционных культов «в некоторых районах Африки среди сонма духов выделялись верховные духи, которым часто приписывали и сотворение мира», для народов банту Восточной Африки это – *Mungu*, *Mulungu*, *Murungu* [Львова 2019: 19].

Позднее, при переводе Библии на местные языки, это понятие и было избрано для обозначения понятия Господь. Само же лексическое наполнение было довольно далеко от догматических представлений, о чем дополнительно свидетельствует грамматическая характеристика данного существительного: в соответствии с системой именных классов, свойственных языкам банту, оно входит в 3-й класс, условно обозначаемый как «класс деревьев», куда также попадает большое количество объектов природы. Иными словами, при образовании формы множественного числа *miungu* отражается «природная» сущность этой лексемы, что отсылает нас к этимологии и напоминает о «неосвязаемости» Божественной сущности, однако в пословицах данная лексема не употребляется во множественном числе. При выборе субъектного показателя, напротив, на передний план выходит человеческая природа Творца, и согласование происходит в соответствии с нормами 1-го именного класса (класса людей), например:

(11) а. *Mwenyezi*

Звсемогущий

Mungu

ЗБог

ha-jesh

NEG.SUBJ1.3SG-заканчивать.NEG

ni-umba.

OBJ1.1SG-создавать

‘Всемогущий Бог не завершил мое творение’.

b. *Ji-saidie Mungu a-ku-saidie.*
 REZ- 3Бог SUBJ1.3SG-OBJ1.2SG-помогать.OPT
 помогать.OPT

‘Помогай себе сам, чтоб Бог помогал тебе’ (~ На Бога надейся, а сам не плошай).

c. *Mungu a-ki-ku-pa kilema a-ta-ku-onyu na mwendo wake.*
 3Бог SUBJ1.3SG-SIT- 7изъян SUBJ1.3SG-FUT- с 3ход 3POSS
 OBJ1.2SG-давать OBJ1.2SG-предупреждать

‘Если Бог тебе посылает физический недуг, то научит тебя с ним жить’.

d. *Mungu ha-ombwi hu-toa.*
 3Бог NEG.SUBJ1.3SG-просить.PAS.NEG НАВ-давать

‘Бога не просят, он дает сам’.

Можно также обнаружить пословицы, где упоминаются существа околбожественные – *malaika* ‘ангелы’ ((12) *Asiyekosa ni malaika*. ‘Тот, кто не ошибается, – ‘ангел’). И несколько наименований антагонистических сил, которые, подобно лексеме *Mungu*, не имеют религиозной коннотации, т. е. могут ознаменовывать демонические начала как в традиционных африканских

верованиях, так и в мусульманской и христианской традициях: *shetani, bilisi, ibilisi*. Было обнаружено 18 паремий, в которых присутствует лексема *shetani* ‘демон’. Интересно, что наименования всех перечисленных ‘существ’ относятся к 5-му именному классу, а согласование получают по классу людей, то есть в согласовательной цепочке маркированы как одушевленные существа.

(13) a. *Bilisi (ibilisi, shetani) wa mtu ni mtu.*
 9демон 1ASSOC 1человек COP 1человек

‘Демон человека – сам человек’.

b. *Goma la mashetani hupanda bila mzuka.* ‘В крепость демонов забираешься и без помощи духа’.

c. *Shetani ni moyo wa mtu.* ‘Демон – в сердце человека’.

Если говорить о количественном соотношении, число пословиц, имеющих религиозную тематику, довольно велико среди общего паремиологического фонда языка суахили. Так, например, раздел *God and Religion* ‘Бог и религия’ электронного корпуса пословиц, опубликованного Center for African Studies University of Illinois at Urbana-Champaign включает в себя 117 паремиологических единиц, что, однако, представляется не вполне достоверными данными, поскольку в использованных в ходе исследования словарях суахилийских пословиц [Kingei, Ndalu 2008; Salla 2017] были обнаружены и другие примеры, не вошедшие в электронный корпус. Другими словами, фактически данный количественный показатель свидетельствует о некоей асимметрии в языковой картине мира суахилийцев, рассматриваемой через призму пословиц, в сторону религиозности в глобальном ее понимании.

О значимости данного раздела паремиологического фонда языка суахили свидетельствует и тот факт, что европейский лингвист Ян Кнапперт

выделяет среди немногочисленных обозначенных им групп суахилийских паремий и пословиц о религии. Вот что пишет о них Кнапперт: «Многие пословицы относятся к религиозной жизни, к ритуалу ислама или философии мухамеданизма. Первое и главное, что я отметил – это богобоязнь» (перевод автора – В.Ш.) [Knappert 1997: 21]. Автор также иллюстрирует свои слова случаем из жизни, произошедшим с ним во время пребывания в Африке: «Однажды, когда я поблагодарил хозяйку принимающего меня дома после ужина, она ответила: “Благодари только Бога, ведь это он записал твое имя на трапезе”» (перевод автора – В.Ш.) [там же: 21].

Выводы

В целом все паремии суахили, которые имеют отношение к религии, можно формально разделить на две большие группы: те, в которых упоминается имя Бога ((14) *Anayeshitaki Mungu kawesha mahakimu*. ‘Жалуется Богу тот, кто выиграл в суде’), и те, где присутствует лишь косвенный отсыл к Творцу ((15) *Ibada ina nguvu kuliko silaha*. ‘Вера сильнее оружия’).

Во всех контекстах лексема «Бог» сопровождается сакрализированным отношением к обозначаемому: Господь существует бездоказательно

((16) *Huona haonekani, husema hasikiani, Mungu*. ‘Он видит, но сам невидим, он говорит, а его не слышно – это Бог’), для него все люди равны ((17) *Kila mtu ni kwa ajili yake mwenyewe, lakini Mungu ni kwa sisi sote*. ‘Каждый человек – сам для себя, а Бог – для всех нас’). От Бога зависит человеческая жизнь ((18) *Mtu tamaye ni Mungu*. ‘Матерью человека является Бог’), он управляет поступками человека ((19) *Aliyeongolewa na Mungu hapoteki*. ‘Ведомый Господом не заблудится’), дает ему жизненные блага ((20) *Pato kuu ni la Mungu araye wawi na wema*. ‘Главный доход у человека – от Бога, дающего и плохим, и хорошим’), человек в любых обстоятельствах испытывает благодарность Богу ((21) *Kupata kuna Mungu, ukikosa shukuru*. ‘Если получаешь что-либо, это от Бога, а если нет, [все равно] благодари’). С волей Божьей никто не смеет спорить ((22) *Kalamu ya Mungu haikosi*. ‘Перо Божье не ошибается’), она является высшим благом ((23) *Baraka ya Mungu humtononesha mtu*. ‘Благословение Господне делает человека богатым’). Вера в Бога – это духовная потребность, а не формальный ритуал ((24) *Kutcha Mungu si kilemba*. ‘Почитать Бога не значит только носить тюрбан’).

Анализ суахилийских паремий с разнообразным коннотативным содержанием позволяет сделать выводы о религиозной и аксиологической картине мира носителей языка суахили, стать на шаг ближе к познанию их национально-характера. Пословичный фонд суахили подтверждает выводы, к которым приходят в своих исследованиях многие ученые-историки и этнографы: в Восточной Африке люди различных вероисповеданий мирно соседствуют, а религиозные догматы трансформируются и приобретают свой аутентичный характер. Еще одним аргументом может стать пословица ((25) *Kila dini ni ya kweli, sawa na nyuingine* ‘Каждая религия истинна, так же как и любая другая’). Произнося ту или иную суахилийскую пословицу, связанную с религией, не нужно задумываться о том, будет ли она актуальна для мусульман или христиан, не будут ли задеты чувства верующих, все паремии абсолютно толерантны и одинаково актуальны для человека любой веры.

Примечания

¹Глоссирование приведено в тех примерах, где это необходимо для полного понимания грамматической структуры пословичной единицы.

²Здесь и далее перевод пословиц на русский язык выполнен автором впервые.

³Знак «~» обозначает примерное соответствие найденному русскому варианту пословицы.

Список литературы

Бондаренко Д. М. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке. М.: ИАФР РАН, 1997. 71 с.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.

Брындина В. Н. Мусульмано-христианские отношения на Занзибаре: первые результаты полевого исследования // Материалы к круглому столу в рамках Дней науки НСО МГИМО «Африка – очаг межэтнического и межрелигиозного противостояния» / МГИМО. М., 18 марта 2021. (неопубл.).

Громова Н. В. Надписи на автомобилях в Танзании // Под небом Африки моей. М.: Муравей, 2003. С. 107–114.

Громова Н. В., Строганова Е. А. О чем говорит канга // Восточная коллекция. М.: Рос.гос.б-ка, 2008. С. 138–145.

Громова Н. В., Петренко Н. Т. Русско-суахили словарь. М.: Ключ-С, 2017. 651 с.

Давыдов А. В. Имена Бога в переводах Корана на манинка и бамана // Африканский сборник-2011 / отв. ред. А. Ю. Желтов; РАН, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), СПбГУ. СПб., 2012. С. 386–429.

Жуков А. А. Культура, язык и литература суахили (доколониальный период). – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. 152 с.

Жуков А. А. Суахили. Язык и литература. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та. 1997. 347 с.

Львова Э. С. Очерки по истории религий Африки южнее Сахары. М.: Ключ-С, 2019. 292 с.

Мамонтов А. С. Язык и культура: сопоставительный аспект изучения. М., 2000. 187 с.

Мечковская Н. Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.

Мисюгин В. М. Происхождение городов восточноафриканского побережья // Вестник Ленинградского университета. 1958. № 20. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. С. 142–152.

Следзевский И. В. Традиционный африканский социум и культура: проблема структурных взаимоотношений // Африка: культура и общество (Исторический аспект). М., 1995. С. 30–35.

Фаттахова А. Р., Шайхуллин Т. А. Коранические фразеологизмы с компонентами-соматизмами в переводе на суахили // Россия-Африка: политика, экономика, история и культура. Материалы II Международного научного форума, Казань, 22 октября 2021 г. Казань, 2021. С. 72–76.

Шлэнская С. М. Объединенная республика Танзания: справочник. М.: ИнАФР, 2010. 250 с.

Knappert J. On Swahili Proverbs // African Language Studies. 1975. № XVI.

Kingei K., Ndalau A. Kamusi ya methali. Kenya, Nairobi: Arts Limited, 2008. 372 p.

Knappert J. Swahili Proverbs: Queen City Printers, Vermont, 1997. 156 p.

Kamusi ya Karne ya 21 // Longhorn publishers, Nairobi, Kampala, Dar es Salaam, 2011, 2013, 2014, 2015. P. 364.

Salla H. D. Methali za Kikwetu. Dar es Salaam: APE network, 2017. 206 p.

Swahili proverbs: Methali za Kiswahili. URL: <http://swahiliproverbs.afrst.illinois.edu/introduction%20to%20listing.html> (дата обращения: 01.02.2019).

References

Bondarenko D. M. *Teoriya tsivilizatsiy i dinamika istoricheskogo protsessa v dokolonial'noy tropicheskoy Afrike* [The Theory of Civilizations and the Dynamics of Historical Process in Pre-Colonial Tropical Africa]. Moscow, Institute for African Studies of the RAS Publ., 1997. 71 p. (In Russ.)

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. (In Russ.)

Bromley Yu. V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 412 p. (In Russ.)

Bryndina V. N. *Musul'mano-khristianskie otnosheniya na Zanzibare: Pervye rezul'taty polevogo issledovaniya* [Muslim-Christian relations on Zanzibar: First results of the field study]. *Kruglyy stol «Afrika – ochag mezhetnicheskogo i mezhreligioznogo protivostoyaniy 'Afrika – ochag mezhetnicheskogo i mezhreligioznogo protivostoyaniya' [Materials for the round table 'Africa as a Hotbed of Interethnic and Interreligious Confrontation' held as part of the Days of Science of the Scientific Student Society of MGIMO, 18 March 2021]*. Moscow, 2021. (In Russ.) (Unpublished)

Gromova N. V. *Nadpisi na avtomobilyakh v Tanzanii* [Car inscriptions in Tanzania]. *Pod nebom Afriki moyey* [Under the Sky of My Africa]. Moscow, Muravey Publ., 2003, pp. 107-114. (In Russ.)

Gromova N. V., Stroganova E. A. *O chem govorit kanga* [What does Kanga speak about]. *Vostochnaya Kolleksiya* [Eastern Collection]. Moscow, Rossiyskaya Gosudarstvennaya Biblioteka Publ., 2008, pp. 138-145. (In Russ.)

Gromova N. V., Petrenko N. T. *Russko-Suakhili Slovar'* [Russian-Swahili Dictionary]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2017. 651 p. (In Russ.)

Davydov A. V. *Imena Boga v perevodakh Korana na maninka i bamana* [The names of God in translations of Koran in Maninka and Bamana]. *Af-*

rikanskiy Sbornik-2011 [African Collection-2011]. Ed. by A. Yu. Zheltov. Russian Academy of Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera). St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2012, pp. 386-429. (In Russ.)

Zhukov A. A. *Kul'tura, yazyk i literatura Suakhili (dokolonial'nyy period)* [Culture, Language and Literature of Swahili (Precolonial Period)]. Leningrad, Leningrad University Press, 1983. 152 p. (In Russ.)

Zhukov A. A. *Suakhili. Yazyk i literatura* [Swahili. Language and Literature]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1997. 347 p. (In Russ.)

L'vova E. S. *Ocherki po istorii religiy Afriki yuzhnee Sakhary* [Essays on the History of African Religions to the South of Sahara]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2019. 292 p. (In Russ.)

Mamontov A. S. *Yazyk i kul'tura: Sopostavitel'nyy aspekt izucheniya* [Language and Culture: Comparative Aspect of Study]. Moscow, 2000. (In Russ.)

Mechkovskaya N. B. *Yazyk i religiya* [Language and Religion: Textbook for students of universities for humanities]. Moscow, Agentstvo 'FAIR' Publ., 1998. 352 p. (In Russ.)

Misyugin V. M. *Proiskhozhdenie gorodov vostochnoafrikanskogo poberezh'ya* [The origin of East African coastline cities]. *Vestnik Leningradskogo Universiteta. Seriya istorii, yazyka i literatury*. [Bulletin of Leningrad University. Series of History, Language and Literature. 1958, no. 20, issue 4, pp. 142-152. (In Russ.)

Sledzevskii I. V. *Traditsionnyy afrikanskiy sotsium i kul'tura: Problema strukturnykh vzaimootnosheniy* [Traditional African society and culture: Problem of structural interrelations]. *Afrika: kul'tura i obshchestvo (istoricheskii aspekt)* [Africa: Culture and Society (Historical Aspect)]. Moscow, 1995, pp. 30–35. (In Russ.)

Fattakhova A. R., Shaykhullin T. A. *Koranicheskie frazeologizmy s komponentamy somatyzmamy v perevode na suakhili* [Koran phrases with somatic component in translation to Swahili]. *Rossiya-Afrika: politika, ekonomika, istoriya i kultura. Materialy II Mezhdunarodnogo Nauchnogo Foruma, Kazan', 22 Oktyabrya 2021* [Russia-Africa: Politics, Economy, History and Culture. Proceedings of the 2nd International Science Forum, Kazan, 22 October 2021]. Kazan, 2021, pp. 72-76. (In Russ.)

Shlenskaya S. M. *Ob"edinennaya Respublika Tanzaniya. Spravochnik* [United Republic of Tanzania. Reference Book]. Moscow, Institute for African Studies of the RAS Publ., 2010. 250 p. (In Russ.)

Knappert J. On Swahili proverbs. *African Language Studies*, 1975, issue XVI (In Eng.)

Kingei K., Ndalau A. *Kamusi ya Methali* [Dictionary of Proverbs]. Kenya, Nairobi, Arts Limited, 2008. 372 p. (In Swahili-Eng.)

Knappert J. *Swahili Proverbs*. Queen City Printers, Vermont, 1997. 156 p. (In Eng., Swahili-Eng.)

Kamusi ya Karne ya 21 [Dictionary of the 21st Century]. Longhorn Publishers, Nairobi, Kampala, Dar es Salaam, 2011, 2013, 2014, 2015, p. 364 (In Swahili)

Salla H. D. *Methali za Kikwetu* [Proverbs of Our Place]. Dar es Salaam, APE network, 2017. 206 p. (In Swahili-Eng.)

Swahili Proverbs: Methali za Kiswahili. Available at: <http://swahiliproverbs.afirst.illinois.edu/introduction%20to%20listing.html> (accessed 01 Feb 2019). (In Swahili-Eng.)

The System of East African Beliefs Through the Prism of Swahili Proverbs

Victoria S. Shatokhina

Teacher in the Department of African Studies

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

11, bld. 1, Mokhovaya st., Moscow, 125009, Russian Federation. viktorija_mamaafrika@mail.ru

SPIN-code: 6311-7064

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9668-7710>

ResearcherID: AAE-5057-2022

Submitted 20 Feb 2022

Revised 15 Apr 2022

Accepted 05 May 2022

For citation

Shatokhina V. S. Systema verovaniy Vostochnoy Afriki cherez prizmu poslovits yazyka suakhili [The System of East African Beliefs through the Prism of Swahili Proverbs]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 63–70. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-63-70 (In Russ.)

Abstract. Religious ideas are an integral part of any people's life. Therefore, they are of great significance for understanding the national picture of the world. The article investigates the beliefs of the Swahili-speaking community through the prism of Swahili proverbs and sayings that reflect its polyconfessionality. In the study, the most complete and up-to-date collections of Swahili proverbs were used, such as *Methali za Kikwetu* (Proverbs of Our Place), *Kamusi ya methali* (Dictionary of Proverbs), *Swahili Proverbs*. Each of them contains about two thousand proverbial units. For quantitative evaluation, the largest modern corpus of Swahili proverbs compiled by the Center for African Studies at the University of Illinois at Urbana-Champaign was used. It contains more than four thousand proverbial units. Swahili proverbs explicitly mention the names of traditional spirits (mizimu, pepo, zimwi), the performers of traditional cults and rites (mchawi, mganga), the supreme creator (Mungu), the creatures that are nearby (malaika), and demonic forces (ibilisi, shetani). There are also some paroemias containing indirect reference to Islam or orthodoxy by mentioning some religious traditions. Of particular interest are the results of comparing the frequency of usage of different religious lexemes. Noteworthy is that the semantics of these words is expressed in grammatical features, especially by the tools of the class system. In the article, the study of Swahili paroemias is correlated with the history of East African religions. The research confirms the conclusions of other scholars studying religion in Eastern Africa: here traditional and Abrahamic religions peacefully coexist, transforming and complementing each other. In any proverbial unit, the lexeme 'God' conveys sacral attitude toward its denotatum, and universal values come to the foreground. The predominance of paroemias on religious theme proves their importance in the national picture of the world of the Swahili people. The research results are of practical importance and may be used not only in paroemiology and linguistics but also in ethnography, cultural and religion studies.

Key words: linguistics; paroemiology; proverbs; sayings; Swahili; religion; religious vocabulary; Eastern Africa.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1(09)

doi 10.17072/2073-6681-2022-2-71-82

Башня в символике поэзии Валерия Брюсова

Владимир Васильевич Абашев

д. филол. н., профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. vv_abashev@mail.ru

SPIN-код: 5142-6370

ResearcherID: R-7980-2016

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

Статья поступила в редакцию 06.04.2022

Одобрена после рецензирования 17.04.2022

Принята к публикации 11.05.2022

Информация для цитирования

Абашев В. В. Башня в символике поэзии Валерия Брюсова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 71–82. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-71-82

Аннотация. В статье проанализирована семантика и функциональное значение образа башни в символике поэзии Валерия Брюсова. Выделена группа стихотворений конца 1890-х – начала 1920-х гг., где экзистенциальная идея жизненного пути как восхождения на башню тематизирована. Связанные сеть автореминисценций, они образуют ядро брюсовского «башенного текста». Кроме них в «башенный текст» Брюсова входят многочисленные стихотворения, где в качестве деталей, описывающих путь поэта, встречаются архитектурные, кинетические и эмоционально-экспрессивные сигнатуры башни. Возвращаясь во множестве вариаций, с возрастающей интенсивностью видение башни проходит через все творчество Брюсова. Обзор символизма башни в русской поэзии серебряного века убеждает, что брюсовский случай интерпретации образа был уникальным. Выявлено, что символика башни у Брюсова органично связана с другими основными категориями его поэтического мира – памятью и культурой. В целом символизм брюсовской башни восходит к мифопоэтике вавилонского столпотворения, но Брюсов решительно сдвигает смысл этого символа, делая его эмблемой собственного жизненного пути. У единственного из крупных поэтов серебряного века башня у Валерия Брюсова стала не одним из выразительных средств поэтической системы, а ключевым символом персональной идентичности. В восхождении на башню состоит его судьба и призвание, которое поэт принимает с характерным смещением чувств обреченности и гордости. Своеобразие интерпретации идеи пути у Брюсова было в том, что его путь лишен внутренней телеологии, он самодовлеющ. В поэзии Брюсова путь – это чистое стремление воли, отрицающее всякую цель как ограничение: «В этом мире вещей и обличий /Все мне сказалося в единственном кличе: /«Ты должен идти!» Образная пластика и семантика башни наиболее полно выражали такое видение пути.

Ключевые слова: идея пути; символика; символизм башни; Брюсов; Блок; Бальмонт; Вяч. И. Иванов.

В обширной филологической брюсовиане – по контрасту с исследованиями блоковского творчества – не так много работ, посвященных вопросам поэтики лирического наследия Вале-

рия Брюсова. Одна из причин – многогранность его творческой деятельности. Драматург, прозаик, переводчик, редактор, литературный критик и своего рода продюсер литературных движений

– все это многообразие деятельностей и ролей само собой побуждает к исследовательским темам в духе «Брюсов и...». Другая причина, более существенная: сомнение в ценности и подлинности брюсовской лирики, упроченное приговорами Ю. Айхенвальда («величие преодоленной бездарности») и М. Цветаевой («герой труда»). Не претендуя на переоценку значения лирики Валерия Брюсова, мы все же убеждены, что она не лишена подлинного лиризма, что темы и образы брюсовской поэзии отразили глубокий драматизм его жизни, что в его стихах реализована своя «индивидуальная мифология поэта» [Якобсон 1987].

Опираясь на принципы мотивного анализа, в настоящей статье мы в системе образов брюсовской поэзии выявили «постоянные, организующие, <...> элементы, являющиеся носителями единства в многочисленных произведениях» и «накладывающие на <...> [них] печать поэтической личности». Ключевым образом, организующим «целостность индивидуальной мифологии поэта» [там же: 145], для Брюсова явилась башня. Общекультурный символ стал личной интерпретацией универсальной «идеи пути» в творчестве поэта [Максимов 1981].

Парадигмальным по реализации символа в его смысловой и пластической полноте можно считать стихотворение «Восхождение» (1914).

Как винт чудовищный, свиваясь вкруг стены.
Восходит лестница на высь гигантской башни.
Давно исчезло дно безмерной глубины;
Чтоб дальше сделать шаг, все должно быть
бесстрашной.
За ярусом – другой; сквозь прорези бойниц
Я вижу только ночь да слабый отблеск
звездный;
И нет огней земли, и нет полночных птиц,
И в страшной пустоте висит мой путь железный.
<...>
Кто, Дьявол или Бог, какой народ, когда
Взвел башню к небесам, как древле в Вавилоне?
И кто, пророк иль враг, меня привел сюда
На склоне злого дня и дней моих на склоне?
И что там, в высоте? божественный покой,
Где снимет предо мной Изида покрывало?
Иль черное кольцо и только свод глухой.
И эхо прокричит во тьме: «Начни сначала!»
Не знаю. Но иду; мечу свой факел ввысь;
Ступени бью ногой; мой дух восхождением
хмелен.
Огонь мой, дослужи! нога, не оступись!..
Иль этот адский винт, и правда, беспределен?
(3: 335)¹

Это видение безудержно растущей многоярусной башни с бесконечными спиралями восходящих с яруса на ярус лестниц, темными сводами, бойницами, пустыми громадными залами – вертикального лабиринта, в котором он, Валерий Брюсов, заключен и обречен на вечное восхождение, было неизменной фантазией поэта. Возвращаясь во множестве вариаций, с возрастающей интенсивностью видение башни проходит через все его творчество. Причем изначально башня у Брюсова выступает не как отдельный момент пути, испытание или препятствие, а как его собственный выбор: «мой дух восхождением хмелен!» В восхождении на башню состоит его судьба и призвание, которое поэт принимает с характерным смешением чувств обреченности и гордости.

Да, Брюсов – человек башни. В том смысле, что в его стихах башня – это им самим в собственной жизни опознанный и как откровение ее смысла принятый персональный (или индивидуальный) символ. Определяя башню в качестве брюсовского индивидуального символа, мы используем выражение Н. Берберовой. Обдумывая свой «многолетний» диалог с Ходасевичем о «символизме как основе жизни и мышления, <...> отдельных моментов и общей судьбы человека», она пришла к выводу, что менее всего тема их обсуждений имела отвлеченный общекультурный смысл. Речь шла о глубоко личном, экзистенциальном значении культурной символики. Символы сопровождают человека в поисках им основ собственной идентичности: «если человек не распознал своих мифов, не раскрыл их – он ничего не объяснил ни себе, ни в самом себе, ни в мире, в котором жил». Поэтому призвание личности состоит в том, чтобы найти свою «индивидуальную символику и ее связь с символикой мира» [Берберова 1996: 269]. Персональная символика, размышляет далее Н. Берберова, «не наложена на меня извне, она не «накрывает» меня, она составляет мою сущность, меня самое – неотделимая, как форма от содержания. Без нее я только кости, мускулы, кожа <...> Эта символика – моя форма, которая есть и мое содержание, она – мое содержание, которое есть и моя форма. В ней я умираю и воскресаю всю жизнь, держась за нее, потому что без нее я – не я, потому что бессмысленность и непрочность мира начинает показывать мне свое лицо. Только в себе можно найти то, на чем можно (и нужно) стоять» [там же: 266].

Тезис о том, что персональная идентичность не дана человеку непосредственно в самоинтуиции и путь к ней опосредован «символическим универсумом» культуры, философски обоснован

у П. Рикера. «Желание и усилие существовать, которые меня конституируют, – утверждает французский философ, – находят в интерпретации знаков длинную дорогу осознания <...> Понимание мира знаков является средством для самопонимания; символический универсум – это среда самообъяснения <...> проблемы смысла не существовало бы, если бы знаки не были средством, условием, медиумом, благодаря которым существующий человек стремится спроектировать себя, понять себя» [Рикер 1995: 408].

Мифы, архетипы, символы и знаки культуры – все это и средство самопознания, и средство конструирования себя. Как видим, наблюдения и выводы Н. Берберовой совпадают с выводами философской герменевтики и в этом смысле не оригинальны. Но для нас понятие персональной или индивидуальной символики ценно именно в берберовской артикуляции. В нескольких отношениях. Важно, во-первых, что у Н. Берберовой размышления о персональной (индивидуальной) символике или личных мифах человека – это резюме личного жизненного опыта, убедительный итог самопознания. Во-вторых, ее размышления (через Ходасевича) восходят к той культурной эпохе, которой принадлежал и ярким выражением которой был Валерий Брюсов. Наконец, у Н. Берберовой важна сама фактура ощущения персональной символики как собственной внутренней формы, переживаемой ярко, почти телесно. Это близко строю переживаний Брюсова.

Башня у Брюсова – это символ его судьбы, понятой как призвание (и обреченность) к бесконечному восхождению. Башня – это как раз то, что, словами Н. Берберовой, Валерий Брюсов в себе нашел и на чем стоял. До конца – почти буквально: «Все камней ступени, все круче, круче взлет, желанье достижений еще влечет вперед» писал Брюсов в 1902 г., а через двадцать лет в конце жизни подтвердил неизменность своего башенного призвания: «пятьдесят лет /– пятьдесят лестниц.../Еще б этот счет! Выход вперед!» (3: 203)². Книга «Меа», где было опубликовано это стихотворение, вышла в день похорон Брюсова [Ясинская 1963: 318].

Образ башни как символ судьбы и призвания оформляется в стихах Брюсова в конце 1890-х гг. Но и в более ранних текстах появляются мотивы, которые ретроспективно опознаются как предвосхищение этого символа. Показательна в этом отношении дневниковая запись от 9 апреля 1898 г.: «Ведь должен же я идти вперед! Должен победить – Неужели все

эти гордые начинания, эти планы, эта работа, этот беспримерный труд многих лет – обратятся в ничто. Юность моя – юность гения. Я жил и поступал так, что оправдать мое поведение могут только великие деяния. Они должны быть, или я буду смешон. Заложить фундамент для храма и построить заурядную гостиницу» [Брюсов 1927: 34, 35]. В этой записи явлен и пафос башни, и определено – строительными метафорами – образное поле формирования будущего персонального символа. Изначально Брюсов свою судьбу программировал метафорами строительства, воздвижения какого-то грандиозного здания.

Немногим позднее в стихах появляется и собственно башня как символ судьбы. В стихотворении «Я в высокой узкой башне...» (1898) она принимается как свыше предназначенная поэту жизненная участь и альтернатива вольным скитаниям в открытых пространствах полей, гор и лесов – традиционному образу поэтической участи: «Помню горы, лес и поле, /Все раздолие дорог. /Помню горы, лес и поле, /Где по воле, где на воле /Я скитаться мог!» (3: 254). Стоит обратить внимание, что появление башни в этом стихотворении уже не сопряжено с мотивом строительства. Поэт не строитель башни, он ее узник (или избранник?), заключенный туда неведомой силой:

Я в высокой узкой башне,
Кто меня привел сюда?
Я в высокой узкой башне
Гость – надолго, гость – всегдашний,
Узник навсегда! (3: 253)

Однако заточение в башне принимается Брюсовым не как поражение или испытание, а как тяжелое бремя избранничества:

Кто возвел меня высоко,
Двери запер кто за мной,
Мир – внизу, во мгле – далеко,
Здравствуй, жизни одинокой
Подвиг роковой! (3: 254)

Стихотворением «Я в высокой узкой башне...» (1898) открывается ряд башенных стихов, проходящих, как вехи, через все творчество Брюсова с конца 1890-х гг. до 1923 г. Прежде всего, выделим группу стихотворений, где идея жизненного пути как восхождения на башню прямо тематизирована. Они образуют своего рода ядро брюсовского башенного текста (используем выражение М. Цимборской-Лебоды [2006]).

Помимо упомянутого стихотворения в эту группу входят «Лестница» (1902), «Восхождение» (1914), «Дом видений» (1921) и «Пятьдесят лет» (1923). Важно отметить, что стихи

этой группы связаны автореминисценциями и образуют тем самым осознанно манифестируемую непрерывность ряда. Так, эпиграфом к стихотворению «Всхождение» взяты строки из «Лестницы»: «А лестница все круче...» (3: 335), а мотивы этих двух произведений позднее откликаются в стихотворении «Пятьдесят лет», где жизнь поэта ретроспективно представлена как упорное восхождение на башню.

Кроме того, в башенный текст входит множество стихов, где в качестве деталей, описывающих путь поэта, встречаются архитектурные, кинетические и эмоционально-экспрессивные сигнатуры башни – ярусы, лестницы, ступени, восхождение, движение по спирали, чувство обреченности. Как правило, они сигнализируют об имплицитном присутствии в тексте башенной семантики. Так, например, в стихотворении «Железный путь» (1899) речь идет о некоем мосте, который предстает перед путником на «середине жизненной дороги». Но путнику лучше избежать соблазна и «не восходить на лестницы крутые», ибо мост, висящий над бездной, уводит в пустоту и обрекает на бесконечное блуждание (3: 255). То, что в данном случае образ моста и железного пути семантически индуцирован башней, хорошо подтверждается тем, что в ключевом для башенного текста стихотворении «Всхождение» встречается автореминисценция этого раннего стихотворения: «И в страшной пустоте висит мой путь железный» (3: 335). В поле брусковского башенного текста входит также известное стихотворение «Нить Ариадны» (1902), где лабиринт, в котором обречен на вечное скитание герой, – это, в сущности, не что иное, как проекция башни с ее бесконечной спиралью винтовой лестницы. Связь подтверждают не только архитектурные сигнатуры башни («сходы и проходы, И зал круги, и лестниц винт»), но и мотив обреченности на подвиг, сопряженный, как правило, с восхождением на башню (1: 275).

Для понимания индивидуальной специфики брусковской символики башни необходимо учитывать современный ему культурный фон. В русской поэзии серебряного века символика башни использовалась интенсивно и в широком диапазоне значений: от выражения беспредельной человеческой гордыни до образа пребывания в центре мира и гармонического союза с ним. Башня выступала и как медиатор глобальных культурно-исторических рефлексий, и как выражение и интерпретация глубоко личных состояний. В разных вариациях образы башни встречаются в стихах И. Бунина, К. Бальмонта, Вяч. Иванова, М. Волошина, О. Мандельштама,

Н. Гумилева, А. Ахматовой, А. Гастева. Не претендуя на полноту обзора, остановимся на описании лишь доминирующих вариаций символики башни. Их две. Одна варьирует мифопоэтику вавилонской башни, другая выражает представление о месте художника в мире – башня гордыни и башня созерцания.

Наиболее распространенный вариант символа в поэзии серебряного века был связан с мифологемой вавилонской башни. Очевидно, его активизация вызвана эсхатологическим и вообще футурологическим пафосом культуры этого времени [Богданов 2006]. Вариации на тему вавилонской башни встречаются у И. Бунина в стихотворении «Каин» [1965: 1, 285], у Вяч. Иванова, М. Волошина, В. Брюсова, А. Гастева. У Вяч. Иванова тема вавилонского столпотворения, как выражение человеческого вызова Богу, развита в более поздних произведениях – в терцинах «Я видел сон в то лето пред войной...» [1979: 3: 528] и сонете «Воздвигла ярость любящих себя...»:

Вновь громоздят, мятежный сбор трубья,
Искуснейших племен каменотесы
Соперницу высот, где режет плесы
Струй пламенных орел, крылом гребя, –
Витую башню. Тщетный труд! Языки
Смесила гордость... Вскоре паруса
Соединили мир, – и звон музыки.
Крепит поднесь (еще вокруг стен – леса!)
Любовь к себе, золотой личине смрада,
До ненависти к Богу – крепость Ада
[1979: 3: 228].

Аксиологически иной с акцентом на творческом начале человеческой истории вариант мифа о вавилонской башне создан в поэме М. Волошина «Космос» (1923) из цикла поэм «Путями Каина». Это гимн творческой дерзости человека:

Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий
И громоздились Библии камней.
<...>
Так будь же сам вселенной и творцом!
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим Вавилонских башен,
Ты – заклинатель сфинксов и химер
[1977: 297, 303].

Самое впечатляющее из созданных в этом ряду в начале XX в. произведений – поэма Александра Гастева «Башня» (1917). Здесь рисуется грандиозный образ циклопической башни, бетонные основы которой уходят в глубины

земли и попирают могилы строителей, а светлый шпиль воззается в небо. Башня Гастева – это вызов человечества законам природы и судьбе:

Что за радость подняться на верх этой кованой башни!

Сплетенья гудят и поют, металлическим трепетом бьются, дрожат лабиринты железа. В этом трепете все – и земное, зарытое в недра, земное и песня к верхам, чуть видным, задернутым мглой верхам. <...>

Железную башню венчает прокованный, светлый, стальной, весь стремление к дальним высотам – шлифованный шпиль.

Он синее небо, которому прежние люди молились, давно разорвал, разбросал облака, он луну по ночам провожает <...> он тушит ее своим светом, спорит уж с солнцем...

Шпиль высоко летит, башня за ним, тысяча балок и сеть лабиринтов покажутся вдруг вдохновенно легки, и реет стальная вершина над миром победой, трудом, достиженьем. <...>

Все могилы под башней еще раз тяжелым бетоном залиются, подземные склепы сплетутся железом, и на городе смерти подземном ты бесстрашно несись.

О, иди,
И гори,
Пробивай своим шпилем высоты,
Ты, наш дерзостный башенный мир!
[Гастев 1971: 122, 123]

Определение «башенный мир» оказалось в какой-то мере пророческим – по крайней мере, как прогноз последующего устремления и пафоса культуры. Поэма А. Гастева, по существу, открыла утопический дискурс советской культуры 1920–1930-х гг., для которого мифопоэтика вавилонской башни оказалась одной из важнейших его составляющих: от многочисленных текстов до архитектурных проектов «Памятника III коммунистическому интернационалу» В. Татлина и «Дворца Советов» Б. Иофана [Sadowski J. 2005: 88].

Очевидные вариации на тему вавилонской башни есть у Брюсова в стихотворениях «Дома» (1898) и «В неоконченном здании» (1900).

Свершится, что вами замыслено,
Громада до неба взойдет
И в глуби, разумно расчисленной,
Замкнет человеческий род (1, 223).

Другой распространенный вариант символизма башни связан с выражением позиции поэта в мире. Хрестоматийное стихотворение К. Бальмонта «Я мечтою ловил уходящие тени...» (1894), открывшее книгу «В безбрежности», дало начало, возможно, всему башен-

ному тексту серебряного века. В башне Бальмонта нет замкнутости и тесноты, характерной для брюсовской интерпретации образа, она открыта всем сторонам света. Восходящий на башню идет от наступающей темноты за лучами заходящего солнца. У Бальмонта восхождение на башню означает беспредельное расширение сознания. На башне поэт попадает в средоточие мира, и ему становится внятно все – и глубины земли, и высоты неба: «и внял я неба содроганье, и горних ангелов полет, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье...».

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.
Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор
[Бальмонт 1969: 93].

Подъем на башню у Бальмонта – это путь к солнцу и свету. Поэтому восхождение сопровождается чувством окрыленности и расширения сознания. Восхождение вознаграждается обретением поэтического всеведения: «Я узнал, как ловить уходящие тени, Уходящие тени потускневшего дня...». Сходные мотивы развиваются в другом стихотворении Бальмонта – «В башне» (1899) из книги «Горящие здания». Здесь пребывание на башне – это творческое уединение, в котором властвует мечта:

Так живу, как в светлом дыме
Огнецветные цветы,
<...>

В башне с окнами цветными
Переливчатой мечты [Бальмонт 1994: 285].

Особое значение символизм башни имел для Вячеслава Иванова. У него встречается и мотив вавилонской башни – «гордыни столп» в стихотворении «Воздвигла ярость любящих себя...» [1979: 3: 228], и полярный ему: башня из слоновой кости как символ Девы Марии в стихотворении «Turris Eburnea» [1974: 2, 457,458]. Но более индивидуальные обертоны башни обнаруживаются в том, что у Вячеслава Иванова, как и у Бальмонта, башня символизирует место художника в мире: художник творит башню и пребывает в башне как средоточии мира.

В первой строке стихотворения «Зодчий» – «Я башню безумную зижду» [1974: 2, 380] – звучит, кажется, нотка горделивого вызова, напоминающая о тональности брюсовской башенной лирики, но в дальнейшем развитии текста она существенно корректируется. Башня Иванова зиждется не для самоутверждения, а как алтарь во имя жертвы высшему началу,

восхождение на башню имеет целью достижение высшего единства с миром. В стихотворении «Художник» гордыня «кумиротворца-гения», человека восхождения, на высших ступенях творчества смиряется его добровольным нисхождением. Ищущий совершенства поэт должен дарить себя, отказываясь от величия и одиночества башни:

До истощенья расточая,
До изможденья возлюбя,
Себя в едином величая,
В едином отразив себя.
Одной души в живую сагу
Замкнет огонь своей мечты –
И рухнет в зеркальную влагу
Подмытой башней с высоты [1974: 2, 380].

Но еще более важно, что у Вяч. Иванова символизм башни присутствует не только в его произведениях, он воплощается и в жизни поэта. Свою квартиру в Петербурге Иванов символически осознавал как башню, и в качестве таковой она стала одним из ярких символов всей культуры серебряного века [Шишкин 2006]. Петербургская квартира Иванова размещалась в угловой закругленной части дома, акцентированной куполом и поэтому напоминавшей очертаниями башню. Буквализируя отдаленное сходство и превращая его в метафору, Иванов выводил свое жилище из бытового ряда в символический. В стихотворении «На башне» [1974: 2, 259] башня – символ особого сакрального пространства. Поэт обосновал свой дом в месте, о котором пророчествует Евангелие от Матфея: «где будет труп, там соберутся орлы» (Матф., 24, 28). Эту строку цитирует Иванов, поясняя, почему поэт-орел и Сивилла предпочли башню в сумрачном городе прежнему месту обитания – «вещей пещере» в солнечном мире моря и скал. Башня поэта вознеслась над Петербургом, «городом-мороком», потому что здесь ныне прошла ось мировой истории. Здесь открывается стержневое значение башни у Иванова – его башня приобщена к центру мира и по существу является вариантом символики мировой горы или мировой оси. Это значение присутствует и в «*Turris Eburnea*»: «Ось незыблемых небес твой одержит остов нежный» [1974: 2, 458].

Осмысливая свой дом поэта как башню, Вяч. Иванов – пусть не в практическом, но в идеальном плане – предвосхитил описанный Теодором Циолковским феномен буквальной реализации башенного символизма в жизни некоторых поэтов и мыслителей XX в. Американский филолог-германист обнаружил глубинное сходство в выборе башни как места жизни и творчества и ее личной интерпретации у Карла Густава Юнга, Робинсона Джефферса, Уильяма Батлера

Йейтса и Райнера Марии Рильке [Ziolkowski 1998]. Кто-то из них, как Рильке и Йейтс, жили в старинных башнях, кто-то, как Юнг и Джефферс, строили свои дома-башни сами, но для всех выбор башни становился глубоко осознанным шагом утверждения персональной идентичности. При всей индивидуальности жизненных вариантов таких разных поэтов и мыслителей дом-башня Юнга в Боллингене, Hawk Tower Джефферса, Thoor Ballylee Йейтса, Castle Duino и Chateau de Muzot Рильке (этот ряд по праву можно дополнить петербургской башней Вяч. Иванова) имели общий символический смысл. Во всех случаях Башня избиралась художником как вещественное и вместе с тем символическое закрепление особой позиции в мире, она становилась для ее обитателей местом медиации, где человек попадал в средоточие бытия, получая доступ ко всем его уровням, а также к собственной сокровенной самости. Этот смысл башни как места медиации многоаспектно развернут в «Воспоминаниях» К.Г. Юнга. «Башня сразу стала для меня, – писал Юнг, – местом зрелости, материнским лоном, где я мог сделаться тем, чем я был, есть и буду. Она давала мне ощущение, будто я переродился в камне, являлась олицетворением моих предчувствий, моей индивидуации <...> С ее помощью я как бы утверждался в самом себе. <...> я строил <...> как бы во сне. Только потом, взглянув на то, что получилось, я увидел некий образ, преисполненный смысла: символ душевной целостности. <...> Порой я ощущаю, будто вбираю в себя пространство и окружающие меня предметы. Я живу в каждом дереве, в плеске волн, в облаках, в животных, которые приходят и уходят, – в каждом существе. В Башне нет ничего <...> с чем бы я не чувствовал связи. Здесь все имеет свою историю – и это моя история. Здесь проходит та грань, за которой открывается безграничное царство бессознательного [Юнг 1998: 275].

Обзор символизма башни в русской поэзии серебряного века убеждает, что брюсовский случай интерпретации башни во многих отношениях был уникальным. У единственного из крупных поэтов серебряного века башня у него стала не одним из выразительных средств поэтической системы, а ключевым символом персональной идентичности. Символизм брюсовской башни восходит к мифопоэтике вавилонского столпотворения, но Брюсов решительно сдвигает смысл этого символа, делая его эмблемой собственного жизненного пути. Как нам уже приходилось писать, своеобразие интерпретации идеи жизненного пути было у

Брюсова в том, что его путь лишен внутренней телеологии. Он самодовлеющ, и в этом его глубокое отличие от идеи пути в блоковской лирике: «путь у Брюсова – это чистое стремление воли, отрицающее всякую цель, как ограничение, предел, остановку» [Абашев 1990: 127]. Именно образная пластика башни, с ее мощью самоутверждения и бесконечности восхождения, наиболее полно выразила такое понимание жизни как пути в брясовской лирике³.

К чему ж судьбой, седой прелестницей,
В огне и тьме я был храним,
И долгих лет спиральной лестницей
В блеск молний вышел, невредим?
Одно лишь знаю: дальше к свету я
Пойду, громам неожиданным рад,
Ловя все миги и не сетуя,
Отцветший час бросать назад (3: 93).

Важно отметить, что башня у Брюсова органично связана с другими основными категориями его поэтического мира – памятью и культурой. Если в лирике 1890–1900-х гг. в трактовке памяти у Брюсова преобладало отрицание памяти и апология забвения: «о, если б все забыть!»⁴, то в 1920-е гг. в его поздней лирике начинается активизация категории памяти. При этом у Брюсова память (в отличие от Блока) не становится интегратором личного духовного опыта. У Брюсова память – это хранилище знаний, архив, главный принцип которого – накопление все новых и новых вещей-воспоминаний. И характерно, что в это время категория памяти находит выражение в символе башни. В большом стихотворении «Дом видений» (1921) память детализированно описывается как многоярусная бесконечно растущая башня, заполненная бронзовыми статуями-воспоминаниями [3: 119].

Последовательное овеществление памяти в этом стихотворении тем более обращает на себя внимание, что эпиграфом к «Дому видений» взяты строчки из стихотворения Тютчева «Душа моя – Элизиум теней», где память предстает как исключительно духовное пространство, населенное бесплотными тенями-воспоминаниями. У Брюсова же, словно по контрасту, башенное пространство памяти предельно овеществлено, все здесь из камня, стекла и металла:

Суровы ярусы многоэтажной башни, –
Стекло, сталь и порфир.
Где, в зале округленной, прежде пир
Пьянел, что день, отважней, бесшабашней,
Вливая скрипки в хмель античных лир, –
В померкшей зале темной башни
Тишь теперь.

<...>

Над бронзой Данте черен кипарис,
И, в меди неизменных риз,
Недвижим строй в века идущих статуй,
<...>

Видениями заселенный мир, –
Сад и растущая, как башня, память!
На меди торсов, сталь, стекло, порфир
Льет воск и кровь вечеровое пламя...
(3: 119, 120).

Видение башни-памяти, детализированное в духе зловещего ночного кошмара, выражает общую тенденцию образного воплощения памяти в стихах Брюсова 1920-х гг. Память у него неизменно воображается как замкнутое архитектурное пространство, беспорядочно заполненное воспоминаниями-вещами. То это «сарай, где хлам и лом» (3: 143), то «тёмный дом, где томы, тени, сны, портреты» (3: 198), то «комнаты замкнутые», где «бродят цифры, года, имена...» (3: 173). Память у Брюсова предстает «общей станцией», где разом сошлись все события, лица, ценности и символы мировой истории и культуры и где все они уравниены в своем статусе: «в сознании каждом – из Санцио /Счастливица «Афинская школа» (3: 184).

Постоянно повторяющиеся качества пространства памяти у Брюсова – теснота и тяжесть. Память плотно забита воспоминаниями-вещами: в памяти «плиты сдвинуты плотно» (3: 196), память сдвигает «плотно жалюзи» (3: 167).

Воспоминания-вещи переполняют сознание, вызывая почти телесное ощущение безмерной тяжести:

Книг, статуй, гор, огромных городов,
И цифр, и формул груз, вселенной равный,
Всех опытов, видений всех родов,
Дней счастья, мигнов скорби своенравной,
И слов, любовных снов, сквозь бред ночей
Сквозь пламя рук, зов к молниям бессменным,
Груз, равный вечности в уме! (3: 98)

В такой образной конструкции памяти не только события, лица и символы истории, но и самое личное овеществляется: «Ночи клятв, миги ласк, тени губ» остаются в памяти беспорядочно «в груди скученными» (3: 143). Порой ощущение овещественности содержания памяти доводится Брюсовым до предела, и память воспринимается уже как склеп, где покоится то, что прежде было живым:

И мир, весь мир, – желаний, счастливых,
Вселенная солнц, звёзд, земель их,
Испеплен, рухнет, – чьи-то части, –
Лечь в память, трупа онемелей! (3: 200).
В памяти, умирая, простёрты
Все прежние дни и ночи,
И возле,

Окоченели и мёртвы,
Все утра и все вечера (3: 417).

В самых характерных стихах 1920-х гг. основной поэтической речи Брюсова становится лихорадочное перечисление, а точнее, нагромождение, имен исторических деятелей, мифологических и литературных героев, географических названий, научных терминов. Можно сказать, что течение стиха определяет концепция памяти-башни. Читающего охватывает ощущение толчеи и мешанины образов, сорвавшихся со своих законных мест во времени и пространстве и сошедшихся на «общей станции памяти». Порой это качество – давки, переполненности сознания – тематизируется: «Топчут Гамлета Хорь-и-Калинычи, /Домби дамбами давят Отелл». Еще более выразительный образ угрожающей переполненности памяти создается в стихотворении «Тетрадь»:

Круг всех веков, где дикарь в Über Mensch'e;
Все, все – во мне! Рать сдержат сил не
трать!
Бей в пулемет, нынь! Рядов не уменьшать!
В ширь, в высь растут лейбниц-глифы, тетрадь!
(3: 185)

Лишенная внутренней личностной теплоты, растущая, как башня, память, оказывается бессмысленно самоистребительной.

Брюсов фетишизировал книгу, печатные строчки, дающие вещественный образ бессмертия: «пять строк историка – смысл бытия» (3:91). Для него книга, библиотека, архив – зримое и материальное воплощение памяти. Поэтому неудивительно, что память нередко отождествляется с книгой: «хранятся в памяти, как в темной книге» (1: 318). Особенно последовательно это представление развернуто в стихотворениях «Тетрадь» и «Книга».

Сцепень белых параллелограммов
В черных черточках – в свое жерло
Тянет Аустерлицев и Ваграмов
Бури вплоть до вихря Ватерло (3: 183).

Уподобление книги уводящему вглубь водовороту, воронке или вихрю роднит ее образ со спиральным движением башенного восхождения. И это не произвольная ассоциация. Родство башни и книги эксплицировано строкой стихотворения «В смерть», где появляется «вход в башни книг по лестницам спиральным» (3: 91). Память, книга, библиотека, архив и башня у Брюсова оказываются символически эквивалентными:

В ряд зажаты, том к тому, столетий примеры, –
С нашей выси во глубь дум витой виадук, –
Там певцы Вед, Книг Мертвых, снов Библий,
Гомеры,

Те ж, как в час, где над жизнью плыл пылкий
Мардук (3: 168).

В конечном счете, весь мир у Брюсова – это бесконечно громоздящаяся ярус за ярусом библиотека-башня. Подобное представление реализовано в стихотворении «Ночь с привидениями» (3: 205), где ночь-зодчий продолжает тысячелетний труд строительства циклопической башни культуры. Так в поэтическом мире Брюсова основные категории самопредставления – путь и память – оказываются изоморфными башне, символу его персональной идентичности.

Надеемся, нам удалось показать, что свою жизнь Брюсов переживал и символически проектировал как бесконечное башенное восхождение. Возможность дальнейшего уточнения смысла этого поэтического и экзистенциального проекта в контексте брюсовской поэзии может дать его сопоставление с другим восходящим к библейскому тексту символом восхождения – лестницей Иакова. Она символически противостоит башне, как путь «непогрешительного восхода к Богу» [Преподобный Иоанн Лествичник 1996: 12]. Образ лестничного восхождения задан свыше, он укоренен в онтологии мира.⁵ Отличие этих путей восхождения состоит как раз в том, что башенное восхождение произвольно и не подчинено никакому онтологическому регулятору. Башня – это утверждение человеческой воли и вызова. Лестница же задает путь духовного совершенствования, ведущий со ступени на ступень к высшей цели, минуя, словами христианского богослова, «полчища духов злобы, миродержителей тьмы и князей воздушных».

Оба эти символа восхождения были востребованы культурой серебряного века. О спасительной лестнице в связи с судьбой Гоголя вспоминал, например, Блок. В лестнице Иакова Вячеслав Иванов находил прообраз целей символизма, как искусства, соединяющего художника и читателя в созерцании высших начал: «в каждом произведении истинно символического искусства начинается лестница Иакова» [Иванов 1994: 192].

Не исключено, что в утверждении башни как персонального символа у Брюсова был подспудный вызов идее лестничного пути. Такое заключение позволяет сделать характер использования поэтом образа лестницы Иакова. Например, в стихотворении «Общая станция» он появляется лишь как часть историко-культурного инвентаря: «Приближены тени и остовы: /По ступеням, что видит Иаков, /Сбегают мечты Ариостовы; /Бонапарт на пи-

ру у феаков» (3: 184). В такой десакрализации была демонстративность жеста именно потому, что Брюсов, конечно, понимал, что лестница предлагает принципиально иное понимание жизненного пути. Он предпочитал считать видение лестницы безумием, сном мечтателей, обращаясь от имени людей башни к людям лестницы:

<...> Нам одинаково
Взлетать к звезде иль падать к ней.
Но жердь от лестницы Иакова,
Безумцы! Вам всего ценней!
Да! Высь и солнце, как вчера, в ней... Но
Не сны осият мир денной (3: 198).

Самосознание под знаком башни было так последовательно и цельно проведено в жизни и творчестве Брюсова, что стало, в сущности, почти физически осязаемой и выявленной вовне и внятной наблюдателю его внутренней формой в творчестве, в поведении, в психологических реакциях, даже в брюсовской внешности. Именно эту персональную символическую форму различила Цветаева, проговаривая образ своего впечатления от брюсовских стихов: «Брюсов <...> в творении своем был застегнут (а не забит ли?) наглухо, забронирован без возможности прорыва» [Цветаева 1994: 13]. И, далее, еще ближе к ключевому символу: «Есть такие дома, первые, когда подъезжаешь к большому городу: многоокие (многооконные), но – слепые какие-то, с полной немислимостью в них жизни. <...> Таким домом мне мерещится творчество Брюсова. А в высших его достижениях гранитным коридором, выход которого – тупик» (1994: 14). Стоит в этом Цветаевой заданном направлении развития образа сделать еще шаг, и откроется вид на башню.

В поздней лирике Валерия Брюсова мы находим завершение той лирической истории, которая составляет содержание его лучших книг 1900-х гг. Это история личности в ее безудержном стремлении к самоутверждению. Она начинается в тонах гордого вызова и утверждения безграничной воли: «В этом мире вещей и обличий /Все мне сказало в единственном кличе: /«Ты должен идти!» (1:309). В поздних книгах его лирический роман завершается подведением горьких итогов и сознанием неоправданности затраченных усилий, их бесплодности, мучительным сомнением в оправданности рокового подвига добровольного узника башни: «Я был? Я ли не был?» (3: 137).

Конквистадор, зачем я захватываю
Город – миг, клад – часы, год – рубеж?
Над долиною Иосафатовою
Не пропеть пробужденной трубе (3: 143).

Примечания

¹Здесь и далее с указанием тома и страницы в круглых скобках произведения В. Я. Брюсова цитируются по изданию: Брюсов В. Я. Собрание сочинений в 7 т. М.: Художественная литература, 1973–1975.

²Насколько нам известно, в научной литературе о Брюсове символика башни не исследовалась. Из немногих упоминаний о символе башни в связи с Брюсовым отметим лишь ссылки в «Словаре-указателе сюжетов и мотивов русской литературы». В статье «Вавилонская башня» в качестве иллюстраций здесь упомянуты стихотворения «В неоконченном здании» и «Всхождение» [Ромодановская 2003: 32].

³Наиболее близким к брюсовской башне представляется видение Жерара де Нерваля, описанное им в «Аврелии»: «Я был в башне, уходящей так глубоко в землю и высоко в небо, что все мое существо должно было истощиться, поднимаясь и спускаясь по ней» [2001: 461]. Отличие, однако, существенное. Заключение в башне для героя Нерваля было только моментом его пути, мучительным испытанием, которое надо было преодолеть, чтобы двигаться дальше. Когда отчаяние узника достигло предела, добрый дух вывел его из кошмара башни в простор полей. Там «богиня снов» объяснила герою, что бесконечные лестницы, по которым он устал взбираться, были «узами старинных заблуждений», что испытание он выдержал и перед ним открывается путь, ведущий к цели [2001: 462]. У Брюсова башня безысходна, она и цель, и средство.

⁴А. Ханзен-Лёве на большом материале показал, что в раннем символизме (СИ, в его обозначении – А.В.) господствует апология забвения как необходимого условия возможности жить и действовать: «этот тип наиболее распространен и в то же время наиболее характерен для всей парадигматики воспоминания в модели СИ» [Ханзен-Лёве 1999: 260, 262].

⁵На вопрос Преподобного Иоанна Лествичника, «что означает <...> образ лестницы», ответила Любовь: «Лествица <...> виденная Иаковом, пусть научит тебя составлять духовную лестницу добродетелей, на верху которой Я утверждаюсь» [Преподобный Иоанн Лествичник 1996: 252].

Список источников

Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1969. 712 с.

Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в двух томах. М.: Можайск-Терра, 1994. Т. 1. 832 с.; Т. 2. 832 с.

Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. лит., 1973. Т. 1. 672 с.

Брюсов В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 3. 696 с.

Брюсов В. Я. Дневники 1891–1910. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. 215 с.

Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 1. 596 с.

Волошин М. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1977. 464 с.

Гастев А. Поэзия рабочего удара. М.: Худож. лит., 1971. 210 с.

Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.

Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. 852 с.

Иванов Вяч. Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. 896 с.

Мандельштам О. Э. Стихотворения Л.: Сов. писатель, 1974. 336 с.

Нерваль Ж. Мистические фрагменты, СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 536 с.

Список литературы

Абашев В. В. «Лирическая диалогия Брюсова (Книги «Urbi et Orbi» и «Stephanos»). Структура и генезис» // Типология литературного процесса. Пермь, 1990. С. 123–135.

Берберова Н. Н. Курсив мой. М.: Согласие, 1996. 736 с.

Богданов С. И. «Вавилонская башня и ее культурная семантика (тезисы доклада)» // Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. С. 358–370.

Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока // Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Советский писатель, 1981. С. 6–151.

Sadowski J. Rewolucja i kontrewolucja obywatelstwa: rodzina, prokreacja i przestrzen zycia w rosyjskim dyskursie utopijnym lat 20. i 30. XX wieku. Lodz: Ibidem, 2005. 240 p.

Ziolkowski T. The View from the Tower: Origins of an Antimodernist Image. New Jersey: Princeton University Press, 1998. 216 p.

Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. СПб.: Санкт-Петербургская типография № 6, 1996. 350 с.

Ромодановская Е. К. (ред.) Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. 243 с.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 416 с.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб.: Академический проект, 1999. 507 с.

Цветаева М. Герой труда. Записи о Валерии Брюсове // Собрание сочинений в семи томах. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 12–63.

Цимборска-Лебода М. После Башни: эхо «башенного текста» в статьях Н. Бердяева и Вяч. Иванова эпохи первой мировой войны (дискурс о России и русской душе) // Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. С. 278–294.

Шишкин А. Б. (ред.) Башня Вячеслава Иванова и культура серебряного века. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2006. 384 с.

Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М.: АСТ; Львов: Инициатива, 1998. 477 с.

Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 145–180.

Ясинская З. И. Мой учитель, мой ректор (воспоминания бывшей студентки института В.Я. Брюсова) // Брюсовские чтения 1962. Ереван: Айпетрат, 1963. С. 308–318.

References

Abashev V. V. Liricheskaya dilogiya Bryusova (Knigi 'Urbi et Orbi' i 'Stephanos'). Struktura i genezis [Bryusov's lyrical dilogy (Books 'Urbi et Orbi' and 'Stephanos'). Structure and genesis]. *Tipologiya literaturnogo protsesssa* [The Typology of Literary Process]. Perm, 1990, pp. 123–135. (In Russ.)

Berberova N. N. *Kursiv moy* [The Italics Are Mine]. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 736 p. (In Russ.)

Bogdanov S. I. 'Vavilonskaya bashnya i ee kul'turnaya semantika (tezisy doklada)' [The Tower of Babel and its cultural semantics (Theses)]. *Bashnya Vyacheslava Ivanova i kul'tura Serebryanogo Veka* [Vyacheslav Ivanov's Tower and the Culture of the Silver Age]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2006, pp. 358-370. (In Russ.)

Maksimov D. E. Ideya puti v poeticheskom soznanii Al. Bloka [The idea of a path in the poetic consciousness of Al. Blok]. Maksimov D. E. *Poeziya i proza Al. Bloka* [The Poetry and Prose of Alexander Blok]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1981, pp. 6-151. (In Russ.)

John Climacus. *Lestvitsa* [The Ladder]. St. Petersburg, Saint Petersburg Publishing House No. 6, 1996. 350 p. (In Russ.)

Romodanovskaya E. K. (ed.) *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Index Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature]. Experimental ed. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003, issue 1. 243 p. (In Russ.)

Ricœur P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o Germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow, Medium Publ., 1995. 416 p. (In Russ.)

Hansen-Løve A. *Russkiy simbolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Ranniye simbolizm* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Early Symbolism]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1999. 507 p. (In Russ.)

Tsvetaeva M. *Geroi truda. Zapisi o Valerii Bryusove* [The Hero of Labor. Notes on Valery Bryusov]. *Sobranie Sochineniy v 7 t.* [A Collection of Works in 7 vols.]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1994, vol. 4, pp.12–63. (In Russ.)

Cymborska-Leboda M. *Posle Bashni: ekho 'bashennogo teksta' v stat'yakh N. Berdyaeva i Vyach. Ivanova epokhi pervoy mirovoy voyny (diskurs o Rossii i russkoy dushe)* [After the Tower: An echo of the 'tower text' in the articles by N. Berdyaev and Vyach. Ivanov of the First World War period (discourse on Russia and the Russian soul)]. *Bashnya Vyacheslava Ivanova i kul'tura serebryanogo veka* [Vyacheslav Ivanov's Tower and the Culture of the Silver Age]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2006, pp. 278-294. (In Russ.)

Shishkin A. B. (ed.) *Bashnya Vyacheslava Ivanova i kul'tura serebryanogo veka* [Vyacheslav Ivanov's

Tower and the Culture of the Silver Age]. St. Petersburg, Faculty of Philology of Saint Petersburg State University Press, 2006. 384 p. (In Russ.)

Yung K. G. *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, Dreams, Reflections]. Moscow, AST Publ., Lviv, Initsiativa Publ., 1998. 477 p. (In Russ.)

Jakobson R. *Statuya v poeticheskoy mifologii Pushkina* [The statue in Pushkin's poetic mythology]. Jakobson R. *Raboty po Poetike* [Works on Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1987, pp. 145-180. (In Russ.)

Yasinskaya Z. I. *Moy uchitel', moy rektor (vospominaniya byvshey studentki instituta V. Ya. Bryusova)* [My teacher, my rector (Memoirs of a former student of Bryusov Institute)]. *Bryusovskie Chteniya 1962* [Bryusov's Readings 1962]. Erevan, Aypetrat Publ., 1963, pp. 308-318. (In Russ.)

Sadowski J. *Rewolucja i kontrewolucja obyczajow: rodzina, prokreacja i przestrzen zycia w rosyjskim dyskursie utopijnym lat 20. i 30. 20 wieku* [Revolution and Counter-Revolution of Customs: Family, Procreation and Space of Life in the Russian Utopian Discourse of the 1920s and 1930s]. Lodz, Ibidem, 2005. 240 p. (In Pol.)

Ziolkowski T. *The View from the Tower: Origins of an Antimodernist Image*. New Jersey, Princeton University Press, 1998. 216 p. (In Eng.)

Tower in the Symbolism of Valery Bryusov's Poetry

Vladimir V. Abashev

Professor in the Department of Journalism and Mass Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. vv_abashev@mail.ru

SPIN-code: 5142-6370

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2712-2759>

ResearcherID: R-7980-2016

Submitted 06 Apr 2022

Revised 17 Apr 2022

Accepted 11 May 2022

For citation

Abashev V. V. *Bashnya v simbolike poezii Valeriya Bryusova* [Tower in the Symbolism of Valery Bryusov's Poetry]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 71–82. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-71-82

Abstract. The article analyzes the semantics and functional significance of the image of a tower in the symbolism of Valery Bryusov's poetry. A group of poems from the late 1890s – early 1920s was selected, where the existential idea of one's life path as climbing a tower is thematized. Connected by a network of auto-remiscences, this group of poems forms the core of Bryusov's 'tower text.' Besides these, the poet's 'tower text' includes numerous poems where architectural, kinetic, and emotionally expressive signatures of a tower are found as details describing the poet's path. Reintroduced in many variations, with increasing intensity, the vision of a tower runs through all Bryusov's oeuvre. A review of the symbolism of a tower in Russian poetry of the Silver Age demonstrates that Bryusov's case of interpretation of the image was unique. This image is organically connected with the other two major categories of his poetic world – memory and culture. In general, the symbolism of Bryusov's tower goes back to the mythopoeics of the Tower of Babel, but Bryusov resolutely shifts the meaning of this symbol, making it an emblem of his own life path. Among the major poets of the Silver Age, it was only Valery Bryusov for whom a tower became not merely one of the expressive means of the poetic system, but a key symbol of personal identity. Climbing a tower is his destiny and vocation, which the poet accepts with a characteristic mixture of feelings of fatality and pride. The peculiarity of Bryusov's interpretation of the idea of a path was that his path is devoid of internal teleology, it is self-sufficient. In Bryusov's poetry, the path is a pure striving of will, denying any goal as a limitation: 'In this world of things and appearances / Everything was told to me in a single cry, / 'You must go!' [V etom mire veshchey i oblichiy / Vse mne skazalos' v yedinstvennom kliche: / «Ty dolzhen idti!»] The figurative plasticity and semantics of a tower most fully expressed this vision of the path.

Key words: the idea of a path; symbolism; tower symbolism; Valery Bryusov; Alexander Blok; Konstantin Balmont; Vyacheslav Ivanov.

УДК 821.161.1-2
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-83-91

Специфика конфликта в драматургии Ивана Вырыпаева

Марина Петровна Абашева

д. филол. н., профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий,
профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. m.abasheva@gmail.com

профессор кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

SPIN-код: 2169-4629
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>
Researcher ID: P-8012-2016

Кристина Станиславовна Спирина

аспирант кафедры теории, истории литературы и методики преподавания литературы
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24 scs.spirinakristina@yandex.ru

SPIN-код: 4304-0862
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7549-3087>

Статья поступила в редакцию 01.04.2022
Одобрена после рецензирования 11.05.2022
Принята к публикации 25.05.2022

Информация для цитирования

Абашева М. П., Спирина К. С. Специфика конфликта в драматургии Ивана Вырыпаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 83–91. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-83-91

Аннотация. Цель статьи состоит в изучении специфики драматургического конфликта в пьесах современного драматурга, режиссера, актера Ивана Вырыпаева (родился в 1974 г.), работающего в России и в Польше. Рассматривается природа конфликта в его пьесах 2010-х гг. («Иранская конференция» (2017), «Волнение» (2018) и др.). В этот период в творчестве Вырыпаева наметились новые тенденции в формировании драматургического конфликта: теперь конфликт строится как столкновение не персонажей, но дискурсов – актуальных идей, высказываний, стоящих за ними правил и установок, детерминированных общественными настроениями. За этой стратегией стоит отрефлексируемая авторская позиция: драматург понимает свой текст как возможность репрезентации дискурса, о чем он нередко говорил в своих интервью. Материал исследования определил методологию работы: дискурсивная природа драмы Вырыпаева анализируется с применением идей и методов анализа дискурса Мишеля Фуко, Тео Ван Дейка и др. В ходе исследования подробно анализируется пьеса Вырыпаева «Закрытое исследование. New Constructive Ethics» (2021). Анализ показал, что конфликт в пьесе последовательно развивается: от репрезентации актуальных дискурсов к драматическому их стилизации. Далее сама достоверность дискурсов, их границ проблематизируется через выстраивание двойной коммуникации: общение строится не только между героями на сцене, но и между автором и зрителями. В пьесе «Закрытое исследование. New Constructive Ethics», в частности, деконструируют-

ся актуальные дискурсы «новой этики». Зрители видят на сцене незаметный для героев конфликт, образуемый как противоречием дискурсов, так и знанием зрителя о внесценических обстоятельствах жизни героев. Понимание дискурсивной природы конфликта пьес Вырыпаева расширяет существующее представление о российской «новой драме» в целом.

Ключевые слова: современная драматургия; Иван Вырыпаев, драматургический конфликт; дискурс.

Понятие конфликта как столкновения «антагонистических сил драмы» [Пави 1991: 216] исторически эволюционируют с эволюцией самой драматургии. Тип конфликта напрямую связан с эпохой создания произведения, специфика драматургического конфликта определяет индивидуальные особенности драматургии автора. Так, перенос конфликта из внешней жизни во внутренний мир героя позволил А. П. Чехову создать уникальный психологический театр. Исследование драмы Вырыпаева, особенно его пьес последних лет, позволяет утверждать, что конфликт в его драме имеет особую, новаторскую природу. В статье рассматривается драматургия Вырыпаева после 2010–2020-х гг.; основным материалом исследования стала пьеса 2020 г., впервые представленная публике в 2021 г., – «Закрытое исследование. New Constructive Ethics» [Любимовка 2021].

Особенности конфликта драматургии Ивана Вырыпаева исследователи рассматривают порой с диаметрально противоположных позиций. Так, например, Марк Липовецкий видит его специфику в предельной антиномичности и трансгрессивности: «Вырыпаев постоянно играет с дуальностью мира: у него то и дело сталкиваются реальность и воображение, цивилизованность и архаика, шизофрения и здравый смысл, гуманизм и брутальность. Его принцип – не быть или не быть, а “быть И не быть” одновременно» [Боймерс, Липовецкий 2012: 327]. Польский исследователь Катарзина Васинчук продолжает мысль Липовецкого: «творчеству Вырыпаева свойственна художественная и идейная трансгрессия. Драматург совмещает не совмещаемое, соединяет антиномии, неоднократно оспаривает собственные убеждения, подрывает ясные, казалось бы, очевидные концепции» [Wasińczuk 2019: 268]. Польский искусствовед Беата Попчик-Щенсна в качестве доминирующего авторского приема Вырыпаева называет контрапункт, возникающий в неразрывной связи с пограничным, экстремальным состоянием героев (смерть, убийство, наркомания и т.д.) [Beata Popczyk-Szczęsna 2018]. Вероника Беглук-Лесь отмечает попытки автора преодолеть доминирующую в современной литературе постмодернистскую концепцию: деконструкция, характерная для драматурга, видится исследователю возможностью выйти из традиционных рамок мыш-

ления и даже стать авторским инструментом реконструкции [Weronika Biegluk-Leś 2014]. Джастин Уилменс обозначает творчество Ивана Вырыпаева «драматургией субъективной переориентации», подразумевая стремление автора вызвать у зрителя метафизические размышления. Ученый приходит к выводу, что «вызовы «русско-советским архетипам» Вырыпаева в его творчестве носят преимущественно метафизический, а не социальный или политический характер, в отличие от многих из его современников» [Justin Wilmes 2018: 237]. Уилменс пишет, что «первичный конфликт возникает между социальной конструкцией и более «подлинными» личностями и желаниями персонажей» [там же: 327].

Театровед и критик Павел Руднев, напротив, считает, что «буддисту-индуисту Ивану Вырыпаеву конфликт не нужен, потому что конфликтная природа вступает в противоречие с его религиозными установками» [Руднев 2020]. При этом основным началом в пьесах критик видит не конфликт или сюжет, а собственно текст: «Главным действующим лицом спектакля по пьесе Вырыпаева всегда становится сам текст, вбирающий в себя ритм, формы, смыслы и философию эпохи» [Руднев 2017].

Противоречия в приведенных суждениях о конфликте в драматургии Ивана Вырыпаева, на наш взгляд, порождены прежде всего динамикой его творчества, переменами в мировоззрении и творческих установках самого автора, а также особой природой его конфликта. Антиномичность и трансгрессивность в его пьесах определяются не столько действиями героев, сколько столкновением внутри пьесы актуальных дискурсов современного мира, улавливаемых автором из «воздуха эпохи».

Под дискурсом, вслед за Фуко, мы понимаем «совокупность анонимных правил» высказывания, детерминированного культурой [Фуко 1996а: 206]. Высказывание конкретного человека в этой перспективе мыслится как произведенное дискурсивным полем и его практиками, «пучками связей, которым дискурс должен следовать» [там же: 47]. Собственно, и сам Вырыпаев ощущает современную драму именно как столкновение дискурсов: «Отличия между тем, как пьеса писалась раньше, и как она пишется сейчас, огромны. На первый план выходят дискурс и нарратив. Когда мы делаем пьесу, то важно

лишь высказывание, которое стоит за текстом, а текст – это только такая конструкция, которая позволяет тебе высказаться» [Мельников 2014].

Удивительно, насколько это определение дискурса художником перекликается с актуальными научными представлениями о дискурсе. Во-первых, с пониманием дискурса как «коммуникативного события, происходящего между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте» [Ван Дейк 1999]. Пьеса – это всегда акт речевой коммуникации, который осуществляется героями посредством реплик и действий в определенном промежутке времени и в конкретном месте действия. Но у Вырыпаева, как правило, эта коммуникация, явленная чаще в единстве места и действия, и становится предметом изображения (как в пьесах «Летние осы кусают нас даже в ноябре» (2012), «Иранская конференция» (2017), «Волнение» (2018)). Во-вторых, определение дискурса Вырыпаевым как высказывания, стоящего за текстом, заставляет снова вспомнить представление о дискурсе Мишеля Фуко, который исследовал речевые практики сообществ в конкретном историческом времени, показывая, как такие практики становились объектом желаний и целью власти [Фуко 1996б].

Уже и в ранних пьесах Вырыпаева была тенденция репрезентировать дискурс в пространственных монологах-цитатах: так, в пьесе «Кислород» (2002) главный герой никогда не слышал библейских заповедей, и библейские заповеди автор пьесы обильно воспроизводит в своем тексте:

Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай; кто же убьет, подлежит суду»? А я знал одного человека, у которого был очень плохой слух. Он не слышал, когда говорили «не убей», быть может, потому, что он был в плеере. Он не слышал «не убей», он взял лопату, пошел в огород и убил [Вырыпаев 2002: 1].

Читатель пьесы и зритель в зале слышат библейские заповеди звучащего текста, когда их не слышит герой. Библейский текст и стоящий за библейскими цитатами контекст работает с читательским восприятием непосредственно. Чем дальше, тем больше Вырыпаев предоставляет в пьесах арену для столкновения дискурсивных формаций, которое наблюдает читатель и зритель. Об этом свидетельствует высказывание в интервью: «Драматург – это почтальон, который приносит письмо, но содержание письма почтальону не принадлежит <...>; Моя ответственность почтальона только в том, чтобы принести письмо по адресу; главное — чтобы зритель в момент просмотра ощутил себя смотрящим. Увидел процесс» [Ширяев 2015].

Начиная с 2012 г. в пьесах Вырыпаева тенденция к воспроизведению актуальных дискурсов и к соответствующему типу конфликта неуклонно нарастает – и в таком конфликте, действительно, проявлены резкие антиномии, о которых говорил М. Липовецкий. Так, в пьесе «Летние осы кусают нас даже в ноябре» (2012) прозвучали темы психотерапии, неравенства женщин и мировой ответственности:

ЕЛЕНА. А тут, собственно, и не о чем говорить, Дональд. Ты не хочешь замечать в себе ответственность, которую каждый из нас имеет перед этим миром. Ты несешь ответственность за свою жизнь, Дональд, но тебе не хочется этого признавать, потому что без ответственности удобнее жить, вот и все.

ЙОЗЕФ. А кто несет ответственность за всех этих убитых детей в Ливии, в Афганистане, в Ираке, во Вьетнаме, в Хиросиме и Нагасаки. Кто? Тоже я?

ЕЛЕНА. Да, Дональд. В том-то и дело, дорогой мой, что именно ты [Вырыпаев 2012: 8].

Наиболее ярко проблематика современного мира отразилась в пьесе «Иранская конференция», где главные герои, представители научного и культурного сообществ, собрались выступить с докладами по Иранской проблеме, и разговоры героев представляют собой обсуждение актуальных вопросов современности.

АСТРИД ПЕТЕРСЕН: Был момент, когда я собиралась просто встать и уйти отсюда. Потому что, я больше всего в жизни ненавижу вот этот вот дискурс, который сейчас тут возник. Оба предыдущих выступающих свели сложнейшую тему «Ближнего востока» и в частности Ирана, к простите, какой-то сопливой эзотерике, в стиле познай себя, найди Бога в себе и тогда приступай к решению мировых проблем. <...> Оскорбительно для тех, кто сейчас умирает от голода, ужаса и насилия в то время, как вы тут рассуждаете о том, что во всем можно найти что-то более важное и возвышенное. [Вырыпаев 2017: 13].

При этом нельзя назвать театр Вырыпаева документальным: актуальные дискурсы встроены в сложную игровую драматургию, документальный дискурс соседствует с фикциональным.

Названные особенности драмы Вырыпаева особенно наглядно проявились в его пьесе «Закрытое исследование «New Constructive Ethics» [Вырыпаев 2021], опубликованной на сайте драматурга, но впервые представленной зрителю на фестивале «Любимовка» в 2021 г. Здесь драматическое столкновение дискурсов образует основной конфликт.

Сегодня пьесу можно увидеть пока лишь в одном театре – Театре на Спасской (г. Киров).

Примечательно, что в анонсе спектакля, опубликованном в кировской интернет-газете, темы спектакля осознаются как актуальная общественная повестка: «Всё, о чём мы сегодня спорим, говорим и переживаем, нашло отражение в тексте: вопросы религии и глобального потепления, национальности и секса, толерантности и новой этики. Вопрос лишь в том, можно ли воспринимать всё это за чистую монету или автор только играет с нами?» [5 причин... 2022: электронный ресурс].

Попробуем ответить на этот вопрос.

Важно отметить, что пьеса «Закрытое исследование «New Constructive Ethics» существует в пространстве двух видов коммуникации: это коммуникация персонажей внутри пьесы и прямая коммуникация со зрителем через невидимых персонажей, обращающихся к залу, – «женский голос» и «мужской голос». Эти голоса принадлежат тем, кто, по сюжету, проводит исследование:

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Добрый вечер. Данное исследование было проведено в 2019 году международной исследовательской организацией «Global construction» по заказу Центра международных биологических исследований компании «New world security» <...> [Вырыпаев 2021: 1].

Цель исследования обозначена в пьесе обобщенно-иронично: «внести неопределимый вклад в решение невероятно важных задач, вставших на пути развития современной цивилизации» [там же: 2]. Отвечая на вопросы двух невидимых интервьюеров, герои представляют пространственные высказывания на тему глобальных вопросов человечества и проблем индивидуального поведения в рамках дискурсивного поля новой этики: проблемы войн, экологической катастрофы, брака и т.д.

Автор отказывается от определения драматургического жанра, указывая в заголовке, что произведение – это «пьеса, основанная на одном закрытом научном исследовании» [там же: 1], однако структурообразующим для пьесы становится интервью. Жанры интервью и доклада уже не раз использовались Иваном Вырыпаевым в других пьесах («Волнение», 2018; «Иранская конференция», 2017). Поиск новых способов коммуникации со зрителем является приоритетным для драматурга, и, по словам польского исследователя Елены Курант, обращение к «другому», к читателю/зрителю, диалог как конечная цель любой инициативы отражает главную направленность авторских стратегий Ивана Вырыпаева [Курант 2020].

Изначально в пьесе воссоздается ситуация институционального (а именно научного) дискурса. Герои пьесы – ученые, представители научного мира, участвуют в научном же экспе-

рименте. А ведь именно научный дискурс, согласно теории М. Фуко, может порождать истину [Фуко 1996б].

По сюжету пьесы, психолог Моника Боровска, биолог Рейчел Донелан и супруг Моники нейробиолог Морган Смит становятся участниками закрытого анонимного исследования. Образ сорокалетней Моника Боровска – интегрального психолога – во многом аккумулировал личный опыт Вырыпаева. В интервью с Трифоном Бебутовым, который в диалоге позиционировал драматурга как адепта Кена Уилбера, основоположника интегральной философии, Иван Вырыпаев дал свое определение интегрального подхода: «...это не религия и даже не духовная практика, это скорее философия, карта, которая исследует уровень эволюционного развития. Интегральный подход опирается и на самые последние научные данные, и на вечную философию. В центре внимания стоит развитие человеческого сознания» [Бебутов 2020].

В пьесе героиня тоже отвечает на вопрос об интегральной психологии:

МУЖСКОЙ ГОЛОС. На вашем сайте написано, что вы интегральный психолог. Что значит «Интегральный»?

МОНИКА. Это направление в современной философии, одним из основателей, которого является выдающийся американский философ и психолог Кен Уилбер. Интегральная философия — это сумма всех знаний полученных на протяжении всех веков развития человека» [Вырыпаев 2021: 2].

И Моника, и другие герои отвечают на вопросы, которые важны для современного мира. Ключевым для интервью является вопрос спасения человечества от неминуемой катастрофы:

МОНИКА (иронично). <...> Как говорится, — следите за новостями из области мировых катастроф. Планета, наверняка, попытается избавиться от своих убийц, каковыми является человеческая цивилизация [там же: 27].

РЭЙЧЕЛ. <...> Планета живой организм, и она предпримет попытку очистить себя от этого вируса под названием человек, если, конечно, мы что-нибудь срочно не предпримем..., а мы кажется уже ничего не предпримем, так что кажется, что мы скоро навсегда исчезнем [там же: 25].

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Как вы считаете, у человечества есть шансы успеть спасти эту планету от надвигающейся экологической катастрофы?

МОРГАН. Ну, как ученый, я вынужден ответить правду – думаю, что нет [там же: 30].

Представлением актуальных дискурсов современной эпохи пьеса не ограничивается. Дис-

курсы вступают в конфликт друг с другом. В ходе интервью выясняется, что позиции даже близких людей решительно не совпадают, хотя сами люди никак не пересекаются на сцене.

Рэйчел обнаруживает радикальные взгляды:

я смотрю на всех этих добрых людей, которые пишут в фейсбуках и твиттерах о любви, толерантности, ненасилии, но мир, тем не менее, меняют те, кто не жалеет себя, кто отдает борьбе свою жизнь, сидит в тюрьмах, погибает на войнах и революциях. Люди не должны бездействовать и под видом пацифизма и как-то там йога-теорией позволять злу овладевать этим миром. <...> Группа вонючих засранцев держит в заложниках целые народы. И я считаю, что всем этим засранцам нужно дать отпор. Хватит уже позволять всему этому злу уничтожать эту планету и все самое хорошее на ней [там же: 29].

Морган настаивает на сотрудничестве:

МОРГАН: Планету и все живое может спасти только одна вещь – открытое сотрудничество между странами, людьми, правительствами, бизнесом и т.д. То есть качественная, продуктивная система коммуникаций. Страны должны начать взаимодействовать друг с другом [там же: 17].

Тема насилия и жестокости также становится одной из самых важных, но и здесь обнаруживаются разные трактовки. Моника полагает, что «убийства должны остаться где-то в прошлом». <...> *сегодня желание убить человека – это вообще-то психическое расстройство» [там же: 7]. Рэйчел считает, что «в некоторых случаях, необходимо лишать жизни и людей» [там же: 11].*

Говоря о столкновении дискурсов, важно отметить, что конфронтация обнаруживается не только между разными дискурсами разных людей, но и между идеями героев. Так, Моника, говорящая о свободе человека и эволюционном развитии, в какой-то момент признается, что не стала матерью, потому что супруг не дал ей усыновить ребенка: *Он нейробиолог и знает, что у приемного ребенка совсем другие гены, и он боится, что этот ребенок окажется нам совсем чужим, не поддающимся воспитанию. Я с этой позицией не согласна, но в итоге так мы и прожили без детей [там же: 22].*

Рейчел считает, что для свободы выбора достаточно знать «между чем и чем ты выбираешь», но вскоре оказывается, что, даже имея выбор, она не чувствует себя свободной (ее речь, заметим, как часто бывает у Вырыпаева, очень поэтична, ритмична):

РЭЙЧЕЛ: а когда летом падает снег, или когда я сижу у окна и пою, тогда я свободна от

всей этой фальшивой системы. От всей этой фальшивой морали. Когда я знаю, что я могу открыть это окно и выйти вниз из окна, в любую секунду, и этот выбор — это снег, который падает летом в горах. Жизнь свободна. Я это жизнь. Я изначально свободна. По крайней мере, вот так я хотела бы жить.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. У вас получается так жить, Рэйчел?

РЭЙЧЕЛ. Нет [там же: 24].

Однако конфликт развивается дальше: постепенно сама достоверность высказываний героев оказывается проблематичной. С самого начала интервьюеры провоцируют участников исследования и задают откровенные личные вопросы. Институциональный научный дискурс, который подразумевает «коммуникацию в своеобразных масках» и «трафаретность общения» [Карасик 2000], переходит вдруг в персональный, личный. И личный опыт участников, их признания оказываются противоречащими тем дискурсам, что они транслируют.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Вы употребляли ЛСД?

РЭЙЧЕЛ. Ого!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Все, что вы здесь скажете, будет засекречено. Это прописано в контракте.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Вы употребляете ЛСД?

РЭЙЧЕЛ. Сейчас уже нет.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. А псилоцибиновые грибы?

РЭЙЧЕЛ. Я пробовала.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. А айваску?

РЭЙЧЕЛ. Нет [там же: 9].

Прямых столкновений героев не происходит, каждого интервьюируют отдельно. Но то, что зритель узнает из интервью персонажей, вдруг выстраивает напряженную драматургию их отношений за сценой: острота и напряженность конфликта реализуются в полной мере в том, что герои, провозглашающие в разных проявлениях свободу, открытость и принятие, состоят между собой в скрытых любовных отношениях. Так, Моника тайно встречается с Рейчел, а Рейчел, являясь еще и любовницей Моргана, не знает, кто его супруга. Главная тайна героев так и остается не высказанной ими друг другу.

Герои, рассуждающие о спасении мира с позиций экспертов, совершенно не знают своих близких людей:

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Но почему вы не попробовали поговорить об этом со своей женой? Если как вы сами утверждаете она ваш друг?

МОРГАН. Ну я же уже сказал, почему. Я боялся, что она неправильно меня поймет. <...> [там же: 27].

Более того, погружаясь в подробности личной жизни героев, зритель вполне обоснованно начинает сомневаться в профессиональных компетенциях героев. Психолог Моника слепа по отношению к собственному мужу:

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Как вы думаете, Моника, ваш муж когда-нибудь изменял вам с другой женщиной?

МОНИКА. Не уверена. Морган очень честный человек. Он совсем не умеет врать. И потом я же психолог, я бы сразу догадалась, что с ним что-то не так [там же: 21].

Тривиальный любовный треугольник обнаруживается автором, но никак не реализуется в действии пьесы. Зритель, обнаруживший нечестность героев, носителей дискурсов, оказывается перед необходимостью самому судить об истинности представленных ему идей, репрезентирующих актуальную общественную проблематику. Дискурсы героев, таким образом, не дезавуируются полностью, но происходит их дискредитация-деконструкция (по меньшей мере – демонстрируется ограниченность), поскольку носители идей оказываются на личном уровне неспособными их воплотить в устройстве собственной жизни. И тогда границы актуальных дискурсов обнаруживают свои пределы.

Есть ли в пьесе авторская оценка? Пьесе предпослан эпиграф (а эпиграф всегда – метатекст автора): слова Хоноры Бфаса, лауреата Нобелевской премии мира, правозащитницы из Кении: *Прежде всего, человек не рождается гражданином своей страны, он не рождается предметом национальной культуры и даже носителем определенного языка. Прежде всего, человек рождается свободным [там же: 1].*

Эпиграф свидетельствует о том, что пьеса представляет собой разговор о свободе и несвободе. Герои кажутся себе свободными, но столкновение транслируемых ими дискурсов и их собственные позиции проблематизируют состоятельность актуальных общественных ценностей, а также зависимость индивидов от власти общественных дискурсов – зависимость, порождающую несвободу.

По результатам анализа пьесы специфика конфликта драматургии Ивана Вырыпаева видится нам в том, что его пьесы – это нередко драмы идей, столкновение существующих в обществе дискурсов. Автор «испытывает» дискурсы, обнаруживая их противоречивость и ограниченность. Автор не судит героев, он размыкает пространство сцены для внесценических, внетеатральных, глобальных проблем, решения которых он не знает сам. И примечательно, что финал пьесы, написанной в 2019 г., разомкнут в настоящее. Кульминацией становятся реплики интервьюеров:

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС. Всего доброго в новом 2020-м году.

МУЖСКОЙ ГОЛОС. Всего хорошего [там же: 30].

Современные зрители, живущие в новой реальности, знают о последствиях мировых нерешенных проблем, которые лишь усилились с началом пандемийного 2020 года. Финал выглядит открытым. Театр Вырыпаева живет здесь и сейчас, он активно выносит на сцену «незавершенные» (в бахтинском понимании этого слова), открытые смыслы.

Думается, установленные особенности поэтики пьес Ивана Вырыпаева расширяют представления об особенностях развития новой драмы в России. Последнюю принято рассматривать в связи с проблематикой социальности, насилия, с поэтикой натурализма (в работах М. Н. Липовецкого, С. П. Лавлинского, С. Я. Гончаровой-Грабовской, О. В. Журчевой, И. М. Болотян и др.). Поэтика Ивана Вырыпаева демонстрирует не только тяготение к документальности, но и новый тип конфликта, образуемого столкновением дискурсивных формаций.

Список литературы

Бебутов Т. «Искусственный интеллект уже нас забрал»: Иван Вырыпаев – про театр, йогу и экологию // Афиша Daily. 23.01.2020. URL: <https://daily.afisha.ru/brain/14262-iskusstvennyu-intellekt-uzhe-nas-zabral-ivan-vyrypaev-pro-teatr-yogu-i-ekologiyu/> (дата обращения: 15.04.2022).

Боймерс Б., Липовецкий М. Н. Перформансы насилия: Литературные и театральные эксперименты новой драмы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.

Ван Дейк Т. А. К определению дискурса / пер. А. Дерябин. 1999. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 01.02.22).

Вырыпаев И. А. Кислород. 2002 [Пьесы Ивана Вырыпаева. 2022. URL: <https://vyrypaev.com/ru/plays/oxygen/ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

Вырыпаев И. А. Летние осы кусают нас даже в ноябре. 2012 // Пьесы Ивана Вырыпаева. 2022 URL: <https://vyrypaev.com/ru/plays/summerwaspbiteuseveninnoventember/ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

Вырыпаев И. А. Иранская конференция. 2017 // Пьесы Ивана Вырыпаева. 2022. URL: <https://vyrypaev.com/ru/plays/iranian-conference/ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

Вырыпаев И. А. Закрытое исследование New Constructive Ethics. 2021 // Пьесы Ивана Вырыпаева. 2022. URL: <https://vyrypaev.com/ru/plays/newconstructiveethics/ru/> (дата обращения: 15.04.2022).

Вырыпаев И. А. Читка пьесы Ивана Вырыпаева «Закрытое исследование New Constructive Ethics». 10.09.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NkvP2jR8xlw&list=PL9Pz6qSnYIVHLDK6QTEdVn6dNdUn7Ny5g&index=8/> (дата обращения: 10.01.22).

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Курант Е. Театр чудес. Авторские стратегии в драматургии Ивана Вырыпаева. Краков: LIBRON, 2020. 225 с.

Мельников Е. Правила драматурга: Иван Вырыпаев // Newslab.ru: интернет-газета. 27.06.2014. URL: <http://newslab.ru/article/596138> (дата обращения: 10.01.22).

Пави П. Драматургический конфликт / пер. с фр. под ред. К. Разлогова // Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. С. 216–217.

Руднев П. А. Иван Вырыпаев. Сгорел дом, а в доме две собаки // Новый мир. 2017. № 5. https://magazines.gorky.media/novy_mi/2017/5/ivan-vyrypaev-sgorel-dom-a-v-dome-dve-sobaki.html (дата обращения: 15.04.22).

Руднев П. А. Теория драмы. Часть I. 10.06.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wqEskk20sv8> (дата обращения: 15.04.22).

5 причин пойти на читку пьесы «Закрытое исследование» [Электронный ресурс]. 19.02.2022 URL: <https://bnkirov.ru/news/obshchestvo/5-prichin-royti-na-chitku-pesy-zakrytoe-issledovanie/> (дата обращения: 20.02.22).

Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова. Киев: Ника-центр, 1996а. 208 с.

Фуко М. Порядок дискурса / пер. с фр. С. Табачниковой // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996б. С. 47–97.

Шуряев В. Соединиться с импульсом Вселенной / гл. ред. Е. Пустошкин // Эрос и космос, хроники целостности. СПб., 2015. 01.09.2015. URL: <https://eroskosmos.org/connecting-to-the-impulse/> (дата обращения: 10.01.22).

Biegluk-Leś Weronika Nieradosne gry kulturowej dekonstrukcji. *Tlen* Iwana Wyrypajewa // Białostockie Studia Literaturoznawcze. 2014. Vol. 5. P. 371–392. doi: [10.15290/bsl.2014.05.24](https://doi.org/10.15290/bsl.2014.05.24)

Рорцык-Щеґсна Беата Słowo i rytm w teatrze Iwana Wyrypajewa // *Litteraria Copernicana*. 2018. Vol. 29. P. 119–130. doi: [10.12775/LC.2018.022](https://doi.org/10.12775/LC.2018.022)

Wasiniczuk Katarzyna Религиозный дискурс в драматургии Ивана Вырыпаева (Бытие № 2, Кислород, Пьяные) // *STUDIA WSCHODNIO-SŁOWIAŃSKIE*. 2019. Vol. 19. P. 263–277. doi: [10.15290/sw.2019.19.19](https://doi.org/10.15290/sw.2019.19.19)

Wilmes Justin ‘Stability amidst chaos’: subjective re-orientation in Ivan Vyrypaev’s *Delhi Dance* (2013) and *Unbearably Long Embraces* (2015) // *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 2018. Vol. 12:3. P. 232–250. doi: [10.1080/17503132.2018.1511267](https://doi.org/10.1080/17503132.2018.1511267)

References

Bebutov T. Iskusstvennyy intellekt uzhe nas zabral: Ivan Vyrypaev pro teatr, yogu i ekologiyu [Artificial intelligence has already seized us: Ivan Vyrypaev about theater, yoga and ecology]. *Afisha Daily*. January 23, 2020. Available at: <https://daily.afisha.ru/brain/14262-iskusstvennyy-intellekt-uzhe-nas-zabral-ivan-vyrypaev-pro-teatr-yogu-i-ekologiyu/> (accessed 15 Apr 2022). (In Russ.)

Beumers B., Lipovetsky M. N. *Performansy nasiliya: Literaturnye i teatral'nye eksperimenty novoy dramy* [Performing Violence: Literary and Theatrical Experiments of New Russian Drama]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 376 p. (In Russ.)

Van Dijk T. A. *K opredeleniyu diskursa* [On the Definition of Discourse]. Transl. from Eng. by A. Deryabin. 1999 (accessed 01 Feb 2022) (In Russ.)

Vyrypaev I. A. Kislород [Oxygen]. *P'esy Ivana Vyrypaeva* [Plays by Ivan Vyrypaev]. 2022. Available at: <https://vyrypaev.com/ru/plays/oxygen/ru/> (accessed 15 Apr 2022). (In Russ.)

Vyrypaev I. A. Letnie osy kusayut nas dazhe v noyabre [Summer wasps sting us even in November]. *P'esy Ivana Vyrypaeva* [Plays by Ivan Vyrypaev]. 2022. Available at: <https://vyrypaev.com/ru/plays/summerwaspsbiteuseveninnovember/ru/> (accessed 15 Apr 2022). (In Russ.)

Vyrypaev I. A. Iranskaya konferentsiya [Iranian conference]. *P'esy Ivana Vyrypaeva* [Plays by Ivan Vyrypaev]. 2022. Available at: <https://vyrypaev.com/ru/plays/iranian-conference/ru/> (accessed 15 Apr 2022). (In Russ.)

Vyrypaev I. A. Zakrytoe issledovanie New Constructive Ethics [Closed Study ‘New Constructive Ethics’]. *P'esy Ivana Vyrypaeva* [Plays by Ivan Vyrypaev]. 2022. Available at: <https://vyrypaev.com/ru/plays/newconstructiveethics/ru/> (accessed 15 Apr 2022). (In Russ.)

Vyrypaev I. A. *Chitka p'esy Ivana Vyrypaeva 'Zakrytoe issledovanie New Constructive Ethics'* [Reading of the play by Ivan ‘Closed Study ‘New Constructive Ethics’]. September 10, 2021. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=NkvP2jR8xlw&list=PL9Pz6qSnYIVHLDK6QTEdVn6dNdUn7Ny5g&index=8/> (accessed 10 Jan 2022). (In Russ.)

Karasik V. I. O tipakh diskursa [On the types of discourse]. *Yazykovaya Lichnost': Institutsional'nyy i personal'nyy diskurs* [Linguistic Personality: Institutional and Personal Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20. (In Russ.)

Kurant E. *Teatr chudes. Avtorskie strategii v dramaturgii Ivana Vyrypaeva* [Miracle Theater. Author's Strategies in Ivan Vyrypaev's Dramaturgy]. Krakow, LIBRON Publ., 2020. 225 p. (In Russ.)

Mel'nikov E. Pravila dramaturga: Ivan Vyrypaev [The playwright's rules: Ivan Vyrypaev]. *NewsLab.ru Internet-Gazeta*. June 27, 2014. Available at: <http://newsLab.ru/article/596138> (accessed 10 Jan 2022). (In Russ.)

Pavi P. Dramaturgicheskiy konflikt [Dramatic conflict]. *Slovar' Teatra* [Dictionary of the Theatre]. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 216-217. (In Russ.)

Rudnev P. A. Ivan Vyrypaev. Sgorel dom, a v dome dve sobaki [Ivan Vyrypaev. The house burned down, two dogs were inside]. *Novyy Mir* [New World], 2017, issue 5. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2017/5/ivan-vyrypaev-sgorel-dom-a-v-dome-dve-sobaki.html (accessed 15 Apr 2022). (In Russ.)

Rudnev P. A. *Teoriya dramy* [Drama Theory. Part 1]. June 10, 2020. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=wqEskk20sv8> (accessed 15 Apr 2022). (In Russ.)

5 prichin poyti na chitku p'esy Zakrytoe issledovanie [5 reasons to go to the reading of the play 'Closed Study']. February 19, 2022. Available at: <https://bnkirov.ru/news/obshchestvo/5-prichin-poyti-na-chitku-pesy-zakrytoe-issledovanie/> (accessed 20 Feb 2022). (In Russ.)

Foucault M. *Arkheologiya Znaniya* [The Archeology of Knowledge]. Transl. from French by S. Mitin, D. Stasov. Kiev, Nika-tsentr Publ., 1996a. 208 p. (In Russ.)

Foucault M. Poryadok diskursa [The order of discourse]. *Volya k istine: Po tu storonu znaniya,*

vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years]. Transl. from French by S. Tabachnikova. Moscow, Kastal' Publ., 1996b, pp. 47-97. (In Russ.)

Shiryayev V. Soedinit'sya s impul'som Vselennoy [Getting connected with the momentum of the universe]. *Eros i kosmos, khroniki tselostnosti* [Eros and Cosmos, Chronicles of Integrity]. September 1, 2015. Available at: <https://eroskosmos.org/connecting-to-the-impulse/> (accessed 10 Jan 2022). (In Russ.)

Biegluk-Leś Weronika. Nieradosne gry kulturowej dekonstrukcji. Tlen Iwana Wyrypajewa [Odd games of cultural deconstruction. Ivan Vyrypaev's Oxygen]. *Białostockie Studia Literaturoznawcze* [Białystok Literary Studies], 2014, vol. 5, pp. 371-392. doi 10.15290/bsl.2014.05.24 (In Pol.)

Popczyk-Szczęśna Beata. Słowo i rytm w teatrze Iwana Wyrypajewa [The word and rhythm in Ivan Vyrypaev's theater]. *Litteraria Copernicana* [Copernican Literature], 2018, vol. 29, pp. 119-130. doi 10.12775/LC.2018.022 (In Pol.)

Wasińczuk Katarzyna. Religioznyy diskurs v dramaturgii Ivana Vyrypaeva (Bytie No. 2, Kislorod, P'yanye) [Religious discourse in Ivan Vyrypaev's dramaturgy (Genesis No. 2, Oxygen, The Drunk)]. *Studia Wschodniosłowiańskie* [East Slavic Studies], 2019, vol. 19, pp. 263-277. (In Russ.)

Wilmes Justin. 'Stability amidst chaos': subjective re-orientation in Ivan Vyrypaev's Delhi Dance (2013) and Unbearably Long Embraces (2015), *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 2018, vol. 12:3, pp. 232-250. doi 10.1080/17503132.2018.1511267. (In Eng.)

The Conflict in Ivan Vyrypaev's Dramaturgy

Marina P. Abasheva

Professor in the Department of Cultural Studies and Social and Humanities-Based Technologies

Professor in the Department of Journalism and Mass Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. m.abasheva@gmail.com

Professor in the Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation

SPIN-code: 2169-4629

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

ResearcherID: P-8012-2016

Kristina S. Spirina

Postgraduate Student at the Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature

Perm State Humanitarian-Pedagogical University

24, Sibirskaya st., Perm, 614990, Russian Federation. scs.spirinakristina@yandex.ru

SPIN-code: 4304-0862

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7549-3087>

Submitted 01 Apr 2022

Revised 11 May 2022

Accepted 25 May 2022

For citation

Abasheva M. P., Spirina K. S. Spetsifika konflikta v dramaturgii Ivana Vyrypaeva [The Conflict in Ivan Vyrypaev's Dramaturgy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 83–91. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-83-91 (In Russ.)

Abstract. The article deals with the specific features of the dramatic conflict in the plays of the modern playwright, director, actor Ivan Vyrypaev (born in 1974), who works in Russia and Poland. We explore the nature of the conflict in his plays written in the 2010s (*Iranian Conference* (2017), *Disquiet* (2018) and others). In that period, new tendencies in the development of the dramatic conflict appeared in Vyrypaev's works, with the conflict being based on the clash not between characters, as before, but between discourses: currently relevant ideas, statements, the rules and attitudes behind them determined by public moods. This strategy clearly reflects the author's position: the playwright understands his text as an opportunity to represent discourse, as he has often mentioned in his interviews. The material of the study determined the research methodology: the discursive nature of Vyrypaev's drama is analyzed using the ideas and methods of discourse analysis developed by Michel Foucault, Teun van Dijk, etc. In the course of research, we analyzed Vyrypaev's play *Closed Study. New Constructive Ethics* (2021) in detail. The analysis has shown that the conflict in the play develops consistently: from the representation of currently relevant discourses to their dramatic collision. Further, the very reliability of discourses, of their boundaries is problematized through the construction of double communication: communication is built not only between the characters on stage but also between the author and the audience. In *Closed Research. New Constructive Ethics*, currently relevant discourses of the 'new ethics' are deconstructed. The audience sees on stage a conflict imperceptible to the characters, formed both by the contradiction between discourses and by the viewer's knowledge of the characters' off-stage life circumstances. Understanding the discursive nature of the conflict in Vyrypaev's plays expands the existing understanding of the Russian 'new drama' as a whole.

Key words: modern dramaturgy; Ivan Vyrypaev; dramatic conflict; discourse.

УДК 821.111-312.9
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-92-100

Роман Джо Аберкромби «Красная страна» как фэнтези-вестерн: особенности жанровой природы

Елизавета Андреевна Иванова

к. филол. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин

Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова

410012, Россия, г. Саратов, просп. им. Петра Столыпина, 1. elivan1988@gmail.com

SPIN-код: 4246-7986

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8861-4925>

Статья поступила в редакцию 11.04.2022

Одобрена после рецензирования 17.05.2022

Принята к публикации 06.06.2022

Информация для цитирования

Иванова Е. А. Роман Джо Аберкромби «Красная страна» как фэнтези-вестерн: особенности жанровой природы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 92–100. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-92-100

Аннотация. Статья посвящена анализу жанровой природы романа выдающегося современного британского автора фэнтези Джо Аберкромби «Красная страна» (2012). Для всего творчества Джо Аберкромби характерна постмодернистская игра с жанровыми конвенциями и смешение жанров. Исследуемый роман не становится исключением и соединяет в себе черты вестерна и фэнтези. Данные жанры представляются на первый взгляд несовместимыми и даже взаимоисключающими, поэтому целью предлагаемой статьи является изучение того, какие элементы каждого из них используются автором и какие видоизменения они претерпевают при этом. В статье анализируются ключевые характеристики обоих жанров на основе работ русских и зарубежных исследователей. В ходе анализа роман рассматривается на уровнях строения сюжета и конфликта, системы персонажей, создаваемого автором мира (хронотопа), а также системы ценностей и транслируемого произведением мировоззрения. Аберкромби создает внутри уже существующего мира серии своих произведений территорию, отвечающую требованиям сеттинга в вестерне, использует типичные для вестерна сюжетные завязки и ходы, отчасти задействует образ типичного героя вестерна, хотя лишает его характерного ареала загадочности. Однако большинство центральных персонажей романа далеко не соответствуют жанровым конвенциям вестерна, а идейная составляющая романа прямо ставит его базовые ценности под сомнение. В идейно-содержательном плане элементы фэнтези и индивидуального мировоззрения автора значительно преобладают в романе над элементами вестерна.

Ключевые слова: фэнтези; вестерн; Аберкромби; жанр; жанровые конвенции; «Красная страна».

Джо Аберкромби – один из ведущих современных авторов фэнтези. Его творчество на данный момент мало изучено, но затрагивается в ряде работ зарубежных исследований, которые рассматривают подтипы фэнтези [Castro Balbuena, Meteling 2015; Schmeink, Müller 2012] или изображение в нем конкретных явлений, таких как медиевализм и насилие [Wilkins 2016,

Borowska-Szerszun 2019]. Несколько статей посвящены чертам *grimdark* фэнтези и проблематизации понятия героя в произведениях Аберкромби [Petzold 2016, Polack 2015].

Успех его книг обеспечивают не только захватывающий сюжет и сложные, неоднозначные и развивающиеся персонажи, но и мастерская постмодернистская игра с традициями фэнтези,

жанровыми конвенциями, штампами и ожиданиями читателей. Если трилогия «Первый закон» обыгрывает традиции классического фэнтези, то последовавшие за ней три самостоятельных романа, действие которых происходит в том же мире после конца трилогии, соединяют черты фэнтезийного романа с другими популярными жанрами. «Красная страна» (2012) – третий из этих романов, совмещающий в себе элементы фэнтези и вестерна. Такое сочетание выглядит на первый взгляд неожиданным и почти невозможным, поэтому целью данной статьи является анализ жанровой природы романа, того, как именно она выстраивается и примиряет в себе разнородные элементы.

Вестерн изначально является литературным жанром, «развившимся в США из повествований о действительных приключениях на американском Западе жителей фронта, индейцев, о которых писали американские журналы и газеты середины XIX в.» [Литературная... 2001: 119]. Однако наибольшую популярность он получил как жанр кино и давно уже ассоциируется в первую очередь с кинематографом. Поэтому для уточнения основных характеристик вестерна мы обратимся к работам теоретиков и критиков кино.

Важнейшим определяющим признаком для вестерна является место действия – американский Дикий Запад с его характерными чертами природы и быта. «Зритель понимает, что имеет дело именно с ним, по ряду символов и знаков – географических, исторических и прочих, которые можно объединить в понятие “сеттинг”». Внешние признаки местности, где происходит действие (пустыня, прерии, салун, фронтир), или облик персонажей (характерная одежда, оружие, средства передвижения), – все это, вплоть до ведущего актера (Джон Уэйн, Клинт Иствуд), создает своеобразную иконографию, по которой можно с легкостью определить жанр» [Горячок 2020: 224]. Р. Макки считает, что главная конвенция, определяющая жанр вестерна, – это традиционный сеттинг [цит. по: Рахманова 2014: 32]. В этом сеттинге существуют повторяющийся набор типичных персонажей, переселенцы, уже осевшие фермеры, шериф, священник. В роли антагонистов традиционно выступают бандиты или индейцы. Особая роль в вестерне отводится женским персонажам: в силу крайне ограниченного числа женщин на фронтире сформировался своеобразный культ женщины как хранительницы очага и всех возможных добродетелей, «она несет в себе не только залог физического продолжения рода в будущем, но, утверждая семейный порядок, к которому женщина тянется, как корень к земле, она является оплотом его нравственных устоев» [Базен 1972: 273]. Именно женскому персонажу в вестерне чаще всего отводится

задача направить главного героя на праведный путь [Горячок 2020: 228].

Типичной герой вестерна – так называемый «вестернер» – это герой-одиночка, принадлежащий к авантюрно-героическому типу [Хализев 2002: 113]. Во второй половине XX в. образ вестернера постепенно меняется и усложняется, из прямолинейно положительного благородного героя, всегда готового помочь нуждающимся, превращаясь в куда более амбивалентную фигуру с внутренними противоречиями, склонностью к необоснованному насилию и отсутствием идеалов [Карцева 1976]. А уже в XXI в. происходит новый сдвиг, и герой вестерна «конфликтует с собственным мифом о себе, в частности героическим, консервативным, маскулинным» [Горячок 2020: 244]. «Такая трансформация – не произвол сценариста, а следствие усложнения социальных отношений», отмечает Я. Левченко в статье о киновестернах последнего десятилетия [Левченко 2014: 138]. При этом Л. С. Митчелл в статье “Late Westerns” утверждает, что “There is no such thing as postwestern, and it’s a good thing too” [Mitchell 2018: 7], так как хотя вестерны разных десятилетий отличаются друг от друга по тону и подходу к темам, они всегда отражают текущие социальные проблемы и потребности общества. В любом случае, как и для героя авантюрного романа, для большинства героев вестерна характерно отсутствие развития и изменения характера [Рахманова 2014]. Аронсон идет дальше, утверждая, что «герой вестерна лишен внутреннего порядка, той психологии, которая могла бы быть основой его субъективности, психологическая пустота человека, препоручившего себя судьбе, – основа героической осанки героя вестерна» [Аронсон 2003: 55], но, как замечает Т. Д. Рахманова, это утверждение применимо к героям С. Леоне, но не классических ранних американских вестернов.

Главный конфликт в основе любого вестерна – это конфликт между дикостью и цивилизацией, которую несет белый человек [Базен 1972: 238], между законом и беззаконием, порядком и хаосом [Горячок 2020: 255]. Силы, угрожающие закону и порядку, должны быть наказаны и уничтожены, чтобы общество переселенцев могло расти и развиваться.

Сравним эти базовые характеристики вестерна как жанра с аналогичными чертами фэнтези.

Первые ассоциации также связывают фэнтези с определенным типом хронотопа, дополненным магией европейского псевдосредневековья [Епанчинцев, Фролова 2016: 23]. Однако, если это и было верно для фэнтези на первых этапах его развития, то в последние десятилетия появилось множество произведений и целых поджан-

ров, раздвигающих эти рамки: в городском фэнтези действие разворачивается в современном городе [Encyclopedia of Fantasy], манапанк как разновидность стимпанка ориентируется на эстетику викторианской Англии и Америки конца XIX в., выходят фэнтези романы в антураже восточных стран (Р. Куанг «Опиумная война» (2018), К. Лю «Королевские милости» (2015), Д. Мэдсон «Мы оседлаем бурю» (2020) и др), наконец, в произведениях, например, того же Джо Аберкромби вымышленные миры подвержены историческому развитию, и если в трилогии «Первый Закон» мы видим типичное для традиционного фэнтези позднее Средневековье, то в следующей за ней трилогии «Эпоха безумия» наступает Новое время с характерными изменениями в сфере производства и политических отношений. Поэтому в современном понимании фэнтези не привязано к определенному антуражу, но подразумевает использование автором иррациональных, логически необъяснимых фантастических допущений и разработку авторского мира на их основе [James, Mendelsohn 2009: 12; Shippey 1996: xiii].

Основной конфликт фэнтези – это конфликт добра и зла, причем если в вестерне сюжет всегда локальный, речь идет о проблемах одного конкретного фронтального городка, конкретной банде, мести конкретного героя и т.п., то в фэнтези, напротив, сюжет тяготеет к глобальности, речь в большинстве случаев идет буквально о судьбе всего мира [Encyclopedia of Fantasy].

Фэнтези, как и вестерн, восходит в том числе к авантюрному роману, и его герой тоже принадлежит к авантюрно-приключенческому типу. Но при этом фэнтези принципиально требует его психологической проработки и наполнения, отличаясь этим от сказки и мифа [Attebery 1992: 72–73]. Кроме того, героем в фэнтези часто становится обычный «маленький человек», который оказывается призван к совершению подвига. Если герой вестерна принципиально одинок, то в произведениях фэнтези часто действует целый отряд и подчеркивается важность дружбы между персонажами [Демина 2013].

Как видим, таким образом фэнтези и вестерн кажутся принципиально различающимися по всем основным характеристикам и несочетаемыми жанрами.

Тем не менее попытки соединить их предпринимались и до Аберкромби, и самой известной из них является цикл С. Кинга «Темная башня». Кинг использует идею параллельных миров и создает мир, с одной стороны, соответствующий основным внешним характеристикам Дикого Запада: разбросанные на большом расстоянии островки цивилизации в виде маленьких городков,

активное использование огнестрельного оружия, равнины и горы с климатом, напоминающим таковой в соответствующих американских штатах. С другой – в этом мире существует магия, а сам он находится в состоянии упадка цивилизации и общего ощущения «вывихнутости времени», выражающегося в повторяемой многими персонажами фразе «мир сдвинулся». Герой «Темной Башни», стрелок Роланд – это типичный герой вестерна (причем скорее спагетти-вестерна, чем изначального голливудского), но его поиски Темной Башни как центра мира и средоточия его изменений – это типичный глобальный фэнтезийный квест по спасению мира.

Джо Аберкромби выбирает другой способ комбинирования двух жанров. Обратим внимание на название его романа – «Красная страна»: само по себе оно уже напоминает о «Красной реке» – одном из ключевых фильмов в истории вестерна [Complete National Film Registry Listing]. Сюжет романа разворачивается в мире, уже знакомом читателю других книг Аберкромби по трилогии «Первый закон» и романам «Герои» и «Лучше подавать холодным». Отличие этого мира от традиционных миров фэнтези в том, что история в нем не стоит на месте, на протяжении на данный момент уже девяти книг (в 2021 г. вышла последняя часть новой трилогии, «Эпохи безумия») читатель может наблюдать не только за войнами и сменой правителей, но и за техническим прогрессом и изменениями в экономике и обществе. В частности, в рассматриваемом романе описывается процесс освоения новых земель: существует обширная равнинная территория в окружении гор, которая на начало романа не принадлежит ни одному из крупных соседних государств, но постепенно осваивается выходцами из них. Она делится на Ближнюю страну – независимый регион, где нет централизованной власти, население разбросано по фермам и маленьким городкам и процветают бандитские шайки, и Дальнюю страну – дикие равнины, населенные племенами духолодов, куда постепенно проникают первые поселенцы. После известия, что в Дальней стране нашли золото, туда хлынули потоки авантюристов в надежде разбогатеть, что привело к расцвету единственного местного городка Криза. Таким образом, Аберкромби создает в рамках своего мира аналог Дикого Запада, совпадающий с ним по природным и социальным характеристикам, и органично вписывает его в местную историю: Дальней и Ближней страной этот регион называется с точки зрения наиболее активно развивающегося государства этого мира, Союза, а исторически Дальняя страна входила в Старую Империю, уже много веков лежащую в руинах. У этой фрон-

тирной территории есть и свои герои – о смелости и удали охотника и проводника Даба Свита рассказывают легенды, напоминающие истории о Даниеле Буне и других американских первопроходцах. Единственным существенным отличием является отсутствие в мире Абекромби личного огнестрельного оружия. Ковбойскую дуэль из вестерна здесь заменяет уже неоднократно описанный в романах Абекромби рукопашный поединок до смерти.

Для произведений Абекромби характерно наличие нескольких персонажей, с чьей точки зрения ведется повествование в разных главах. В «Красной стране» их три, и ни один из них не похож на типичного героя вестерна. Темпл когда-то был служителем в храме, а потом выполнял функцию стряпчего в отряде наемников. Это персонаж совершенно не героический, не боец, изначально абсолютно не приспособленный к жизни переселенцев. Он трусоват и склонен плыть в жизни по течению, но на протяжении романа читатель наблюдает за его постепенным внутренним ростом. Темпл не только приобретает практические навыки, но и учится отстаивать то, что считает правильным, и в конце именно он находит способ защитить шанс на новую жизнь для себя и других поселенцев. Он проходит типичный путь героя романа воспитания и вписывается в характерный для фэнтези типаж маленького человека, отправляющегося в путешествие. Но в вестерне подобный персонаж мог бы быть только второстепенным и по крайней мере отчасти комическим (например, Пикок в «Дилижансе» (1939), писатель в «Непрощенном» (1992)), особенно если принять во внимание его смешанное происхождение и темную кожу.

Второй центральный персонаж романа, Шай Соут, больше похожа на героя вестерна: она хозяйка фермы в Ближней стране, в прошлом – разбойница. Ее ферму сожгли, а брата с сестрой украли разбойники, и она отправляется в погоню, чтобы спасти их. Она смекалиста, знает жизнь, ее непросто проведи, она смела и хорошо обращается с оружием. По сравнению с Темплом, Шай довольно статична. Все эти качества вполне типичны для вестерна [Рахманова 2014], но категорическим расхождением с канонами вестерна является ее пол: «женщина никогда на самом деле не может быть героем вестерна, это означало бы конец жанра» [Cook, цит. по: Weuer 2007]. Только в последние годы «поствестерны» вводят женщину в качестве центрального персонажа (сериал «Забытые богами» (2018), фильм «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» (2018)) [Горячок 2020]. Такой проблемы нет в фэнтези, где активные и героические женские персонажи существуют

изначально (вспомним Лютиэн и Эовин у Толкина).

Наконец, третий персонаж, с чьей точки зрения ведется повествование в «Красной стране», – это похищенная десятилетняя сестра Шай. Ее сюжетная линия является второстепенной в романе, что вполне соответствует месту, которое подобный персонаж мог бы занимать и в вестерне, но весьма значима для раскрытия одной из главных тем произведения.

Тем не менее в «Красной стране» есть персонаж, которого можно назвать типичным героем вестерна, и, как это характерно для данного жанра, он окружен ореолом загадочности. Это отчим Шай по прозвищу Лэмб (Ягненок). В его линии Абекромби обыгрывает сюжеты сразу дух известных вестернов. Как и заглавный герой «Шейна» (1949), Лэмб появляется ниоткуда, нанимается работать на ферме и становится там членом семьи, держится смиренно, избегает конфликтов и позволяет задирать себя, так что его считают «самым трусливым трусом» (здесь и далее пер. В. Русанова) [Абекромби 2015: 24], но на самом деле оказывается закаленным воином-ветераном. Как и Уилл Манни из «Непрощенного», он немолод, в прошлом был прославленным бойцом с заслуженно дурной репутацией, на ферме пытался начать жизнь заново, а причина его возврата к насилию связана с детьми (Манни хочет заработать денег для родных детей, Лэмб отправляется спасать похищенных приемных). Как и Шейн, Лэмб приходит к выводу о невозможности уйти от прошлого и в конце уезжает, как и приехал, в неизвестность, чтобы не привносить насилие в жизнь дорогих ему людей. Как и Манни, Лэмб сожалеет о жизни, которую вел в молодости, обладает фантастическими боевыми навыками и становится по-настоящему страшен в бою.

Тем не менее функционирует этот образ в «Красной стране» иначе, чем в вестерне. В первых, Лэмб является загадочным незнакомцем только для других персонажей. В первой главе Шай упрекает отчима, что он не следует своему же совету «лучше совершить поступок, чем жить, боясь его», и вместе с описанием его как могучего и покрытого шрамами северянина эта фраза позволяет читателю узнать в нем одного из главных героев трилогии «Первый закон», Логена Деятипалого, самого знаменитого и страшного бойца-берсеркера с севера, который уже давно тяготился этой славой и искал возможности изменить свою жизнь. Поэтому вся сюжетная линия Лэмба не несет для читателя неожиданностей, Лэмб не становится центральным персонажем, внимание в большей степени фокусируется на том, как другие персонажи, в первую очередь Шай, реагируют на него, каким шоком для них

становится его преобразование из тихого робкого старика в убивающего всех без разбора на своем пути одержимого. В книгах Аберкромби много сцен насилия, многие из его героев являются выдающимися бойцами, но сквозь все произведения уверенно проходит гуманистическая тема осуждения насилия и людей, для которых оно является главным методом решения проблем. Боевые навыки Лэмба необходимы в столкновениях с противниками и для разрешения ряда конфликтов в сюжете, но, в отличие от типичного вестернера, Лэмб в одиночку не может победить всех антагонистов. Еще более выбивается из традиции вестерна сцена в последней главе романа: Лэмба находит другой северянин, Кол Трясучка, чьего отца Лэмб когда-то убил. Трясучка – тоже возвращающийся персонаж, появлявшийся в «Первом законе» и бывший одним из центральных персонажей «Лучше подавать холодным». Когда он находит Лэмба-Логена, все ожидают, что между ними должен произойти поединок, чтобы решить вопрос о мести. Как и сделали бы герои вестерна, потенциальные противники застывают друг перед другом, перекидываясь репликами, готовые нанести первый удар, и весь мир словно замирает вокруг них. Но вместо обмена ударами следует новый обмен репликами, и Трясучка, взглянув на семью Лэмба, уезжает, обещая говорить, что Логен мертв. Два прошедших через множество войн и схваток воина не видят смысла снова драться и проливать кровь из-за прошлого, которое все равно не изменить. «Нужно когда-то завязывать» [там же: 553], замечает Трясучка. Такое отношение к насильственному разрешению проблем невероятно для вестерна, скорее неожиданно для традиционного фэнтези, но вписывается в общую идеологию произведений Аберкромби.

Сюжет «Красной страны» достаточно типичен для вестерна, он соединяет в себе сразу несколько характерных для этого жанра историй: о переселенцах, с обязательным эпизодом нападения на караван дикарей, о спасении похищенных бандитами детей, о наведении порядка во фронтирном городке. Ряд героев и ситуаций выглядят как будто прямо сошедшими с экрана: главари местных бандитов охотно предлагают Лэмбу работать на себя, для решения проблем приглашается устрашающий боец издалека – Глама Золотой, один из персонажей предыдущей книги Аберкромби «Герои». Между ним и Лэмбом происходит неприменный поединок, в котором Лэмб показывает свою жуткую берсеркскую сторону. При этом Глама, как и сам Лэмб, давно не гордится своей боевой славой и мечтает, что это будет последняя схватка, после которой он получит достаточно денег, чтобы вернуться на Север и

восстановить свое положение там. Перед поединком обоих бойцов бреет разговорчивый цирюльник, а писатель Суорбрек, сопровождающий капитана-генерала наемников Коску, чтобы засвидетельствовать его героические подвиги и написать о нем книгу, в процессе разочаровывающийся в самой идее героизма и приключений, но ради выгоды предлагающий свои услуги биографа и дальше любому заинтересованному, очевидно, списан прямо с Бошампа из уже упомянувшегося вестерна «Непрощенный».

Все сюжетные линии «Красной страны» связаны с решением характерных для вестерна локальных конфликтов и полностью завершаются в рамках романа. Он может читаться независимо от других произведений Аберкромби, хотя знакомство с событиями и персонажами из предшествовавших романов обогащает его восприятие. Тем не менее сюжет романа является частью общей истории Земного круга, и события, происходящие в нем, еще отзовутся в трилогии «Эпоха безумия», что характерно уже для фэнтезийных произведений, часто образующих серии.

Путешествие, будучи типичным элементом переселенческого вестерна, является и характерным сюжетным элементом произведений фэнтези. Важно отметить, что фэнтези свойствен мотив сближения разных людей во время странствия, складывания неожиданных дружб и союзов, как это и происходит в «Красной стране» между Шай и Темплом, Темплом и Махудом, Лэмбом и Шай и Савианом. Важность дружеских связей и противостоит типичной идеологии самодостаточности и одиночества вестернера.

Базовое противостояние вестерна между хаосом и порядком, цивилизацией и дикой вольницей беззакония также своеобразно преобразуется в «Красной стране». В городке Криз влияние делят между собой хозяева Торгового Дома любви и Игорного Храма по прозвищам Папаша Кольцо и Мэр. Их власть опирается только на деньги и грубую силу. Каждый из них поддерживает притязания одной из двух крупных стран на Дальнюю страну, которая пока не принадлежит ни одной из них. Легальная власть любого уровня в городе отсутствует. Для вестерна это ситуация уже невозможная, поскольку фронтирные территории являются частью США, и даже если до ближайших представителей закона несколько дней езды, они существуют и имеют авторитет. Жители Ближней страны рассуждают, что если их земли станут частью Союза, то он принесет с собой закон, «но налоги тянутся следом за законом столь же неотвратимо, как телега за ослом», и «лучше уж пострадать от обычного разбойника в маске и с кинжалом, чем от разбойника с пером и бумагой» [там же: 18–19]. По-

селенцы и авантюристы в Дальней стране так же заинтересованы в том, чтобы как можно дольше сохранять ее независимость.

В Дальнюю страну также бегут разгромленные участники неудачного восстания в Союзе. Но преследовать их по политическим соображениям отправляют не регулярную армию, а отряд наемников под руководством известного своей беспринципностью Никома Коски и приставленного к ним инквизитора (инквизиция в мире Аберкромби выполняет функции тайной полиции). Аберкромби далеко не идеализирует бунтовщиков (в трилогии «Эпоха безумия» он дает впечатляюще реалистичное и жесткое изображение революции в Союзе), но персонажи-повстанцы в «Красной стране» – смелые и искренне верящие в свое дело люди, которые вызывают куда больше симпатии, чем охотящийся на них фанатичный и жестокий инквизитор. А действующие в качестве представителей закона наемники и вовсе абсурдны в этой роли, потому что большая часть из них совершенно лишена каких-либо принципов и интересуется исключительно деньгами и возможностью грабежа. Они несут с собой не порядок и справедливость, а беспощадное разрушение и терроризируют местное население, только с виду прикрываясь словами о законе.

Таким образом, одна из базовых ценностей вестерна и его ключевой конфликт очевидно ставятся под сомнение в «Красной стране». И когда в тексте упоминается победа культуры над дикостью и порядка над хаосом, речь идет об обмане, спектакле, устроенном бывшим столичным трагиком и другими персонажами, чтобы убедить наемников, что Криз присоединился к Старой империи и представителям Союза нечего в нем делать. Культура и порядок здесь означают не закон и справедливость, а применение хитрости вместо и во избежание насилия.

В XXI в. в произведениях фэнтези уже редко можно встретить однозначные воплощения добра и зла. Положительные персонажи Аберкромби способны на сомнительные и откровенно дурные поступки, нет у него и абсолютных злодеев, сознательно служащих злу, все антагонисты имеют свои ценности и свою правду. Это мир морального релятивизма и оттенков серого, а не деления на черное и белое. Тем не менее исконно присущий фэнтези конфликт добра и зла разворачивается и здесь, но перед читателем ставится более сложная задача определения, что есть что. Один из персонажей «Красной страны» приходит к таким выводам: «зло не оказалось чем-то грандиозным. Не хохочущий император, лелеющий планы поработить весь мир. Не рычащие демоны, плетущие козни во мраке изнанки миров. Зло – это мелкие людишки с мелкими

делами и мелкими побуждениями. Зло – это себялюбие, разгильдяйство и мотовство. Зло – это неудачи, трусость и глупость. Зло – это насилие без угрызений совести и мысли о последствиях. Возможно, зло – это высокие идеалы и низкие средства для их достижения» [там же: 420]. Стоит отметить, что и сам этот персонаж достаточно себялюбив и мелок, и неспособность действовать в соответствии с выводами собственной совести тоже можно отнести ко злу в произведениях Аберкромби. Именно ее, в частности, преодолевает на протяжении романа Темпл.

Это мелкое, житейское зло примешивается и к благим целям и приводит порой к огромным разрушениям и массовым убийствам, как, например, когда ради спасения детей вырезают целое поселение их похитителей. Думая обо всех погибших, Шай задается вопросом: «Некоторых она могла отнести к злым, но ведь не бывает зла, возникшего само по себе?» [там же: 534] и не может найти его изначальный корень.

Противостоят этому злу в романе прежде всего готовность отвечать за свою жизнь и защищать тех, кто тебе дорог, способность раскаиваться и меняться, готовность к честному каждодневному труду. Именно эти качества присущи Шай, Темплу, Лэмбу и позволяют считать их персонажами положительными, вопреки темно-му прошлому и недостаткам каждого из них.

Такое представление о добре и зле как о составляющих человеческой души, борющихся внутри нее, также присуще фэнтези, начиная с Толкина, но мало характерно для вестерна, который в большинстве случаев не заинтересован в глубоком изучении психологии.

В «Красной стране» Аберкромби использует внешние признаки вестерна, внося тем самым разнообразие и динамику в создаваемый им мир. Но при этом элементы вестерна оказываются переосмыслены и наполнены содержанием, более характерным для литературы фэнтези. Само обилие используемых штампов позволяет максимально подчеркнуть необычность их авторской трактовки. На уровне сюжета эти изменения создают ощущение игры с читателем, задействуя его зрительский опыт, заставляя ожидать и угадывать, как далеко зайдет сходство между романом и вестерном, отчасти обманывая эти ожидания и вызывая тем самым сперва эффект узнавания, а затем эффект неожиданности. На идейно-художественном уровне они оспаривают и ставят под вопрос базовые ценности вестерна: порядок, законность, маскулинность и самодостаточность, заменяя их на ответственность, сотрудничество, свободу, осуждение насилия, что более характерно для литературы фэнтези и конкретно для творчества Джо Аберкромби.

Список литературы

Аберкромби Дж. Красная страна / пер. В. Русанова. М.: Эксмо, 2015. 557 с.

Аронсон О. Этика вестерна // Аронсон О. Метакино. М.: Ад Маргинем, 2003. С. 51–61.

Базен А. Вестерн, или Избранный жанр американского кино // Базен А. Что такое кино? М.: Искусство, 1972. С. 231–241.

Горячок К. Л. Эволюция американского вестерна: витальность, эстетика, мифология // Художественная культура. 2020. № 2. С. 220–247.

Демина А. В. Архетип героя в литературе жанра фэнтези // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 310–317.

Епанчинцев Р. В., Фролова А. А. К вопросу о жанре фэнтези в современной литературе // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2016. № 26. С. 22–24.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1597 с.

Карцева Е. Н. Вестерн. Эволюция жанра. М.: Искусство, 1976. 255 с. URL: https://www.mnogobook.ru/nauka_obrazovanie/kulturologiya/302891/fulltext.htm (дата обращения: 25.12.2021)

Левченко Я. Жанр освобожденный. Авторский вестерн – о будущем цивилизации // Логос. 2014. № 6 (102). С. 135–148.

Рахманова Т. Д. Эволюция американского вестерна: жанр массового кино от зарождения до мифа // Клио. 2014. № 5 (89). С. 29–32.

Хализев В. Е. Теория литературы. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2002. 437 с.

Attebery V. Strategies of Fantasy. Indiana University Press, 1992. 152 p.

Beyer M. A. M. Shooting (a) Woman – Comparative Study of Gender Roles in American and Italian Western Movies. Munich: GRIN Verlag, 2007. 106 p. URL: <https://www.grin.com/document/89432> (дата обращения: 25.12.2021).

Borowska-Szerszun S. Representation of Rape in George R. R. Martin's A Song of Ice and Fire and Robin Hobb's Liveship Traders // Extrapolation. 2019. Vol. 60, no. 1. P. 1–22. doi: 10.3828/extr.2019.2

Castro Balbuena A. De hobbits, tronos de hierro y vikingos. Desarrollo narrativo y cronológico de la fantasía épica. URL: <http://www.tonosdigital.es/ojs/index.php/tonos/article/view/1509/854> (дата обращения: 15.08.2020).

Complete National Film Registry Listing | Film Registry | National Film Preservation Board | Programs at the Library of Congress | Library of Congress. Library of Congress, Washington, DC. Retrieved May 8, 2020. URL: <https://www.afi.com/afis-10-top-10> (дата обращения: 15.08.2020).

Encyclopedia of Fantasy / Ed. by J. Clute, J. Grant. URL: <https://sf-encyclopedia.com/fe/> (дата обращения: 25.12.2021).

James E., Mendelsohn F. A Short History of Fantasy. Middlesex University Press, 2009. 285 p.

Meteling A. Krieg und Kartographie. Einführung in die epische Fantasy // Vergemeinschaftung in Zeiten der Zombie-Apokalypse: Gesellschaftskonstruktionen am fantastischen Anderen / Ed. by M. Dellwing, M. Harbusch. Springer VS, 2015. P. 37–68.

Mitchell L. C. Late Westerns: The Persistence of a Genre. University of Nebraska Press, 2018 - Performing Arts. 336 p.

Petzold J. Constructing and Deconstructing the Fantasy Hero: Joe Abercrombie's "First Law" Trilogy // Heroes and Heroism in British Fiction since 1800: Case Studies / Ed. by B. Korte, S. Lethbridge. Palgrave Macmillan, 2016. P. 135–150.

Polack G. Grim and grimdark // Fantasy and Science Fiction Medievalisms: From Isaac Asimov to A Game of Thrones / Ed. by Young H. Cambria Press, 2015. P. 77–96.

Schmeink L., Müller H.-H. Fremde Welten: Wege und Räume der Fantastik im 21. Jahrhundert. Walter de Gruyter, 2012. 470 S.

Shippey T. A. Introduction // Sobczak A.J., Shippey T.A. Magill's Guide to Science Fiction and Fantasy Literature: Vol. 1: The Absolute at Large – Dragonsbane. Salem Press, 1996. 260 p.

Wilkins K. From Middle Earth to Westeros: Medievalism, Proliferation and Paratextuality // New Directions in Popular Fiction: Genre, Distribution, Production. Palgrave Macmillan, 2016. P. 201–221.

References

Abercrombie J. *Krasnaya Strana* [Red Country]. Transl. by V. Rusanov. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 557 p. (In Russ.)

Aronson O. Etika vesterna [The ethics of the western]. Aronson O. *Metakino* [Metacinema]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2003, pp. 51–61. (In Russ.)

Bazin A. Vestern, ili Izbrannyy zhanr amerikanskogo kino [The Western, or the American film par excellence]. Bazin A. *Chto takoe kino? Sbornik statey* [What is Cinema? Collection of articles]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, pp. 231–241. (In Russ.)

Goryachok K. L. Evolyutsiya amerikanskogo vesterna: vital'nost', estetika, mifologiya [Evolution of American western: Vitality, aesthetics, mythology]. *Khudozhestvennaya kul'tura* [Art & Culture Arts], 2020, issue 2, pp. 220–247. (In Russ.)

Demina A. V. Arkhetip geroya v literature zhanra fentezi [A hero archetype in fantasy literature]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*

- [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2013, issue 2 (35), pp. 310–317. (In Russ.)
- Epanchintsev R. V., Frolova A. A. K voprosu o zhanre fentezi v sovremennoy literature [On the fantasy genre in modern literature]. *Vestnik Severo-Vostochnogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Vestnik of the North-Eastern Federal University], 2016, issue 26, pp. 22–24. (In Russ.)
- Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literature Encyclopedia of Terms and Concepts]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001. 1597 p. (In Russ.)
- Kartseva E. N. *Vestern. Evolyutsiya zhanra* [The Western: Genre Evolution]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976. 255 p. Available at: https://www.mnogobook.ru/nauka_obrazovanie/kulturologiya/302891/fulltext.htm (accessed 25 Dec 2021). (In Russ.)
- Levchenko Ya. Zhanr osvobodenny. Avtorskiy vestern — o budushchem tsivilizatsii [Genre unchained. d'Auteur on the future of humankind]. *Logos* [Logos], 2014, issue 6 (102), pp. 135 – 148. (In Russ.)
- Rakhmanova T. D. *Evolutsiya amerikanskogo vesterna: zhanr massovogo kino ot zarozhdeniya do mifa* [The American wild west film evolution: Popular cinema genre from birth to myth]. *Klio* [Klio], 2014, issue 5 (89), pp. 29–32. (In Russ.)
- Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Literature Theory: textbook]. 3rd ed., rev. and exp. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2002. 437 p. (In Russ.)
- Attebery B. *Strategies of Fantasy*. Indiana University Press, 1992. 152 p. (In Eng.)
- Beyer M. A. M. *Shooting (a) Woman – Comparative Study of Gender Roles in American and Italian Western Movies*. Munich, GRIN Verlag, 2007. 106 p. Available at: <https://www.grin.com/document/89432> (accessed 25.12.2021). (In Eng.)
- Borowska-Szerszun S. Representation of rape in George R. R. Martin's *A Song of Ice and Fire* and Robin Hobb's *Liveship Traders*. *Extrapolation*, 2019, vol. 60, issue 1, pp. 1–22. doi: 10.3828/extr.2019.2. (In Eng.)
- Castro Balbuena A. De hobbits, tronos de hierro y vikings. Desarrollo narrativo y cronológico de la fantasía épica [On hobbits, iron thrones and the Vikings. Narrative and chronological development of the epic fantasy]. Available at: <http://www.tonosdigital.es/ojs/index.php/tonos/article/view/1509/854> (accessed 15 Aug 2020). (In Span.)
- Complete National Film Registry Listing*. Library of Congress, Washington, DC. Retrieved May 8, 2020. Available at: <https://www.afis.com/afis-10-top-10> (accessed 15 Aug 2020). (In Eng.)
- Encyclopedia of Fantasy*. Ed. by J. Clute, J. Grant. Available at: <https://sf-encyclopedia.com/fe/> (accessed 25 Dec 2021). (In Eng.)
- James E., Mendelsohn F. *A Short History of Fantasy*. Middlesex University Press, 2009. 285 p. (In Eng.)
- Meteling A. Krieg und Kartographie. Einführung in die epische Fantasy [War and cartography: An introduction to the epic fantasy]. *Vergemeinschaftung in Zeiten der Zombie-Apokalypse: Gesellschaftskonstruktionen am fantastischen Anderen* [Communalization in Times of Zombie Apocalypse: Social Constructions on the Fantastic Other]. Ed. by M. Dellwing, M. Harbusch. Springer VS, 2015, pp. 37–68. (In Ger.)
- Mitchell L. C. *Late Westerns: The Persistence of a Genre*. University of Nebraska Press, Performing Arts, 2018. 336 p. (In Eng.)
- Petzold J. Constructing and deconstructing the fantasy hero: Joe Abercrombie's 'First Law' trilogy. *Heroes and Heroism in British Fiction Since 1800: Case Studies*. Ed. by Korte B., Lethbridge S. Palgrave Macmillan, 2016, pp. 135– 50. (In Eng.)
- Polack G. Grim and grimdark. *Fantasy and Science Fiction Medievalisms: From Isaac Asimov to A Game of Thrones*. Ed. by Young H. Cambria Press, 2015, pp. 77–96. (In Eng.)
- Schmeink L., Müller H.-H. *Fremde Welten: Wege und Räume der Fantastik im 21 Jahrhundert* [Strange Worlds: Paths and Spaces of Fantasy in the 21st Century]. Walter de Gruyter, 2012. 470 p. (In Ger.)
- Shippey T. A. Introduction. Sobczak A. J., Shippey T. A. *Magill's Guide to Science Fiction and Fantasy Literature: Vol. 1: The Absolute at Large – Dragonsbane*. Salem Press, 1996. 260 p. (In Eng.)
- Wilkins K. From Middle Earth to Westeros: Medievalism, proliferation and paratextuality. *New Directions in Popular Fiction: Genre, Distribution, Reproduction*. Palgrave Macmillan, 2016, pp. 201–221. (In Eng.)

Joe Abercrombie's 'Red Country' as a Fantasy Western: the Genre Features of the Novel

Elizaveta A. Ivanova

Associate Professor in the Department of Humanities

Saratov State Conservatory

1, prospekt imeni Petra Stolypina, Saratov, 410002, Russian Federation. elivan1988@gmail.com

SPIN-code: 4246-7986

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8861-4925>

Submitted 11 Apr 2022

Revised 17 May 2022

Accepted 06 June 2022

For citation

Ivanova E. A. Roman Dzho Aberkrombi «Krasnaya strana» kak fentezi-vestern: osobennosti zhanrovoy prirody [Joe Abercrombie's 'Red Country' as a Fantasy Western: the Genre Features of the Novel]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 92–100. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-92-100 (In Russ.)

Abstract. The article analyzes the novel *Red Country* (2012) written by the outstanding modern British fantasy author Joe Abercrombie. All his works can be characterized as postmodern play with genre conventions and genre mixing. *Red Country* unites the characteristics of the fantasy and the Western – genres that seem to be incompatible. The aim of the article is to look into how the elements of each of the genres are connected in the novel and how they are transformed in this process. The article gives a short overview of the characteristic features of both fantasy and Western based on works by Russian and foreign researchers. The text of *Red Country* is analyzed at the levels of plot, conflict, characters, setting, values, and ideology. For this novel, inside the already existing world of his books, Abercrombie creates a new territory organized in accordance with the story setting principles of the Western genre. The writer uses a lot of plot devices characteristic of the Western and some elements of a typical Western character, although depriving him of his traditional mysteriousness by employing a character known from his previous novels. However, most of *Red Country*'s characters do not conform to the stereotypes about Westerns, and the ideas and values conveyed in the novel undermine those of the Western genre. Responsibility, cooperation, freedom, repression of violence come in place of order, lawfulness, masculinity, and self-sufficiency. Such values are much more typical for the fantasy in general and for Abercrombie's works specifically. The number of Western clichés in the novel itself indicates their unusual interpretation by the author. At the plot level, these shifts create a game with the reader, who is provoked to predict the outcome of events basing on his knowledge of the Western genre. Such expectations are often not met, which creates a strong effect of surprise and arouses more interest in the plot.

Key words: fantasy; Western; genre; Abercrombie; genre conventions; *Red Country*.

UDC 821'161'1
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-101-110

Vera Polozkova's Ambivalent Feminism: Reimagining Russian Poetry in the Internet Age

Alexandra A. Lukina

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradsky prospekt, Moscow, 125167, Russian Federation. laalukina@gmail.com

SPIN-code: 2228-7919

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4955-195X>

Submitted 12 Nov 2021

Revised 04 Mar 2022

Accepted 12 Apr 2022

For citation

Lukina A. A. Vera Polozkova's Ambivalent Feminism: Reimagining Russian Poetry in the Internet Age. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 101–110. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-101-110 (In Eng.)

Abstract. This study is dedicated to the analysis of works by Vera Polozkova, a prominent figure of contemporary Russian women's Internet poetry, who gained her popularity through an ambivalent position in Russian society. The relevance of this work stems from Polozkova's inherent feminism as an implicit form of empowerment conveyed to the reader in her poems, offering a powerful paradigm for understanding Russian poetic culture in the Internet age. The analysis was based on 4 printed books by Polozkova as well as 7 interviews with her participation. Analysis of the material showed that despite distancing herself from feminism and any kind of political activism, Polozkova still became the symbol of the search for inherent feminism through offering new images and paradigms for exploring feminine agency and identity. The article also traces Polozkova's emergence as a prominent cultural figure through the context of female Internet poetry in Russian culture from the early 18th century to the present day. The article deals with the main themes and motives of Polozkova's Internet poetry, as well as provides an analysis of the linguistic and expressive means used in her works, including the classification of poetic elements of the feminist discourse delivered by the poet. The main conclusion drawn from the study is that in Russian literary-oriented culture, Internet poetry is one of the best ways to influence public opinion, taking into account some social contradictions.

Key words: Russian poetry; feminism; contemporary Russian society; literary analysis; Internet poetry.

Russian poet Vera Polozkova is a controversial figure. While readers are quick to place her alongside feminist thinkers, she has stated that this could not be further from the truth. If Polozkova is not a feminist, however, and her poetry does not convey activist ideas, she nevertheless speaks powerfully to female readers who respond to her depictions of women seeking agency, stability, success, happiness in chaotic and often predetermined settings. As a poet Polozkova walks an ambivalent ground in contemporary Russia, epitomizing the search for inherent feminism that shirks the label of political activ-

ism while offering new images and paradigms for considering feminine agency and identity to a largely female readership. This paper presents what I call Vera Polozkova's inherent feminism, a covert and implicit form of empowerment that also offers a powerful paradigm for understanding Russian poetic culture in the Internet age. The paper proceeds to examine Polozkova's emergence as a prominent culture presence first by examining the contexts of women's poetry in Russian culture leading up to the Internet age and then by presenting some background on Polozkova herself. Finally, analytical

overview of her writing is presented with an angle to her implicit search for a non-political form of feminist discourse.

The journey of Russian women in literature starts with Empress Katherine the Great. Not only did she put her best efforts to promote education of both sexes (she wrote a manual for education of young children), but she also took part in the movement herself. In 1769, she launched a periodic "Vsyakaya vsyachina" [Odds and Ends]. She also wrote for it under a pseudonym "Babushka" [Granny]. Due to her efforts several facilities for women education opened, and female authors began to appear.

However, aside from empress's literary efforts, the usual attitude towards female authors was negligent. The genres and themes of their works leaned towards love lyrics, the theme that was promptly marked unserious, if not vain. In 1840, Mikhail Katkov, editor of *The Russian Messenger*, described the appearance of women authors as "more or less pleasant". "Living souls", he opined, "may find many a joy in them, and for that we thank their authors. On the other hand, should they disappear, humanity will not find itself lacking in any way and will continue to perceive existence to the fullest, as it does now with them" [Katkov 1840: 27]. Despite such attitudes, the works of such female poets as Evdokiya Rostopchina, Karolina Pavlova, and Elizaveta Kulman found recognition. The Silver Age in Russian Poetry established women poets as equal in poetic statute to men. Anna Akhmatova and Marina Tsvetaeva, writers who embraced the task of writing in tragic and chaotic times, insisted on being called not "poetessa" (a term with derogatory undertones in Russian, suggesting second-ratedness), but "poet." These poets consciously distanced themselves from the "feminine" tradition. In the list of her predecessors, for example, Akhmatova mentioned Pushkin scholars, and Pushkin himself as her teacher [Akhmatova 1986: 6].

The second quarter of the 20th century triggered democratization of Russian society [Engel 2004: 35] and permitted women's literature to obtain an official status in the faces of Bella Akhmadulina, Yunna Morits, and others. From this moment on, women started to concentrate on such issues as woman's inner world, women's definition of life, self-analysis, and complex nuances of people's relationships. Contemporary Russian writers such as Tatyana Tolstaya, Ludmila Petrushevskaya, and Ludmila Ulitskaya demonstrate the unique aesthetic of female perception, covering a wide range of topics, creative techniques, making this works partially autobiographical and putting a female character into the center of the narrative.

The advent of the Internet allowed for a new, more direct relationship between authors and read-

ers. Before they had never been in contact directly, except through the work. The text of the work was checked not only for the norms of literary language, but also for artistic value, compliance with the objectives of the publishing house with which the author collaborated. The magazine's assessment of the potential popularity of the text influenced the print run and coverage [Kochetkova 2010]. Feedback in the form of a review in a magazine was also carried out within the professional environment. Thus, the process of producing texts was carried out within the professional community, while the reader acted primarily as the final consumer of the product. While this production chain remains largely in place, the Internet has allowed a new line to emerge. Publication on the Internet solves the issue of circulation, the need to comply with certain aesthetic and ideological norms is replaced by moderation and compliance with legal norms. The medium has changed dramatically: the published text could now be supplied not only with images, but also with references to various media, including audio, and video compositions. Hypertextuality and interaction with the media made it possible to turn the text itself into a complex media statement.

The most important changes occurred in the paradigm of relations between the author and the reader. Anyone can create a work and publish it on the Internet. The lack of entry threshold or a need to belong to the professional environment, on the one hand, facilitated the emergence of new authors, on the other has led to the emergence of a large number of works, the artistic value of which lied exclusively in their inclusion into mass literature. The role of the reviewer, who evaluates and gives the author feedback on their activities, for the first time fell on the reader. The review directly influences the text's reach. Direct work with a mass audience and lack of professional control have shifted the focus of improvement from the actual literary component to the emotional impact.

As for internet poetry, the mass character of it (meaning not only the existence of poetry for the masses, but also the number of authors) is also the result of the sublime romantic view of creative activities and the figure of a poet. The feeling of belonging to the sublime, both by the author and from the perspective of the reader, satisfies elementary spiritual hunger [Papkovskaya 2019: 210]. Poets resort to a number of techniques to make an attempt to belong to the high-minded: they use archaisms and obsolete vocabulary, wordplay and polysemy, introduce romantic confessionalism and missionary didacticism, which encompasses religious motives and images [Papkovskaya 2019: 211], imitate creative works by the poets belonging to the Silver Age [Orlitskij 2015: 207], thus exploiting the means of "mass innovation". However, from the literary per-

spective, they do not introduce any poetic innovations, rather they apply the above-mentioned poetic universals to make their text sound majestic and aesthetically pleasant [Papkovskaya 2019: 213].

One of the authors who appeared and became famous thanks to the Internet is Vera Polozkova. Polozkova was born in Moscow in the spring of 1986. Her father left the family when she was little. As she claimed in her interview with "The School for Scandal" [Tolstaya, Smirnova 2010], she had seen him only once, when she was two. The family situation could not but affect the prospect author's view of life. While father remained a mythical figure (according to the interview, mother believed Vera could not have remembered her father's visit), the mother became the figure of authority. That could not but impact her understanding of what a woman is capable of in society.

In 2003, Vera Polozkova opened a personal blog *vero4ka* (later – *mantrabox*) on the service *Livejournal.com*. Polozkova quickly became a "thousander", the audience of the Living Journal almost immediately responded to the poetic sketches of her blog. At the same time Vera takes an active part in poetic evenings, and competitions. In 2006, Polozkova became a finalist of the youth poetic SLEB. The poet also won the Poet of the Year Award, sharing it with another internet poet Oleg Borichev.

In 2007 Vera Polozkova first performed a solo creative evening in the Bulgakov House, a well-known Moscow cultural center. A few months later, the first serious edition of Polozkova – the book "Непонимание" ["Misunderstanding"] was published with the support of the writer Alexander Shitinsky, who got acquainted with her work through the blog. "Ununderstanding" quickly won the hearts of readers, and a year later the poet became the winner of the "Informat" award.

In 2008, the poet's first trip to India took place. The "Country of Contrasts" made a lasting impression, and subsequently an "Indian Cycle" consisting of works from that period was formed as a result of the trip. Now Polozkova tries to visit this country regularly and brings new poems from each trip. It was then that the intimate lyrics of her work to some extent gave way to reflections on their own spiritual experience and relationships with the Divine beginning. This year the poet publishes a collection of poems "Photosynthesis" illustrated by photographer Olga Pavolga. This work has been reissued three times with a print run of more than thirty thousand books. In 2009, the poet decided to expand the medium of her work and published her first audiobook called "Photosynthesis" where she read her work to the soundtrack. In addition, "Photosynthesis" included both the author's comments by Polozkova herself, and some of her phrases, uttered during the recording.

In 2009, the poet met Eduard Boyakov, the founder, director, and producer of the "Practice" theatre (then "Polytheatre"). Boyakov invites Polozkova to take part in the poetic play "Poems of Love" based on the texts of the poetess. The production premiered in October of the same year at the Hammer Scene Theatre in Perm. Two years later, the premiere of the new play "Poems about Moscow" took place.

In the spring of 2013, Polozkova's third book of poems titled "Осточерчение" ["Andrawyance"] was published. The book consists of thirteen parts, it also includes works from "Short Meter" and "Indian Cycle". The same year, Polozkova was nominated for the Andrei Voznesensky Foundation's "Parabola" award [Titarenko 2014].

Interestingly enough, her position is reflected in her poetry, even in the earlier works, on several levels: in syntax (she uses masculine forms while speaking about the heroine), in the system of imagery (both explicitly and implicitly).

At the root of her poetic world stands the figure of her literary heroine. Polozkova uses the minimal number of masks, thus making her heroine very close with the poet. She is a poet, and her name is Vera. This trait is the result of Polozkova being an advent of Internet poetry. She is supposed to be as sincere, as close to her real self as possible. Naturally, much of the descriptions and references are made using words that refer to the female gender. However, there are cases in which the lyrical heroine switches to masculine forms [Elistratova 2013: 71].

The heroine regularly compares herself to animals, gives herself animalistic traits ("Но всегда упираюсь лбом в тебя, как слепыш" ["I poke my forehead at you like a mole rat"]) (Polozkova 2008a: 27); "Уйти навьюченной как осел" ["to stroll away loaded as a donkey"]) (Polozkova 2008a: 31)). Doing so, she uses the masculine animal names referring to herself, but does it where it is justified rhythmically and figuratively. In another combination ("он змею на груди пригрел" ["warmed the snake on the chest"]) (Polozkova 2008a: 22)) she takes on the word – image of the female kind. The word "mole rat", however, the masculine is justified by the lack of a feminine option in the literary language. Another example is "Я твой щен" ["I'm your pupper"]) (Polozkova 2008a: 82). The form is chosen due to its poetic expressiveness. "Pupper" – is a name for one's beloved dog, to find an analogous female word is quite difficult. However, there is always room for a neology, an author's new word (and Polozkova routinely uses the possibility of forming words – where she considers necessary – for example, the word "люболъ" ["lubol"] that comes from molding together "любовь" ("love") and "боль" ("pain") (Polozkova 2008a: 9).

An interesting look at the question gives a turn of speech “Я глупый пингвин” [“I’m a stupid penguin...”] (Polozkova 2008a: 82) that references “The Song of the Stormy Petrel” by Maksim Gorky [Gorky 1980: 4]. In order to preserve the intertextual connection, Polozkova also preserves the masculine form. The apparent discrepancy with the gender of the heroine only emphasizes, draws attention to the reference. Another example of the same kind is “Я ловлю его ртом, как пёс”, [“I catch it with my mouth like a dog”] (Polozkova 2008a: 31). However, unlike with Gorky’s example, here we see not the statement, but the whole comparison. The masculine form as an emphasis is also used in conjunction with swearing. “И мама перестанет плакать о том, что ты такой урод” [“And mom will stop crying about you being such a freak”] (Polozkova 2008a: 100). Once again, the use of the masculine kind causes defamiliarization.

While introduction of feminities may help determine the gender of a person regardless of the context, Polozkova invites the reader for a more artistic use of words that do not have a pair of an opposite gender. That helps to demarginalize the gender-specific forms and the genders themselves: the ability to equally use the words of any gender in conjunction with gender-specific notions promotes the equality of the genders more than creation of polarizing pairs [Valgina 2001: 45]. These unconventional uses are easily recognizable and catch attention, making images more spectacular.

As for the topics of interest, social problems are outside of Polozkova’s heroine’s field of view. Her attention is caught by emotions and emotional life of a person. There are three main oppositions that are covered in the poems:

- The heroine and He
- The heroine and other women
- The heroine and her close friends

Male images in Polozkova’s poems can be divided into the following groups:

- Beloved (and his variant – a former lover)
- God
- Fictional characters
- Famous personalities

The beloved of the lyrical heroine is one of the central images of Polozkova’s work. Their relationship is presented in two phases: 1) the beloved man begins to lose interest and 2) meeting long after the breakup with the former lover. The phase dictates the vocabulary and the images used. The “still in love” stage’s vocabulary emphasizes the young age of the hero (baby, boy), prince, boo, (Polozkova 2008a: 20). The former lover is described in a drastically different way. The “knockout, daredevil” turns into the “money pig” (Polozkova 2008b: 47).

If a lyrical heroine periodically compares herself to animals, the male character is a hunter: “Раз охотник – ищи овцу, как у Мураками... / Раз ты вода – так догони меня и осаль” [“Once a hunter – look for a sheep, like in Murakami... / If you’re water, oh, catch up to me and tag”], (Polozkova 2008a: 81)). However, at some points the heroine ceases to be exclusively a victim. Just as her beloved, she becomes a predator: “Мы всплываем друг другу в сны иногда – акулами, / я слежу за тобой по картам. я иду за тобой по стрелкам” [“In our dreams we are sharks sometimes. / I’m watching you on the cards, I’m following you by the arrows”] (Polozkova 2008a: 103).

While emotionally she appears to be suffering, she does not lose her driving power, intentions. The appearance of the beloved emphasizes the external signs, while reflecting the assessment of the lyrical heroine: “Он ветер; за гранью; без вести; вне игры. / Пусть солнце бесстыдно лижет ему вихры” [“He’s wind over the edge, missing, out of the game/sun licks his kiss-curls”] (Polozkova 2008a: 60), “Ты мой первый крик. И последний вздох” [“You’re my first cry and my last breath”] (Polozkova 2008a: 40), “Черной сажей. Злых волос твоих, злых ресниц” [“Black soot of evil hair, evil eyelashes”] (Polozkova 2008a: 15).

The descriptions are stacked in two templates – a black-haired prince and a blond angel. The lyrical heroine of Polozkova compares him to famous literary characters: Harry Potter (“Маленький мальчик, жестокий квиддич, ... / Бедный Гарри, теперь ты видишь” [“Little boy, brutal quidditch ... Poor Harry, now you see”] (Polozkova 2008a: 169), Childe Harold (“Такой мальчик был серафический, чайльд-гарольд,” [“The boy was so seraphic, Childe-Harold...”], (“Вот был город как город, а стал затопленный батискаф” [“It used to be a city and now it’s like a sunk bathyscaph”], (Polozkova 2008b: 128)), Peter Pan (“Мы летали бы над землей – Питер Пэн и Венди. / Только ты, дурачок, не хочешь со мной играть.” [“We’d have flown over the earth – Peter Pan and Wendy. / But you, dummy, don’t wanna play with me”] (Polozkova 2008a: 95), The Little Prince (Polozkova 2008a: 175). Interestingly, the lyrical heroine knows about her bias (“у меня к нему, знаешь, детство” [“I have a childhood towards him, you know”] (Polozkova 2008a: 59)). Even the image of a woman who captured the main character’s attention is compared to a boy (“Но она дугой выгибает бровь и смеётся как сорванец” [“But she arches her eyebrow and laughs like a tomboy”] (Polozkova 2008a: 107)).

Love between the lyrical heroine and the male character fills the heroine with suffering. The heat of love turns blood into oil/syrup, burns, dries. The doom and suffering of love are not unique to the lyrical

ical heroine and her lover: “В том, как люто девушки любят девушек / Что-то вечно чудится / Безысходное.” [“Girls love girls so ferociously, one cannot but feel despair”] (Polozkova 2008a: 19).

Another representation of the relationship between the heroine and the beloved – war: “С таких войн, как ты, никогда не прийти назад” [“After wars like you, no one ever comes back”] (Polozkova 2008a: 29), “Eternal Fire”, “Ношу тебя как заложника в своей голове” [“Carrying you like a hostage in my head”] (Polozkova 2008a: 35).

In later poems masks take place of the beloved – Joe (Polozkova 2008b: 27), Shikinho (Polozkova 2008b: 62). Playing around with one of these masquerades, Polozkova even comes to a “happy ending”: the beloved, who, as Don Juan, sought the ideal, falls in love with the heroine.

The dichotomy of the masculine and the feminine, which constitutes the basis of Polozkova's love lyrics, is subject to criticism. The lyrical heroine, having met the ex-lovers, rejects their advances. Sometimes despite the fact that she has feelings for them. Saving dignity, after being rejected, left for other women, becomes a priority.

Another important incarnation of the masculine in Polozkova's lyrics is the figure of God. There are two main vectors in the lyrical heroine's relationship with God. On one hand, God is the father, the source of the poetic gift, “искра божья” [“the God's spark”] (Polozkova 2008a: 18), which has to be repaid. He is the gold standard, the measure of importance and the power the lyrical heroine compares herself to. On the other hand, he is the culprit behind the suffering of the heroine. Love is repeatedly compared to gambling (poker, blackjack, bingo). God is presented as a player, or, more often, a dealer. Flame and embers of love (“...он расплавит меня с тобой” [“...he will melt me with you”] (Polozkova 2008a: 15)) are but a deadly amusement to God (“Если я проиграю, то тебя самого в коробку уложит – Бог” [“If I lose, God will make sure to put you into the box next to me”], (Polozkova 2008a: 81)).

When referencing God, Polozkova uses phrases that compare the figure of God to the one of a father: “Боженька нянчит, ни за кого не прочит, / дочек делить не хочет, а сам калечит. / Если графа «отец», то поставлен прочерк.” [“God babysits, he won't court you to anyone, / he doesn't want to share his daughters, he cripples himself. / If the blank space is for “father”, then the dash will be in it”] (Polozkova 2008b: 16). At a certain point Polozkova's heroine falls into spiritual crisis: “Из его кружевного вымысла получился сплошной макабр” [“His laced fiction turned into a pitch-black macabre”] (Polozkova 2008b: 78).

After realizing that she is the chosen one, the heroine accepts the suffering sent to her by God,

considering it to be part and the key to the existence of her gift. She consciously sacrifices herself, her happiness to continue to write.

Polozkova uses a large amount of fictional male characters from literature and films (as well as famous figures from mass culture), but not as a reference, but rather as an emotional anchor. These include Harry Potter (Polozkova 2008a: 169), the Little Prince, Guinness, Terry Pratchett (Polozkova 2008a: 76), Dorian Gray. These names create a link to a piece of information. The link is engaging the reader into the circle of people with similar cultural background and brings in the emotional contents of the image. The philosophy and values that usually come with references in Polozkova's verses are left out. The simplification and inclusion are the basis of identity rhetoric. “Я была Ромулом – ты был Ремом ... / Мы как Джим Моррисон и Сэд Вишез.” [“I was Romulus – you were Rem ... We're like Jim Morrison and Sad Wishes”] (Polozkova 2008a: 68); “Мы мстительны, как Монтекки” [“We're as vindictive as Montagues”] (Polozkova 2008a: 76); “Мы идем к остановке, словно Пилат с Га-Ноцри” [“We're walking to a bus stop like Pilate and Ga Notsri”] (Polozkova 2008a: 101).

Poems contain emotional anchors connected not only to specific images, but to poetic figures. For Polozkova's lyrical heroine Iosif Brodsky, Vladimir Mayakovsky, Velimir Khlebnikov become figures of poetic authority [Bryukhanova, Shevchenko 2018: 93]. While recognizing the authority, Polozkova repeats in all her interviews that she would prefer to be clumsy, clumped, but original than the second after a renowned figure [Vasyakina, Polozkova 2019].

Overall, the heroine always makes a choice whether she accepts the authority and feelings the male figure provides. Even if she cannot change her own feelings (as they are deemed to be of divine origin), even when facing the divine being's will, she consciously accepts (or declines) them, thus empowering the figure of a woman in the world view. We cannot really state that she is completely independent – she is still under the spell of her emotions. She is still a human. However, her dependency is within her control.

The relationship of the heroine with other women and their depiction indirectly reflects the author's position on woman's role in a relationship. The contact with them is always intermediated. The heroine always addresses mother and friends directly. Other women are necessary only as a contrast to the lyrical heroine in the relationship with the male character. To introduce the reader into a certain cultural context, Polozkova fills the world of the lyrical heroine with cliched images – for instance, cigarettes, samбуca, etc. However, it is the “other” women that are targeted with negativity for adherence to clichés:

“Вон уже дует губки подружка твоя и пялится за окно” [“Your girlfriend is already pouting her lips and staring at the window”] (Polozkova 2008a: 35), “That one will build a nest” (Polozkova 2008a: 38), “Я могу ведь совсем иначе: оборки-платьяца, мысли-фантики, губки-бантики, ближе к массам” [“I can do it, oh, so differently: frills-dresses, / thoughts-candy wrappers, lips-bows, closer to the masses”] (Polozkova 2008a: 104).

The two models are even compared directly:

Он хочет к той, из отеля Плаза. [He wants to go to the one from the Plaza Hotel.]

Они мила и голубоглаза [She’s nice and blue-eyed.]

И носит розовые чулки [And wears pink stockings.] ...

То, что меня узнают без грима [... That I’m recognized without makeup]

И то, что я, к сожалению, прима [And that I’m, regrettably, the prima]

И никогда не ношу чулок [I never wear stockings.]

Я ноль. Я дырочка в номерке. [I’m zero. I’m a hole in the check.]

Но – буду профилем на монете. [But – I will be a profile on the coin.]

(Polozkova 2008b: 159)

“Others” take upon themselves the clichés of traditional family life and thoughtless social flutter, both estimated negatively, “Fatal is where there’s a veil and a saucer for the rings” (Polozkova 2008a: 38).

Interestingly, describing the ideal man in one of the poems, the lyrical heroine uses specifically standard, banal phrases herself, despite seemingly despising those in others (“... to feel beside him like behind a stone wall...”, (Polozkova 2008a: 55)). While her and her counterparts’ ideals may concur, she is the only one with the voice. One hand, because the poems are her voice. On the other, because without such a strong voice a woman becomes a doll. The poetry itself becomes such a voice for the reader.

The images of heroine’s friends show that her fixation on her lover being her choice is not the only choice a woman can have. There are female characters in love with each other.

One of the themes not covered in the oppositions is the social one. Vera always mentions in the interviews that she is from a poor family, raised by a single mother. However, the social turbulences cannot really be included as one of the oppositions as the heroine does not really feel opposed. Her heroine struggles, yet the struggle is mostly internal, even concerning her work. “Прямо вот души не чает в Вере мыслящий народ./ Всё, что ей ни поручают – непременно ****” [“The smart people are fond of Vera / Whatever they ask of her she fails”] (Poloz-

kova 2008a: 80). Whatever struggles she overcomes to get a job, the hardest part for her is completing it. The same theme emerges in the heroine’s meet up with her ex-lover. “Если ты про книжку – то у меня тут случилась книжка, / Даже можно хвастаться тиражом. ... Что с тобой хотелось бы поделиться – / Если б ты когда-нибудь да пришел” [If you’re (talking) about the book – My book has happened / And I can even boast about the print run ... so much that I’d have loved to share with you / If you ever came.] Again, the focus is not on the struggle of getting there, rather, on internal feelings. The heroine achieves success once so desired. This image of a person, for who even major success is not the focus of attention conveys power. For a woman, this means she’s not just capable to achieve financial success, but she can strive for a deeper meaning while being financially successful.

The central image of the view of the world in Polozkova’s poetry is the image of the lyrical heroine. Her intentions breathe life into other images. Her pain gives life to the beloved, her prayers – to God, her resentment – to offenders and enviers. She always makes the decision herself, takes on herself the role of the suffering, the rebellious one and does so with full consciousness. Using the analysis, it is possible to define logical semantic nests – love, creativity, relationships, faith.

Love is an important element of the view of the world. The lyrical heroine’s anguish of love is the source of her inspiration. She accepts and welcomes it. Although she always on the losing side of the struggle (with the beloved) or game (against God), she consciously faces it and refuses to accept defeat. The linguistic means of description of emotions include popular images that invoke response – an associative connection in the reader’s mind.

The anguish of love helps the heroine to write. It is the source of creativity bestowed by God. Suffering is the payment for the gift, and the more talented, the more gifted a person is the more pain in struggle he or she must withstand. In the linguistic picture of the world there are no exclusively male descriptive images. Male forms are used as an artistic means for female characters – for the emphasis and at the same time as the distribution between the genders. The image of the lyrical heroine is formed in comparison and in opposition to other characters. Thanks to syntax and semantic contrasts, images of “other women” – the caricaturing shadows of the main character appear.

This technique of distancing oneself, describing emotions through events in the life of fictional characters – masks, is actively used by Polozkova in the collection “Photosynthesis” and later poems. Masked love stories, infidelities, passions are characterized by standard development. Stereotypical

situations become the object of the creative research. The subject is the emotional content.

Especially in early interviews, Polozkova was quick to distance herself from feminism [Dodolev 2015]. At the same time, she has been, admittedly, facing a fair amount of gender-specific criticism [Vasyakina, Polozkova 2019]. Feminism as an active movement has never been close to her: early in her career she found herself distanced from the main body of literary community and to an extent – from the social networks crowd that sparked her success in the beginning. Due to several personal conflicts the social activism became less of a priority [Kosyrev 2013]. At the same time, her poetry tells the story of personal struggle and empowers the heroine as the only person who makes decisions about her life. Whether she faces the struggle or accepts her own feelings, she does so in full consciousness, disillusioned of the consequences. The idea that a woman in our society is not just an incarnation of a trope (“be it a doll or a damsel in distress”), but a conscious independent person, equal in rights and possibilities, equal in weaknesses, is a strong tool of education. Nowadays, when social media activity tends to become more of a noise, a tool of self-promotion rather than a means to bring change to a field, this educational way of approaching women’s equality is more likely to make a difference. Moreover, it not only affects women, but also enlightens men on the matter. In Russian literature-centric culture this seems to be the most way to influence society’s opinion, considering the opposition to activism from the government and the church, this might be just the way to introduce ideas without creating an open confrontation [Johnson, Saarinen 2013].

I would like to emphasize that the emotional component is fundamental to the lyrics of the poet. It is the reason why she uses stereotypes and literature images as references – they are emotionally charged. Poems about the fate of masks as a study of emotions in this context become a tool of research, a search for answers to other people’s feelings, emotions, experiences, for conflict resolution in the real world. I believe that her uniqueness as a poet can be attributed to dialogues or quasi-dialogues: they often involve analyses of various actions, relationships, conversations, travelling and etc. Polozkova quite often addresses somebody or something, thus developing a message (resorting to self-analysis) and bringing the reader to the culmination, conflict resolution, when she faces the world or a real interlocutor.

Moreover, the uniqueness of Vera Polozkova’s work lies also in her ability to competently create individual-author words, thus emphasizing and highlighting key ideas and semantic aspects in her works [Elistratova 2012: 144]. The majority of “word-

forming occasionalisms” in the works of Vera are formed in a use way. The following examples illustrate the above-mentioned idea:

1. “Слезы повылей чуть...” [“Cry out a little...”] (“Повылей” [“Cry out”] means to cry to calm down; prefix used to emphasize incompleteness) (Polozkova 2008a: 110);

2. “Доумру” [“I’ll finish to die”] is an occasionalism created as an original antonym to the verb “доживу” [“I will live though”] (Polozkova 2013: 156);

3. “Можешь хмуриться большелобо и сощуривать взгляд медузий” [“You can frown foreheadly-enlarged and screwing up your Gorgonish eyes”] the word “медузий” [“Gorgonish”] is used with a negative connotation, but it is invented by analogy with the words “лисий” [“foxy”], “волчий” [“wolfish”]. // URL: <http://mirpoezy-lit.ru/books/6640/34/>

It noteworthy to mention that for creating author’s occasionalisms, Polozkova often resorts to substandard language, jargon, less often to swear words to express her unique, honest, inimitable, a little colloquial, but not fanciful expressiveness.

Vera Polozkova is an outstanding representative of the transitional generation, which grew up in the harsh 1990s and reveals its maturity in modern transition years. She, as once Igor Severyanin, boldly reveals the so-called simple, in some way mundane themes, feelings, and experiences. Of course, in a certain way, she is catering to the tastes of the audience, but she does it boldly and consciously. And, if previously poetry had always been regarded as something deeply spiritual, elevated, and detached from life, it was Polozkova who made it something natural, everyday, but therefore of no less spirituality or essence.

The topic of “transition society” at one time was also touched by Mikhail. Yu. Lermontov, but he like many poets of the past years chose to expose the vices of his contemporaries. Polozkova, on the contrary, as a creator praises and loves the society she lives in, becoming a friend to her reader, and not a reprover, which is especially valuable today. And this is even more valuable for literature, where most authors have taken and take the position of a punishing mentor rather than a good friend.

Today, Vera Polozkova’s name is a recognizable brand. And society needs her timely, friendly poems, written in simple words about everyday household problems, situations, and events to feel that they are not alone. There is at least one poet living life as it is, not as it is beautifully shown on Instagram.

As Polozkova once said in one of her interviews that half of her life she was a little shy of her “common” surname, she wanted to have a more delicate one. “But it is something internal, like a physiologi-

cal inability to wear hair extensions or false nails: in this life, I can only be myself. Loud, bulky, strange, uncomfortable to everyone, and Vera Polozkova". URL: <https://miridei.com/success-ideas/zvezdnaya-zhyn/razgovor-po-dusham-s-veroj-polozkovej-25-voprosov-i-otvetov/2/>

This is what makes contemporary poet Vera Polozkova, a young woman who has made poetry, in a good way, everyday for many people and it is very different from most of her predecessors.

Literary Sources

The World of Poetry – The Literature Portal. URL: <http://mirpoezylit.ru/books/6640/34/> (дата обращения 21.03.2022).

The World of Ideas – Online Women's Magazine. URL: <https://miridei.com/success-ideas/zvezdnaya-zhyn/razgovor-po-dusham-s-veroj-polozkovej-25-voprosov-i-otvetov/2/> (дата обращения 21.03.2022)

Polozkova V. *Nepoemanie*. St. Petersburg, Gelokon-Plus Publ., 2008, 212 p. (In Russ.)

Polozkova V., Pavolga O. *Fotosintez* [Photosynthesis]. Moscow, Livebook Publ., 2008, 112 p. (In Russ.)

Polozkova V. *Ostocherchenie*. Moscow, Livebook Publ., 2013, 192 p. (In Russ.)

References

Akhmatova A. A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, vol. 2, pp. 6-7. (In Russ.)

Bryukhanova Yu. M., Shevchenko S. A. Samoidentifikatsiya poeta v tvorchestve V. Mayakovskogo i V. Polozkovoy [The self-identity of the poet in the works by V. Mayakovsky and V. Polozkova], *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], 2018, issue 4 (21), pp. 91-95. (In Russ.)

Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Active Processes in the Modern Russian Language: A tutorial for university students]. Moscow, Logos Publ., 2001. 304 p. (In Russ.)

Vasyakina O., Polozkova V. Vot tut menya voznenavideli po-nastoyashchemu [Here I was hated for real]. *Gorky Media*, 2019. Available at: <https://gorky.media/context/vot-tut-menya-voznenavideli-po-nastoyashchemu/> (accessed 10 Aug 2021). (In Russ.)

Gorky M. *Pesnya o Burevestnike: rasskazy* [The Song of the Stormy Petrel: Stories]. Yaroslavl, Verkhne-Volzhskiy Publishing House, 1980. 64 p. (In Russ.)

Dodolev E. Yu. 'Ya za glavenstvo muzhchin': interv'y u Very Polozkovoy ['I'm for men's primacy':

Interview with Vera Polozkova]. *Pravda24tv*, 2015. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=h_x58nHPIMk (accessed 10 Aug 2021). (In Russ.)

Elistratova K. A. Muzhchina glazami zhenshchiny: k voprosu o spetsifike predstavleniya obraza muzhchiny v sovremennoy zhenskoy poezii (na materiale poeticheskikh tekstov Very Polozkovoy) [Man through the eyes of a woman: On the peculiarities of the representation of man in modern female poetry (based on the material of poetic texts by Vera Polozkova)]. *III International scientific conference 'European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches (Evropeyskie prikladnye nauki: sovremennye podkhody v nauchnykh issledovaniyakh)*'. May 20-21, 2013. Stuttgart, Germany, 2013, vol. 2, pp. 71-73. (In Russ.)

Elistratova K. A. Polikodovaya yazykovaya lichnost' poeta: lingvosemioticheskiy aspekt (na materiale poeticheskikh tekstov Very Polozkovoy) [Polycode linguistic persona: Linguosemiotic aspect (based on the poetic texts by Vera Polozkova)]. *Scientific Dialogue*, 2012, issue 12, pp. 137-147. (In Russ.)

Katkov M. N. Sochineniya v stikhakh i proze grafini S. F. Tolstoy [Works in verse and prose by countess S. F. Tolstaya]. *Otechestvennye Zapiski* [Annals of the Fatherland], 1840, pp. 15-50. (In Russ.)

Kosyrev D. 'Ostocherchenie' i gor'kiy put' Very Polozkovoy na vershinu ['Getting fed up with' and Vera Polozkova's bitter path to the top]. *Ria News*, 2013. Available at: <https://ria.ru/20130517/937842039.html> (accessed 26 May 2021). (In Russ.)

Kochetkova N. Poet v Rossii bol'she ne poet [A poet in Russia is no longer a poet]. *Izvestiya*, 2010. Available at: <https://iz.ru/news/359911> (accessed 13 Apr 2021). (In Russ.)

Orlitskiy Yu. B. *Sovremennaya russkaya poeziya v svete kontseptsiy neobkhodimogo raznoobraziya* [Contemporary Russian Poetry in the Light of Concepts of Necessary Diversity]. Ed. by G. V. Ivanchenko, D. A. Leont'ev, Yu. B. Orlitskiy. Moscow, Smysl Publ., 2015, pp. 49-209. (In Russ.)

Papkovskaya N. A. *Poetika uspekha: sredstva yazyka i stilya massovoy internet-poezii* [Poetics of Success: The Means of Language and Style of Mass Online Poetry]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2019, pp. 210-214. (In Russ.)

Titarenko A. Bez snobizma o tom, pochemu nam нравятся Vera Polozkova [Why do we like Vera Polozkova, snobbery-free]. *Snob*, 2014. Available at: <https://snob.ru/profile/27563/blog/79978/> (accessed 11 Oct 2021). (In Russ.)

Tolstaya T. N., Smirnova A. A. Shkola zlosloviya. Interview with Vera Polozkova. *Youtube*, 2010. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=SVSbL6lhG2s> (accessed 11 Oct 2021). (In Russ.)

Engel B. A. *Women in Russia 1700-2000*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 275 p. (In Eng.)

Johnson J. E., Saarinen A. *Twenty-First-Century Feminisms under Repression: Gender Regime Change and the Women's Crisis Center Movement in Russia*. University of Chicago Press, 2013, vol. 38 (3), pp. 543-560. (In Eng.)

Список литературы

Ахматова А. А. Сочинения: М.: Художественная литература, 1986. С. 6–7.

Брюханова Ю. М., Шевченко С. А. Самоидентификация поэта в творчестве В. Маяковского и В. Полозковой // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4(21). С. 91–95.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2001. 304 с.

Васякина О., Полозкова В. «Вот тут меня возненавидели по-настоящему» [Электронный ресурс] // Горький Медиа. 2019. URL: <https://gorky.media/context/vot-tut-menya-voznenavideli-po-nastoyashhemu> (дата обращения: 10.08.2021)

Горький, М. Песня о Буревестнике: рассказы. Ярославль: Верхне-Волж. книж. изд-во. 1980. 64 с.

Додолев Е. Ю. Я за главенство мужчин: интервью Веры Полозковой // Pravda24tv, Youtube, 2015. URL: https://www.youtube.com/watch?v=h_x58nHPIMk (дата обращения: 10.08.2021).

Елистратова К. А. Мужчина глазами женщины: к вопросу о специфике представления образа мужчины в современной женской поэзии (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) // 3rd International Scientific Conference. European Applied Sciences: modern approaches in scientific researches. Hosted by the ORT Publishing and The Center For Social and Political Studies "Premier". Vol. 2. May 20–21, 2013. Stuttgart, Germany, 2013. С. 71–73.

Елистратова К. А. Поликодовая языковая личность поэта: лингвосемиотический аспект (на материале поэтических текстов Веры Полозковой) // Научный диалог. 2012. Вып. 12. С. 137–147.

Катков М. Н. Сочинения в стихах и прозе графини С.Ф. Толстой // Отечественные Записки, 1840. С. 15–50.

Косырев Д. «Осточерчение» и горький путь Веры Полозковой на вершину [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2013. URL: <https://ria.ru/20130517/937842039.html> (дата обращения: 26.05.2021).

Кочеткова Н. Поэт в России больше не поэт [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/news/359911> (дата обращения: 13.04.2021).

Орлицкий Ю. Б. Современная русская поэзия в свете концепций необходимого разнообразия // Поэзия: опыт междисциплинарного анализа / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева, Ю. Б. Орлицкого. М.: Смысл, 2015. С. 49–209.

Папковская Н. А. Поэтика успеха: средства языка и стиля массовой интернет-поэзии. Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2019. С. 210–214.

Титаренко А. Без снобизма о том, почему нам нравится Вера Полозкова [Электронный ресурс] // Сноб. 2014. URL: <https://snob.ru/profile/27563/blog/79978/> (дата обращения: 11.10.2021).

Толстая Т.Н. Смирнова А.А. Школа злословия. Интервью с Верой Полозковой. Youtube, 2010. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SVSbL6lhG2s> (дата обращения: 11.10.2021).

Engel B. A. *Women in Russia 1700-2000*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 275 p. (In Eng.)

Johnson J. E., Saarinen A. *Twenty-First-Century Feminisms under Repression: Gender Regime Change and the Women's Crisis Center Movement in Russia*. The University of Chicago Press. 2013. Vol. 38 (3), pp. 543–560. (In Eng.)

Амбивалентный феминизм Веры Полозковой: переосмысление русской поэзии в эпоху Интернета

Александра Андреевна Лукина

**старший преподаватель департамента языковой подготовки
и межкультурной коммуникации**

Финансовый университет при Правительстве РФ

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский просп., 49. laalukina@gmail.com

SPIN-код: 2228-7919

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4955-195X>

Статья поступила в редакцию 12.11.2021

Одобрена после рецензирования 04.03.2022

Принята к публикации 12.04.2022

Информация для цитирования

Lukina A. A. Vera Polozkova's Ambivalent Feminism: Reimagining Russian Poetry in the Internet Age // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 101–110. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-101-110

Аннотация. Статья посвящена анализу работ Веры Полозковой, известной представительницы современной российской женской интернет-поэзии, которая завоевала популярность благодаря своему противоречивому положению в российском обществе. Актуальность работы обусловлена присутствием автору феминизмом как имплицитной формой расширения прав и возможностей, которая передается читателю в ее стихах и предлагает мощную парадигму для понимания русской поэтической культуры в эпоху Интернета.

Материалом для анализа послужили 4 печатных сборника, изданных автором, а также 7 интервью с ее участием. Анализ материала показал, что несмотря на свое дистанцирование от феминизма и любой политической активности, Полозкова стала символом поиска присущего ей феминизма, который предлагает новые образы и парадигмы для изучения женской сущности. В статье также рассматривается становление Полозковой как видного деятеля культуры через контексты женской интернет-поэзии в русской культуре с начала XVIII в. вплоть до наших дней. Описываются главные темы и мотивы интернет-поэзии автора, а также проводится анализ языковых и художественных средств, использованных в работах Полозковой, с учетом классификации элементов поэтики феминистского дискурса автора. Главный вывод, который позволяет сделать выполненное исследование, заключается в том, что в российской литературно-ориентированной культуре интернет-поэзия является одним из лучших способов повлиять на общественное мнение, принимая во внимание социальные противоречия между разными сторонами общества.

Ключевые слова: русская поэзия; феминизм; современное российское общество; литературный анализ; интернет-поэзия.

Handicraft versus Chivalry: Town Community and Historical Progress in the Later Novels of Walter Scott¹

Boris M. Proskurnin

Professor in the Department of World Literature and Culture

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Submitted 01 Mar 2022

Revised 19 Apr 2022

Accepted 04 May 2022

For citation

Proskurnin B. M. Handicraft versus Chivalry: Town Community and Historical Progress in the Later Novels of Walter Scott. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 111–119. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-111-119 (In Eng.)

Abstract. The article is devoted to two novels by Walter Scott in which the writer demonstrates his vision of the late Middle Ages having taken France and Scotland as bright examples. In these works, Scott, both at the level of the general concept, which reflects his understanding of historical progress, and at the level of the images of the novels and their narratives, reconstructs socio-political and moral-psychological role of the standoff between chivalry and town communities in the dynamic of the time. The novels convincingly show the peculiarity of the late stage of Scott's creative work, when the narrative importance of the love-adventure knot in the plot increases, as does the role of real historical figures. In the after 1819 Scott's novel, more obvious is the writer's desire to embody his understanding of historical laws, based on a mixture of conservative and progressive assessments of the dynamics of history. He does it with the help of both the narrator's comments and digressions, often constructed as a talk between a historian, an expert in the times under analysis, and a reader, and the central images of the novels. For the ideological and artistic wholeness of the works, the collective images of Liege and Perth, presented by means of a 'general plan' and bright individualized images of citizens, are fundamentally important. Colourful and at the same time super important for the historisophical idea of the novels are the images of the 'outgoing class' – chivalry: in each of them, the degree of 'falling out' of the dynamics of history is emphasized and becomes character-forming. At the same time, the article accentuates, especially in *The Fair Maid of Perth*, the author's idea of changing not only economic but also moral leader in the late Middle Ages: the defining role is gradually passed on to the townspeople. In this respect, the image of Catharine Glover, the titular heroine, acts in the novel as the writer's 'Reasoner'. The article also traces the nature of the coexistence of romantic and adventurous (in relation to the novel about Perth – romantic and Gothic) and socio-psychological principles of creating the 'image of the era'.

Key words: historical novel; historical narrative; medieval Scotland; medieval France; medieval culture; medieval town community; historical progress.

Walter Scott (1771–1832) is one of the writers whose creative work has been a subject of deep academic interest since the very beginning of his career. This interest has had its ups and downs but it never stopped, especially in Scotland where Scott studies are of permanent character. When you look at the

world *Scottiana* you quite soon realize that there is no piece of Scott's literary works which has not been touched upon by Scott researchers, who approach to the writer's artistic world from various academic points of view. Yet, actuality, and even necessity to study the work of Scott are high due to the fact that

historical narratives are among the most widespread ones in world literature for two and a half centuries. Jerome de Groot is right when he remarks that any bookshop's Historical Fiction section in any country demonstrates a spectacular range of genres, types of writer, periods of history depicted [de Groot 2010: 2]. The genre which Scott generated is full of amazing survivability, generic rules he laid down are both of the greatest interest and a serious challenge for many writers who dare to enter the area of the historical novel. Any researcher of the contemporary state of the genre has to return to Scott's experience, to the core generic code which emerged from his creative consciousness. The actuality of Scott studies is also obvious when we think of the development of such a feature of literature as historicism – an integral part of any realistic narration whether it is about the past or the present.

So, when we start studying the ways Walter Scott depicts the standoff between chivalry and burghers in his *Quentin Durward* (1823) and *The Fair Maid of Perth, or Saint Valentine Day* (1828) we may assert that from such a research angle the two novels together and in comparison have not been yet looked at, while such an approach allows us to analyze the very interesting results of Scott's depiction of the main social conflict in the late medieval social milieu: the novels transfer us into the period of the European history called 'The Mature Middle Ages' – XIV – XV centuries. It is also worth noticing the peculiar places of these two novels in the works of the writer; it will help us to understand the grounds and the ways Walter Scott thinks of this conflict and of the development of the European history on the whole.

Quentin Durward is Scott's first 'fictional foray onto the European continent' [Alexander 2002: 239]. In *The Fair Maid of Perth* Walter Scott 'comes back' to Scotland; it is his last novel set in the writer's native country. In *Quentin Durward* Walter Scott primarily explores the historical role of Louis XI, and this exploration once again shows him as a solid historian. This aspect of Scott's creative work is well discussed in the world *Scottiana*: Herbert Grierson [Grierson 1938], George Young [Young 1958], David Delvin [Delvin 1969], James Kerr [Kerr 1989], Mark Spencer [Spencer 2011], and many others wrote convincingly and evidently about Scott as a profound historian, who is known to have influenced such prominent historians as Thomas Carlyle, Augustin Thierry, Thomas Macaulay, Prosper Barante, and who inspired their and many others' historical views. Remarkably, this influence is mostly connected with Scott's novels and only in the second turn – with his 'pure' historical works, such as *The Life of Napoleon Buonaparte* (1827), *The History of Scotland* (1829 – 1830), etc. As early as 1933 Thomas Preston Peardon in *The Transition in*

English Historical Writing, 1760 – 1830 wrote: 'Sir Walter Scott has generally been regarded as the chief link between nineteenth-century Romanticism and historiography' [Peardon 1933: 214].

In *Quentin Durward*, as Simon Edwards asserts, we see 'a profound and troubling representation of the passages of modernity' [Edwards 2001: 294]. The XV century is supposed to be the time when the Middle Ages were over, and a new, modern, age began. The formation of this new world took place mainly in towns which rapidly and inevitably gained economic and political strength with their republican type of inner city life and growing sense of community as a substantial element of republicanism (see more about it in [Город в средневековой цивилизации Западной Европы 2000, т. 3; Город в средневековой цивилизации Западной Европы 2000, т. 4; Lynch, Spearman, Steel 1988; Hall 2002; Denison 2017]). Jill Rubenstein argues, that *The Fair Maid of Perth*, among other aspects, should be seen as a story about the inevitable move in Scotland towards progressive bourgeois society, albeit with a peculiar and limited democracy [Rubenstein 1971: 135]. In relation to the Scottish medieval towns, the concept of democracy is more familiar, because, as historians note, in "Scottish towns there were far fewer craft-guilds" [Lynch, Spearman, Steel 1988: 12] which were, as a rule, the basis for social stratification of medieval townsmen and the source of oligarchism. In *The Fair Maid of Perth* Scott demonstrates his deep understanding of many social and moral processes which took place in medieval Scotland and gives his dramatic account of emerging new, modern, Scotland with the loss of the decisive role of clans in the Highlands and the formation of a bourgeois social and cultural paradigm of life in the Lowlands.

Here, we can't but agree with Scottish literary scholar Thomas Crawford who writes that Scott makes 'imaginative models of real historical processes and their inner conflicts' (quote from [Delvin 1969: 75]). It would be fair to remember here the words of Augustin Thierry, one of the founders of history as a science, who preferred 'this great writer' to 'petty and dull erudition of prominent modern historians' (quote from [Реизов 1956]). This observation brings us to the thoughts on distinctiveness of the later novels of Walter Scott as the reflection of his historicism's development.

The creative activity of Walter Scott as a novelist is usually divided in two parts and the year of 1819 marks the border. It is supposed that *Ivanhoe* (written in 1819, published in 1820) opens the new stage in Scott's novelistic art. In the later novels of Walter Scott we see expanding the subject matters and geographical coverage: the novels are set not only in the Scottish Highlands and/or Lowlands, but also in var-

ious parts of Europe and further – in England, Wales, France, Switzerland, Palestine. The writer, metaphorically speaking, dives into more distant times: into the XI century in *Count Robert of Paris* (1832), the XII century in *Ivanhoe* (1820), in *Bethroned* (1825) and in *The Talisman* (1825), the late XIV century in *The Fair Maid of Perth* (1828), the XV century in *Quentin Durward* (1823) and in *Anne of Geierstein* (1829), the XVI century in *Kenilworth* (1821), *Monastery* (1820) and in *The Abbot* (1820), the XVII century in *The Pirate* (1822), *Woodstock* (1826) and *The Fortunes of Nigel* (1822); the nearest XVIII century was already well explored by him in the Scottish novels of the first stage beginning with the most famous *Waverley* (1814).

In the later period we notice Scott's increasing trend of generalizations though he continues to believe that 'bygone ages of the world were actually filled by living men, not by protocols, state-papers, controversies and abstractions of men' [Delvin 1969: 72]. At the same time, as John Raleigh reasonably remarks, Scott's 'recreated past was peopled not only by concrete individuals but by historical forces as well' (quote from [Delvin 1969: 85]). Avrom Fleishman rightly noticed that historical novels, and Scott's ones too, are characterized by "the active presence of a concept of history as a shaping force" (quote from [Shaw 1983: 28]). The art to show the fates of his historical personages (mostly fictitious) as the results of the work of historical forces is a generally recognized manifestation of Scott's genius to combine human nature and human passions with the dynamics of historical process. In the later novels the scenery, quite often placed in the author's *Introductions* or in frequent digressions, is not so amazingly (and quite often tediously) plentiful, so earnestly (and sometimes annoyingly) didactic and *kulturträgerisch*, once the author prefers to give the spirit of the reconstructed epoch with the help of the adventures and psychological dilemmas of his personages (increase of the intricacy, including moral and psychological ones, in later novels of Scott is a well-known observation). The tradition to have Author's *Introduction* does not disappear in his later novels; they still carry on some serious research attributes. Of our two novels, it is obvious in *Quentin Durward*, where, as it was already mentioned, Scott gives an expanded explanation as to why, for the sake of the adequate picture of the late Middle Ages' role in European history, he chooses the figure of Louis XI.

It is obvious, that along with, metaphorically speaking, going beyond the frames of Scottish history, there is the writer's wish to understand certain laws of history in general. One of the consequences is the notable increase in Scott's famous historical anachronisms for which he was and is severely criti-

cized by professional historians. Anachronism, as many of us know, is a deliberate mixing characters, artifacts, events, etc. of various (but close) historical times for the sake of a more obvious and convincing delineation of the historical development vector. At this point, we have to stress Scott's serious interest in the progressive direction of the vector of history, his wish to catch the spirit of the definite time both in peculiar details and in the aspect of its place on this vector and to show both the process of this spirit's formation and the consequences this spirit produces in the context of the future. That is why Scott's protagonist (quite often despite the narrator's ironical presentation of him) traditionally embodies if not the future, at least the trend of the future that has begun to be signified. Thus, Scott's protagonist (in this case, these are, in addition to the titular heroes, medieval towns, collective heroes; fuller in *The Fair Maid of Perth*, as an outline in *Quentin Durward*), as a rule, belongs simultaneously to the time of 'here and now' and to some future (which has already happened, taking into account the distance between the historical time and the time of the reader). Let us remember *Ivanhoe*, *Quentin Durward*, *Sir Kenneth* (*Talisman*), *Markem Everard* (*Woodstock*). The anachronisms are directly connected, in their turn, with Scott's increased attention to the laws of history, to historical patterns, their formation and operation; it is the reflection of his understanding history as a progressive advance, as a headway.

This increasing interest in generalizations does not lead to the impoverishment of descriptions of everyday life, or to sparse accounts of antiquity; Scott was known as a passionate lover of antiquity (he was an ardent member of the Scottish Antiquarian Society, of which see more [Лазарева 2009]). We know how scrupulous the writer was when depicting geographical, ethnographical, cultural, economic and political aspects of the times represented in the novels. Nevertheless, in his later novels Scott reduces his efforts to reconstruct the settings for the sake of clearer and speedier understanding of the inevitable cultural and political changes in the historical process (i.e. the work of the laws of history); in the case of the novels being considered here, another, more progressive, historical paradigm emerges within the one which is under scrupulous view.

In the Author's *Introduction* to *Quentin Durward*, chiefly devoted to Louis XI and his role in French history of the XV century as Scott understood it, the French king is characterized as 'none was better able to sustain and extol the superiority of the coarse and selfish reasons by which he endeavoured to supply those nobler motives for exertion which his predecessors had derived from the high spirit of chivalry. In fact, that system was now becoming ancient, and had, even while in its perfec-

tion, something so overstrained and fantastic in its principles, as rendered it peculiarly the object of ridicule, whenever, like other old fashions, it began to fall out of repute; and the weapons of raillery could be employed against it, without exciting the disgust and horror with which they would have been rejected at an early period, as a species of blasphemy. <...> The principles of chivalry were cast aside, and their aid supplied by baser stimulants [Scott *Quentin Durward*: electronic resource].

Having given an adequate historical portrait of Louis XI, Scott also stresses the role of ‘the large trading towns of Flanders’, which Louis ‘aided and encouraged’ [ibid] and which played a serious role in the political struggle of the King of France and the Duke of Normandy. We realize that this conflict has not only political and local connotations, it was the conflict of the outgoing era (the era of feudal strife which is represented in the novel by the Duke) and the incoming era – the era of centralized power (at that moment – the power of a monarch); and townspeople, burghers, were on the side of a monarch as this kind of power guaranteed them a peaceful and prosperous existence due to its predictability and stability. According to Scott, the townspeople in *Quentin Durward* defended and carried on the future, despite the ironical tone of the depiction of the city of Liege and its people in Chapter XIX; this tone is used because narratively we are within the perspective of the hero, a Scottish high-born highlander for whom the mercantile spirit is completely unacceptable. Though, to stress the novelistic mastery of Scott, it should be said that the burghers, whom Quentin Durward disdained, helped him to gain his love and happiness. Any reader of the novel easily notices the changes of tone in depicting Messier Papillon, the Syndic of Liege (the Head of Town community), who, though a burgher perceived by Quentin Durward ironically, even with slight snobbery and disgust, out turned to be ‘a terrestrial philosopher, entirely busied with the things of the earth’ [*Quentin Durward*; electronic resource], a very hospitable master of the home and a person of intelligence and resolution in a difficult socio-political situation.

In *The Fair Maid of Perth* Scott expresses the idea of the future belonging to towns and its people more definitely and richly, through the whole artistic system of the novel and not just in the *Introduction* and several chapters as in *Quentin Durward*. Even more striking, in this first novel about medieval Scotland, of three forces, the tensions among which determine the historically true conflict – chivalry, townsmen and highlanders – the triumph is with the townsmen, and it is not by chance that Scott gives such a title to his novel and nominates as the spokeswoman of reason, the young and beautiful Catherine Glover who is firm in her beliefs and con-

viction. It is not difficult to notice how Scott frames the plot with two extremely important scenes where the titular heroine, the Fair Maid of Perth Catharine Glover, preaches high moral qualities first to the gunsmith Henry Smith (Chapter II), a townsman whose belligerent pugnacity, by her understanding, does not meet the vocation of a human being and makes him look like idly chivalry, and then to the Duke Rothsay (Chapter XXXII), rebuking his violence and urging him to devote his ardour to duty to the motherland.

In Chapter II we read:

“My dearest father,” answered Catharine, “your words contradict themselves, if you will permit your child to say so. Let us thank God and the good saints that we are in a peaceful rank of life, below the notice of those whose high birth, and yet higher pride, lead them to glory in their bloody works of cruelty, which haughty and lordly men term deeds of chivalry. Your wisdom will allow that it would be absurd in us to prank ourselves in their dainty plumes and splendid garments; why, then, should we imitate their full blown vices? Why should we assume their hard hearted pride and relentless cruelty, to which murder is not only a sport, but a subject of vainglorious triumph? Let those whose rank claims as its right such bloody homage take pride and pleasure in it; we, who have no share in the sacrifice, may the better pity the sufferings of the victim. Let us thank our lowliness, since it secures us from temptation. But forgive me, father, if I have stepped over the limits of my duty, in contradicting the views which you entertain, with so many others, on these subjects” [The Fair Maid of Perth; electronic resource].

During her bold rebuke to the Duke in Chapter XXXII she exclaims: “Once more, my lord,” resumed Catharine, “keep these favours for those by whom they are prized; or rather reserve your time and your health for other and nobler pursuits – for the defense of your country and the happiness of your subjects. Alas, my lord, how willingly would an exulting people receive you for their chief! How gladly would they close around you, did you show desire to head them against the oppression of the mighty, the violence of the lawless, the seduction of the vicious, and the tyranny of the hypocrite!” [The Fair Maid of Perth].

In *The Fair Maid of Perth* Scott does not simplify the standoff of three counterparts in the historical process in Scotland of the end of the XIV century. It is obvious, to begin with, in his irony: grim and sarcastic towards Scottish chivalry of that time, and quite amiable and welcoming towards burghers, and also – in his grievous and tragic irony concerning his beloved highlanders’ leaving the vanguard scene of history. The latter is stressed in his *Preface* written in August of 1831 and devoted to a famous battle of

two highland clans on the Inch of Perth in front of King Robert III, his court and the crowds of townsmen; the battle which, according to Scott, meant the decline of the original culture of the Highlands, that formed the basis of Scottishness. The image of Conachar, a young highlander fleeing from the battlefield of two clans, is a metaphorical embodiment of this idea. No doubt, to express more clearly his sorrow, Scott deliberately chooses the scene of the funeral of Conachar's father, chief of the Clan Quehele, to give his usual ethnographical account of the Highlands customs and traditions. In Chapter XXIX Glover becomes the witness of the dramatic talk of Conachar (Eachin MacIan), the young Quehele clan chief, with his mentor Torquil about the future battle of two clans and Conachar's premonition of great tragedy as the end of it. Glover, previously prejudiced against Highlanders, is amazed by the sincerity of feelings of the two and concludes:

"The wild mountain heart is faithful and true. Younger man is more like the giants in romances than a man of mould like ourselves; and yet Christians might take an example from him for his lealty" [The Fair Maid of Perth: electronic resource].

Scott's regrets about the end of the glorious history of the clans and the coming era of cities are embodied in the words of the shepherd Niel Booshaloch when Glover complains about new chief of the Quehele clan's being impolite towards him, the guest of the clan: "His father knew better," said the herdsman. "But where should he have learned manners, poor thing, and bred up among your Perth burghers, who, excepting yourself, neighbour Glover, who speak Gaelic as well as I do, are a race incapable of civility?" [The Fair Maid of Perth].

Nonetheless, Scott's refusal to portray 'noble savage' in the ways he did it before (remember *Rob Roy*, for example) is reflected, as John Raleigh rightly stresses, in the fact that '*The Fair Maid of Perth*, of all the Waverley novels, is more 'depressing', and 'strikes for the grimness of its subject matter and tone' [Raleigh 1966: 247] and for 'the grisly atmosphere' [Raleigh 1966: 249]. The events which take place in the late XIV century and the perspectives they open do not cause Scott's delight. The same happens with Scott's depicting of the Scottish nobility of the time when, once again, a new, modern, bourgeois paradigm emerges, and this paradigm is totally connected, by Scott-the-historian, with the Scottish Lowlands, and the city of Perth is its symbol. Structurally the narrative in *The Fair Maid of Perth* by and large is organized as alternate pictures of nobility and townsmen with two parallel centres: King Robert and his son, Duke of Rothsay, on the one hand, and townsman Glover and his daughter Catharine on the other, with culminating scenes of

her abduction by Rothsay, her rebuke to him and her moral triumph over him, her reconciliation with Henry Smith, whose unjustified belligerence and craving for the violent resolutions of disputes on any occasion she does not accept, and her happy marriage to him; these moments are not only the necessary codes of a romance (the loose structure of this genre exists in the novel) but they emblemize the victory of the ideas and policy of the community of Perth as one of the economic, moral and political pillars of this emerging new bourgeois Scotland.

The image of the armourer Henry Smith and his uncompromising nature bring some complexities into this conception of the triumphant middle class of Scotland and the pastoral collective image of the community of Perth. His cockiness and pugnacity, determined, as Scott explains it, by his professional and growing class pride, no doubt, is an alternate parallel to the empty pride and braggadocio of the chivalrous in the novel. The clearest example is the image of Ramorney, violent and brutal courtier of Rothsay who is a Scottish replica of William de la Marck, the freebooting 'Boar of the Ardennes' in *Quentin Durward*. The hand of Ramorney, severed by Smith when the knight was trying to sneak into Catharine's bedroom on St. Valentine Night, and nailed by the order of Perth's Magistrate to the doors of the Church becomes a horrid evidence of the feudal chivalry's outrageous behaviour, violence and brutality; it marks the class of no future, for Walter Scott. At the same time, to stress once again, the bourgeois future (which by the time of the novel's release has been already 'the present') was not appraised by Scott as an absolute good.

One of the marks of this narrative atmosphere which is rather new for Scott is a remarkable turn of the plot in *The Fair Maid of Perth*. Usually in Scott's novel a very important role is played by a comic plot line, which brings into the narrative the feeling of living life; it is enough to remember Gurth, Wamba and Friar Tuck in *Ivanhoe*, Cuddie Headrigg in *Old Mortality* (1816), Andrew Fairservice in *Rob Roy* (1817), the semi-comic personages, they are very close to earthly life and the practical side of it. Such a plot line and such personages show Scott's mastery in realistic reconstruction of the time, its morals and its everyday flow; they enliven the narrative and deprive it of excessive pathos. In the novel under analysis this realistically comic personage is the latter Oliver Proudfoot, who sets off the image of Henry Smith in a peculiar way being practically his contrast in all, to start with the appearance up to behavior, especially when it comes to non-ostentatious bravery and courage. These contrasts bring vitality to both images. While in other Scott's novels, this comico-realistic line is preserved

to the end and even participates in the resolution of the general conflict (*Ivanhoe*, for example), in *The Fair Maid of Perth* the author 'kills' his central comic personage, Proudpute, practically in the middle of the book, in Chapter XVI, and thus Scott enhances the none too cheerful atmosphere of the novel and makes his readers be serious enough to grasp the main ideas of the narrative. There is another image of a townsman who is depicted in absolute contrast, in a sinister tone which spoils the idyllic unity of the town community of Perth. This is the image of apothecary Henbane Dwinning. He is given as a town version of Ramorney: they are two villains, embodiments of the villany, peculiar to their social stratum. It proves Walter Scott's tendency to be objective and to douse any excessive romanticism of the narrative. It proves, also, Scott's suspicion of certain chivalric and burgher values. It is extremely important, in terms of Scott's attitude to the social processes in Scottish medieval towns, that his protagonist, Catharine Glover, in Chapter XXXII, which contains the moral culmination of the novel, gives a furious rebuke to Dwinning's behaviour which is unworthy of a true townsman, according to her beliefs.

In this respect the image of Henry Smith is very emblematic: his craftsman's behaviour is not at all less noble than that of knights and courtiers, and he embodies a new type of nobility and chivalry of universal, not of class, origin. And his risky decision to replace one of the Highlanders on the battlefield of two clans only seems to be a continuation of his inherent militancy, fervently condemned by Catharine. It is something new in him and in a town community: after all, if the battle does not take place, then the enmity of the clans, which brings so much trouble to the Highlanders and Lowlanders, to whole Scotland, will not end. Remarkably, Conachar flees the battlefield, not daring to fight it just with Smith, his rival in love with Catharine. To a great extent, Henry Smith is Scott's traditional 'middle hero' which usually in terms of plot belongs to both conflicting forces of the novel or 'exists' above the collision.

The images of Catharine, Glover, Smith, Rothsay, Conachar, etc. should be looked at in the context of the type of Walter Scott's historicism with the roots in German historical thought and its dominant idealistic concept: the basis of historical progress is improvement of moral and ethical standards and the growth of the spirituality of society. The latter Scott does not at all connect with religion and church: it is obvious in both novels under consideration; in *Quentin Durward* and in *The Fair Maid of Perth* the church fails in carrying spiritual leadership in the given fictional situations; and it corresponds with church's decreasing role in the life of medieval town communities in the XIII–XIV century, as historians

argue (see [Город в средневековой цивилизации 2000, т. 3: 35]). Walter Scott moves further and sees the growth of national wealth as a very important condition for the evolution of the society, though it is more fair for *Quentin Durward*, because in *The Fair Maid of Perth* the writer stresses the role of the medieval town community as wholeness, as a unity, and we may definitely attribute to Scott's artistic merits the collective image of this community (conclave of citizens, first of all) along with his masterly images of individual townsmen – Simon Glover, Oliver Proudpute, Bailie Craigdallie and others. Beyond any doubt, despite irony and sometimes even satire, used to depict the life of a medieval town community, the natural intelligence, natural sense of justice and natural self-esteem which, in one form or another, appear in the images of the townspeople in both novels, and the obvious degradation of the chivalric code towards inexplicable cruelty and social hatred reflect a global historical failure of the knighthood as a class.

Summing up, Walter Scott's views on history are known to be a mixture of conservative and progressive ideas with Edmund Burke's and William Godwin's influences simultaneously. In Scott's novels after 1819 we see an increase in real historical figures among the characters of the novels; more explicit emphasis on exploring the laws of historical process and on inevitability of the history movement and changing of eras, which become the "underlying plot" of Scott's novels. *Quentin Durward* and *The Fair Maid of Perth, or Saint Valentine's Day* are examples of Scott's approach to medieval towns' and its communities' coming into the history vanguard in Western Europe in the XIV–XV centuries and demonstrating their decisive social and political roles in history. The novels deal with the struggle of towns for their rights and privileges, and this struggle is shown by Walter Scott as the phenomena of unstoppable progress.

Endnote

¹The essay is based on the paper read by the author at the Annual Conference of Historical Fiction Research Network, 18–20 February, 2022.

References

Gorod v srednevekovoy tsivilizatsii Zapadnoy Evropy. Chelovek vnutri gorodskikh sten. Formirovaniye obschestvennykh svyazey [Town in the Medieval Civilization of the Western Europe. A Man Within Town Walls. Formation of Social Ties]. Ed. by A. A. Svanidze. Moscow, Nauka Publ., 2000, vol. 3, 378 p. (In Russ.)

Gorod v srednevekovoy tsivilizatsii Zapadnoy Evropy. Chelovek vnutri gorodskikh sten. Extra mu-

ros: gorod, obschestvo, gosudarstvo [Town in the Medieval Civilization of the Western Europe. A Man Within Town Walls. Extra Muros: Town, Society, State]. Ed. by A. A. Svanidze. Moscow, Nauka Publ., 2004, vol. 4. 354 p. (In Russ.)

Lazareva T. G. Antikvarnoe dvizhenie v Britanii XVIII veka i Valter Skott [The antiquarian movement in Britain in the late 18th century and Walter Scott]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya i Zarubezhnaya Filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2009, issue 4, pp. 45–50. (In Russ.)

Reizov B. G. Voinstvuyuschiy romantic Ogusten T'erri. 6 glava [Augustin Thierry, a bellicose romantic. Chapter 6]. Reizov B. G. *Frantsuzskaya romanticheskaya istoriografiya. 1815–1830* [French Romantic Historiography. 1815–1830]. Leningrad, Leningrad State University Press, 1956, 536 p. Available at: <https://istmat.org/node/39436> (accessed 15 Feb 2022). (In Russ.)

Alexander J. H. The 'Amanuensis of History' in Franco-Burgundian Novels. *European Romantic Review*, 2002, issue 13, pp. 239 – 247. (In Eng.)

Grierson H. J. C. *Sir Walter Scott*. London, Constable & Co, 1938. XII; 320 p. (In Eng.)

De Groot J. *The Historical Novel*. London and New York, Routledge, 2010. 200 p. (In Eng.)

Delvin D. D. Scott and history. *Scott's Mind and Art*. Ed. by A. Norman Jeffares. Edinburgh, Oliver & Boyd, 1969, pp. 72 – 92. (In Eng.)

Dennison E. P. *The Evolution of Scotland's Towns. Creation, Growth and Fragmentation*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2017. 256 p. (In Eng.)

Edwards S. The geography of violence: Historical fiction and the national question. *Novel*, 2001, issue 34, pp. 294 – 308. (In Eng.)

Hall D. W. *Burgess, Merchant and Priest: Burgh Life in the Scottish Medieval Town*. Edinburgh, Birlinn Ltd with Historic Scotland, 2002. 56 p. (In Eng.)

Kerr J. *Fiction against History: Scott as a Storyteller*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989. 170 p. (In Eng.)

Lynch M., Spearman M., Steel. *The Scottish Medieval Town*. Edinburgh, J. Donald, 1988. 366 p. (In Eng.)

Peardon T. P. *The Transition in English Historical Writing, 1760 – 1830*. New York, Columbia University Press, 1933. 340 p. (In Eng.)

Raleigh J. H. 'Waverley' and 'The Fair Maid of Perth'. *Some British Romantics: A Collection of Essays*. Ed. by James Logan. Columbus, Ohio State University Press, 1966, pp. 235–266. (In Eng.)

Rubenstein J. The defeat and triumph of bourgeois pacifism: Scott's *Fair Maid of Perth* and the *Fortunes of Nigel*. *The Wordsworth Circle*, 1971, issue 2, pp. 135–141. (In Eng.)

Scott W. *The Fair Maid of Perth, or Saint Valentine Day*. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/7987/7987-h/7987-h.htm> (accessed 15 Feb 2022). (In Eng.)

Scott W. *Quentin Durward*. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/7853/7853-h/7853-h.htm> (accessed 15 Feb 2022). (In Eng.)

Shaw H. E. *The Form of Historical Fiction*. Ithaca and London, Cornell University Press, 1983. 272 p. (In Eng.)

Spencer M. Quentin Durward and Lois XI: Sir Walter Scott as historian. *Depriving Neomedievalism*. Ed. by Karl Fugelso. New York, D. S. Brewer, 2011, pp. 43–59. (In Eng.)

Young G. M. Scott and the historians. *Sir Walter Scott Lectures, 1940 – 1948*. Ed. by H. J. C. Grierson. With an introduction of Professor W. L. Renwick. Edinburgh, University of Edinburgh, 1950, pp. 79–108. (In Eng.)

Список литературы

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Человек внутри городских стен. Формирование общественных связей / ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2000. Т. 3. 378 с.

Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Человек внутри городских стен. Extra muros: город, общество, государство / ред. А. А. Сванидзе. М.: Наука, 2004. Т. 4. 354 с.

Лазарева Т. Г. Антикварное движение в Британии XVIII века и Вальтер Скотт // Российская и зарубежная филология. Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4. С. 45–50.

Реизов Б. Г. Воинствующий романтик Огюстен Тьерри. 6 глава // Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. 1815–1830. Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1956. 536 с. URL: <https://istmat.org/node/39436> (дата обращения: 15.02.2022)

Alexander J. H. The 'Amanuensis of History' in Franco-Burgundian Novels // *European Romantic Review*. 2002. № 13. P. 239–247.

Grierson H. J. C. *Sir Walter Scott*. London: Constable & Co, 1938. XII; 320 p.

De Groot J. *The Historical Novel*. London and New York: Routledge, 2010. 200 p.

Delvin D. D. Scott and History // *Scott's Mind and Art*. Edited by A. Norman Jeffares. Edinburgh: Oliver & Boyd, 1969. P. 72–92.

Dennison E. P. *The Evolution of Scotland's Towns. Creation, Growth and Fragmentation*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. 256 p.

Edwards S. The Geography of Violence: Historical Fiction and the National Question // *Novel*. 2001. № 34. P. 294–308.

Hall D.W. Burgess, Merchant and Priest: Burgh Life in the Scottish Medieval Town. Edinburgh: Birlinn Ltd with Historic Scotland, 2002. 56 p.

Kerr J. Fiction against History: Scott as a Storyteller. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 170 p.

Lynch M., Spearman M., Steel G. The Scottish Medieval Town. Edinburgh: J. Donald, 1988. 366 p.

Peardon T. P. The Transition in English Historical Writing, 1760–1830. New York: Columbia University Press, 1933. 340 p.

Raleigh J. H. 'Waverley' and 'The Fair Maid of Perth' // Some British Romantics: A Collection of Essays. Edited by James Logan. Columbus: Ohio State University Press, 1966. P. 235–266.

Rubenstein J. The Defeat and Triumph of Bourgeois Pacifism: Scott's *Fair Maid of Perth* and the *Fortunes of Nigel* // The Wordsworth Circle. 1971. № 2. P. 135–141.

Scott W. The Fair Maid of Perth, or Saint Valentine Day. URL: <https://www.gutenberg.org/files/7987/7987-h/7987-h.htm> (дата обращения: 15.02.2022)

Scott W. Quentin Durward. URL: <https://www.gutenberg.org/files/7853/7853-h/7853-h.htm> (дата обращения: 15.02.2022)

Shaw H.E. The Form of Historical Fiction. Ithaca and London: Cornell University Press, 1983. 272 p.

Spencer M. Quentin Durward and Lois XI: Sir Walter Scott as Historian // Depriving Neomedievalism. Edited by Karl Fugelso. New York: D.S. Brewer, 2011. P. 43–59.

Young G. M. Scott and the Historians // Sir Walter Scott Lectures, 1940 – 1948. Edited by H. J. C. Grierson. With an Introduction of Professor W. L. Renwick. Edinburgh: University of Edinburgh, 1950. P. 79–108.

Ремесленничество против рыцарства: городская коммуна и исторический прогресс в поздних романах Вальтера Скотта

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. bproskurnin@yandex.ru

SPIN-code: 5554-1732

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>

Статья поступила в редакцию 01.03.2022

Одобрена после рецензирования 19.04.2022

Принята к публикации 04.05.2022

Информация для цитирования

Проскурнин Б. М. Ремесленничество против рыцарства: городская коммуна и исторический прогресс в поздних романах Вальтера Скотта // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 111–119. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-111-119

Аннотация. Статья посвящена двум романам Вальтера Скотта, в которых писатель демонстрирует свое видение эпохи зрелого средневековья на примере двух стран – Франции и Шотландии. В произведениях как на уровне общей концепции, отражающей его понимание исторического прогресса, так и на уровне образных систем романов и повествования Скотт реконструирует роль противостояния рыцарства и городских сообществ в социально-политической и нравственно-психологической динамической реальности двух стран. Романы убедительно показывают своеобразие позднего этапа творчества Скотта, когда повышается значимость любовно-приключенческого узла в сюжете произведения, как и роль реальных исторических лиц в повествовании. Более очевидным становится стремление писателя в сюжете, в авторских комментариях и отступлениях, нередко построенных как беседа историка, знатока воспроизводимого времени, с читателем, в центральных образах романов воплотить свое понимание исторических законов, базирующееся на смешении одно-

временно консервативных и прогрессистских оценок динамики истории. Для идейно-художественной целостности произведений принципиально важны собирательные образы Льежа и Перта, подаваемые при помощи как общего плана, так и ярких индивидуализированных образов горожан. Колоритны и одновременно идееносны образы «уходящего класса» – рыцарства: в каждом из них акцентируется и становится характерообразующей степень «выпадения» из динамики истории. Одновременно в статье акцентируется, особенно в части, обращенной к «Пертской красавице», авторская идея смены не только экономического, но и нравственного лидера в эпоху позднего Средневековья, когда определяющая роль постепенно переходит к горожанам; в этом отношении принципиален образ титульной героини «Пертской красавицы» Кэтрин Гловер, писательского «резонера». В статье прослеживается также характер сосуществования романтико-приключенческого (в отношении «Пертской красавицы» – романтико-готического) и социально-бытового и психологического начал при создании «образа эпохи».

Ключевые слова: исторический роман; историческое повествование; средневековая городская община; средневековая Шотландия; средневековая Франция; исторический прогресс.

УДК 82.0

doi 10.17072/2073-6681-2022-2-120-130

Аксиологическая трансформация этических понятий в немецком натурализме. Драма А. Хольца «Семья Зелике»

Алла Персиевна Склизкова

д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной филологии

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

600000, Россия, г. Владимир, ул. Горького, 87. burelomy@list.ru

SPIN-код: 7872-4300

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1481-1133>

Статья поступила в редакцию 08.10.2021

Одобрена после рецензирования 14.02.2022

Принята к публикации 22.03.2022

Информация для цитирования

Склизкова А. П. Трансформация аксиологических понятий в немецком натурализме. Драма Хольца «Семья Зелике» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 120–130. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-120-130

Аннотация. Статья посвящена проблеме взаимодействия между этическими воззрениями прошлого и аксиологическими концепциями на рубеже XIX–XX вв., что бросает свет на общую проблематику модерна, связанную с его генеральным принципом взаимосвязи эпох. Этому соответствуют и цели работы: показать, как этические понятия минувших лет получают аксиологическое толкование; раскрыть поэтическое своеобразие глобального синтеза этики и аксиологии на примере драмы А. Хольца «Семья Зелике». В ходе анализа выявлено, что под влиянием философии жизни, афишировавшей повседневность, и осмысления современных философских исканий, выделявших учение о ценностях в качестве основы всякой деятельности, в среде натуралистов формируется фундамент новой этики, которой и становится для них аксиология. Натуралисты, стремясь осознать жизнь, отвергая прежний принцип нормативности, придают жизни ценностный смысл. Инновационная роль нравственных выводов мыслящего субъекта приводит к воцарению в душе этического чувства, которое, будучи подвергнуто аксиологическому анализу, своеобразно и субъективно. Было установлено, что аксиологический критерий применяется натуралистами и для перетолкования этического понятия блага. Оно неотделимо от проблемы зла, проявление которого натуралисты усматривают в законах среды и наследственности. В драме А. Хольца «Семья Зелике» взаимосвязь зла (погружение в среду) и добра (победа над ненавистью и воцарение любви) поэтически воплощается через смену представлений о прекрасном (*schön*) и безобразном (*schrecklich*). Герои драмы выводят из бытия личное аксиологическое суждение, основанное на трансформации этических критериев, – благо таится в среде, страдания приводят к нравственной регенерации, мистерия добра вершится в самый трагический жизненный момент.

Ключевые слова: аксиология; этическая составляющая; ценностный акцент; нравственное сознание; модернизм; натурализм; этическая традиция; среда; наследственность.

Введение

Принятое в германистике восприятие модерна как большого исторического периода, который берет начало с XVIII в. и продолжается до настоящего времени, позволяет не только

выявить в самом его генеральном принципе (взаимосвязь эпох) некий взгляд с позиции истории, но и осознать историю в качестве единого непрерывающегося процесса. Он связан как с постижением прошлых понятий, так

и с их модернизацией, прежние концепции в каждую микроэпоху модерна исторически осмысливаются и перетолковываются. В результате история как «бездременное настоящее» (*Zeitlose Gegenwart*), по определению Э. Курциуса, предстает как дух времени, благодаря которому тесно сопрягаются достаточно далекие друг от друга временные пласты [Curtius 1993].

Подобное сопряжение наиболее отчетливо предстает в натурализме как первой фазе модерна на рубеже XIX–XX вв. В теоретических декларациях и художественных текстах натуралистов возникает тот культурный синтез художественных и философско-исторических систем прошлого, который, как полагает немецкий социолог и философ, автор концепции «рефлективной модернизации» У. Бек (Ulrich Beck, 1944–2015), касается «нетленного обращения к нетленным сокровищам традиции» [Beck 1986: 92] и составляет максимум эпохи.

М. Браунек (M. Brauneck) еще в 1987 г. в предисловии к натуралистическим манифестам отмечал сложность и противоречивость этого литературного направления, подчеркивал его неоднозначность, спорность, отмечал, что в связи с трактовкой натурализма необходимо поставить новые вопросы, которые, с его точки зрения, неисчерпаемы [Naturalismus 1987]. Думается, что они остаются таковыми до сих пор, в натурализме кроется много неясного и не совсем понятного. Натуралистов с самого начала упрекали в излишней политизации [там же: 324], в чрезмерном внедрении в литературу негативных сторон действительности, в избыточном подчеркивании патологических процессов [там же: 325], в отсутствии трагедийного пафоса [там же: 290]. Причем подобные упреки раздавались в большинстве случаев со стороны тех художников слова, которые достаточно долгое время находились в тесном контакте с натуралистами, принимали их ведущие теоретические положения, соглашались с их мировоззренческими выводами. Так, П. Ернст (P. Ernst, 1860–1933) сам писал натуралистические драмы, но в 1898 г. отвернулся от натурализма, посчитав, что «представление о действительности создать невозможно» [там же: 270]. Р. Демель (R. Demel, 1863–1920) примыкал к кругу натуралистов, но порицал их форму и художественные средства [там же: 288]. Г. Бар (H. Bahr, 1863–1934) вносит свои представления о диалектическом развитии жизни в берлинский круг натуралистов, становится вместе с О. Брамом (O. Brahm) редактором «Свободной сцены» (*“Freie Bühne“*). Однако он называл натурализм заблуждением, подчеркивая при этом, что без него искусство не может двигаться вперед [там же].

Скорее всего, новая проблема, которую предлагал поставить М. Браунек, должна быть связана с переосмыслением натуралистами этических воззрений прошлого, с их трансформацией, которая базируется на аксиологическом подходе. Этические и аксиологические понятия, бесспорно, трудно определить как синонимы, но при разговоре о макроэпохе модерна не следует подчеркивать и их антонимичную сущность. Этика и аксиология на рубеже XIX–XX вв. представляются звеньями единого историко-культурного процесса, когда возникает комплексное чувство целого и создаются возможности для глобального синтеза. Думается, что в ракурсе такого глобального синтеза могут быть представлены этические и аксиологические понятия. Немецкий литературовед С. Вьета, называя интерференцию и интеграцию главными процессами модерна, подчеркивал, что именно они приводят к внутренней коммуникации времен [Vietta 2001]. В данном случае такой коммуникационной наполненностью обладают этика, возникшая, как известно, в античности, и аксиология, началом истории которой можно считать появление в 1856–1864 гг. книги Р. Г. Лотци «Микрокосм». На рубеже веков кажущиеся полярности между этикой и аксиологией снимаются, наука о добре (этика) вступает в тесный контакт с наукой о ценностях (аксиологией). Этика осмысливается аксиологически, не только не утрачивая при этом свою добрую, нравственную природу, но, напротив, благодаря ценностному суждению о себе самой еще больше ее приобретая.

Таким образом, размышления об аксиологической трансформации этических понятий в немецком натурализме находятся в прямой зависимости от восприятия модерна как непрекращающегося культурного процесса. В нем вершится непрестанная модернизация прежних литературно-философских тенденций, историко-культурные концепции прошлого заново воспринимаются и перетолковываются. Ярким доказательством подобного перетолкования является философия жизни, идеи которой столь повлияли на натуралистов конца XIX – начала XX в.

Осмысление натуралистами этических концепций прошлого

Оно вершится под значительным впечатлением от рассуждений представителей философии жизни, в первую очередь от работы Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла». Немаловажным является и постижение натуралистами теоретических исканий В. Виндельбанда (W. Windelband, 1848–1915), В. Вундта (W. Wundt, 1832–1920) и Э. Геккеля (E. Haeckel, 1834–1919).

Что касается Ницше, то натуралисты, особенно ранние, далеко не во всем соглашаясь с ним, тем не менее вслед за Ницше подчеркивают необходимость пересмотра этических задач. Так, в ведущем органе натуралистического движения между 1885–1890 гг. «Общество» (“Gesellschaft”) акцентируются этические понятия, которые, считает М. Конради (M. Conradi, 1846–1927), вырабатываются под пером «духовного аристократа» Ницше, как называет его Конради [Naturalismus 1987: 39]. Натуралисты солидарны с автором «По ту сторону добра и зла», практически полностью разделяют его мысли о необходимости «переворота и радикальной перестановки всех этических положений прошлого» [там же: 32], которые не должны быть «правилами поведения и рецепторами», иначе они окажутся «пропитаны запахом старых домашних средств и старушечьей мудрости» [Ницше 2016: 203]. Подобно Ницше натуралисты утверждают новые этические понятия [Naturalismus 1987: 56], говорят о новой точке зрения на гуманность [там же: 69], акцентируют необходимость новой эстетики, которая, по их мнению, базируется на новой этике [там же: 176].

Такой новой этикой оказывается для натуралистов аксиология. Она становится для немецких художников слова необходимым компонентом этики, из которой на рубеже веков устранился оценочный момент, различные модальности не могут быть приемлемы, прежние понятия подлежат коррекции с точки зрения ценностных ориентиров.

В этом плане следует обратить пристальное внимание, помимо влияния Ницше, и на этико-аксиологические размышления, представленные в целом в философской мысли на рубеже веков. К примеру, для В. Виндельбанда «философия может существовать в дальнейшем только как учение о ценностях, которые <...> образуют основу всякой культурной деятельности» [Виндельбанд 1910: 48]. В дальнейшем В. Вундт (1832–1920), подчеркивая важность этической проблемы для современной жизни, утверждал, что «этике необходимо отвести в истории философии первое место, именно из нее вытекают все философские воззрения» [Вундт 1903: 85].

Как видно, философские размышления, касающиеся доминирующей роли ценностей, не уводят в сторону от прежних этических воззрений, а подчеркивают необходимость их мировоззренческой корректировки. Дело заключается не только в том, что этические концепции прошлого, по мысли Г. Гадамера, «были очищены от всех эстетических и чувственных

моментов» [Гадамер 1988: 83], а в принципиально иной позиции. Изначальная непоколебимость и незыблемость этических понятий, которая рекламировалась в домодернистской традиции (в античности, нравственных сентенциях религиозных мистиков) и отчасти в раннем модерне (идеалистических и романтических суждениях), не могла в период смены столетий приниматься на веру мыслящим субъектом. Индивид, подвергая этику аксиологическому толкованию, невольно приходит к мысли, что этические понятия не могут быть изначально заданы, они порождаются самой жизнью и только в ней обретают свой смысл.

Не случайно на периферии XIX–XX столетий возобновляется философский разговор о жизни, истоком которого является романтическая эпоха. Так, Фр. Шлегель (Friedrich Schlegel, 1772–1829), акцентируя расширенное понятие жизни, усматривает подобное расширение в гармонизации сознания, связанного с выходом «заблудившейся души» из земной действительности [Шлегель 1983: 348]. Вот тот пункт, который позволяет выявить существенную разницу, касающуюся представлений о жизни, между двумя переходными эпохами. Интериоризация мира (путь вовнутрь), столь существенная для романтиков, сменяется экстериоризацией (путь наружу). Заблудившаяся душа призвана обрести кров, найти безопасное убежище, надежное пристанище в той действительности, от которой так опрометчиво отреклась.

В философии жизни на рубеже конца XIX – начала XX в. афишируется повседневность, та, которая ранее не принималась в расчет. Ценности извлекаются отныне из жизненной практики, из бытия, которое становится ценностью само по себе. Этическая значимость жизни рекламируется, ее ценностная составляющая абсолютизируется, многозначный смысл истолковывается через, как образно пишет немецкий историк культуры и философ В. Дильтей (W. Dilthey, 1833–1911), «таинственный лик жизни, улыбочивые уста, скорбно взирающие очи. И в этом лике хотят читать все поколения мыслящих и творческих людей, и этому исканию нет конца» [Дильтей 2001: 490]. Как видно, жизнь на рубеже веков призвана из самой себя философствовать. Об этом разными голосами говорят представители философии жизни, будь то призыв Г. Риккерта (Heinrich Rickert, 1863–1936) к новому категорическому императиву «Живи!» [Риккерт 1922: 17], осознание жизни как единственно значимой культурно-исторической реальности Дильтея, понятие жизни в контексте непрерывного творческого становления Г. Зиммеля (Georg Simmel, 1858–1918), когда

«ценности ощущаются нами лежащими между тем, что выше, и тем, что ниже» [Зиммель 1996: 7], или же нищепанское внеморальное восприятие жизни и шпенглеровский прорыв в будущее.

Натуралистам оказывается близка ведущая установка представителей философии жизни о ценностях, выводимых из бытия, этическая значимость которого манифестируется натуралистами в теоретических трактатах. «Надо понять, как жить», – утверждает В. Бельше (Wilhelm Bölsche, 1861–1939) [Naturalismus 1987: 155], «только сама жизнь укореняется в нравственности», – считают братья Харты [там же: 24], в том, что «искусство, сопряженное с действительностью, и есть нравственная жизнь», убежден А. Хольц (Arno Holz, 1863–1929) [там же: 143]. Хиллебранд (J. Hillebrand) в эссе «Дорога натурализма» (1886) полагает, что «в прошлой литературе не хватает мыслей об обновлении жизни, поскольку мир не был вовлечен в сферу этического исследования» [там же: 79]. Сейчас, с точки зрения Хиллебранда, «необходимо создать представление о жизни, поэтически воплотить впечатления от внешнего мира, выявить его этический смысл» [там же: 39].

Как видно, натуралисты, придавая жизни ценностный смысл, стараются каждый раз заново постигнуть его. Художники слова на рубеже веков находятся в изменившейся ситуации, для них не может сохранить значение прежний принцип нормативности, который в целом лежал в основе этических концепций прошлых лет. Обновление жизни для модернистов на рубеже веков, понимание, «укоренение», как пишут Харты, ее нравственного смысла связывается в первую очередь с обновлением сознания индивида, который руководствуется при этом не преподнесенной ему ранее наукой о нравственности, а аксиологическим знанием собственной души, собственного сердца. Поэтому задача искусства и состоит для натуралистов в показе такой нравственной жизни, познание которой приобретает под впечатлением от окружающего бытия.

Пересмотр натуралистами понятия блага

Возведение жизни в ранг высшей ценности способствовало и пересмотру главного этического понятия – блага. Утверждение Аристотеля: «Благо – это деятельность души подобно добродетели» [Аристотель 1997: 25] – долгое время служило ориентиром для всей дальнейшей этики. Оно значимо как для живого откровения средневековых мистиков, связанного с постижением бога во внутреннем прозрении, так и для раннего модерна XVIII и XIX вв. с его акцентом на восприятие блага посредством

разума (XVIII в.) или чувства (XIX в.). Обращает на себя внимание то, что при весьма существенной концептуальной разнице во всех этих рассуждениях устанавливается достаточно четкий этический критерий, касающийся тесной связи между понятием блага и непереносимым отторжением от зримого мира.

Думается, это объясняется двумя причинами. Первая вытекает из устойчивой общемировоззренческой посылки, которая в целом господствовала в философско-литературной мысли до переломной эпохи конца XIX – начала XX столетия: внешнее служение преграждает путь вовнутрь, мешает контакту со сверхреальным, будь то поклонение богу у средневековых мистиков, разуму в идеалистической философии или искусству в немецком романтизме. Вторая причина исходит из общей негативной оценки окружающего бытия – люди в целом не в состоянии понять сущности блага, их душа, говоря словами Аристотеля, не сообразна добродетели.

Так, с точки зрения Спинозы, «люди больше склонны к ненависти, чем к любви» [Спиноза 1957: 468], Лейбниц в работе «О предопределенности», утверждая преобладание добра, подчеркивает в то же время, что «его мало кто может постигнуть, <...> хорошо направленная душа редко встречается» [Лейбниц 1982: 93]. Кант уверен в необходимости создания невидимого этического государства, которое «широко распахнет свои двери нравственным людям» [Кант 2011: 197], такого государства кенигсбергский философ не наблюдает в действительности. Та же мысль доминирует в сознании Фр. Шлегеля. В работе «О философии» он подчеркивает, что «люди ни в одном из своих занятий не отстали настолько, как в делах человеческих» [Шлегель 1983, Т. 1: 340]. Практически одновременно с ним Г. Фихте (I. G. Fichte, 1762–1814) в работе «Назначение человека» укажет, что «злейший враг человека – человек» [Фихте 2000: 101], подобно Канту он мечтает об этическом государстве, в котором вершится непрерывный рост добра, но вынужден констатировать тот факт, что зло больше привлекает человека [там же: 117]. Данные примеры показывают, что осознание блага как предпочтения высшего в противовес низшему доступно лишь человеку благочестивому, а значит, как полагали средневековые мистики, доброму или же философски настроенному, о чем повествуют идеалистические мыслители XVIII века и следующие за ними творцы романтической эпохи.

В конце XIX – начале XX в. общепринятое аристотелевское понятие блага подвергается

перетолкованию, проводится его аксиологический анализ, скоординированный в первую очередь с основными положениями философии жизни. Натуралисты особо фиксируют внимание на том, что благо не может быть представлено в качестве схемы поведения для каждого индивида, нравственному сознанию ничего нельзя навязать, размышления о жизни – это и есть величайшая ценность. К примеру, Бельше полагает, что «главное – это индивидуальная реакция на события» [Naturalismus 1987: 106], «истины для каждого не может быть» [там же: 108], «доминирует нравственная жизнь, а не наука о ней» [там же: 110]. Это первое отличие от «милых идеалистов», как их иронически называет Ницше. Во-вторых, серьезные возражения стало вызывать и понятие «деятельность души», касающееся ее глубокого погружения в собственное внутреннее пространство. Так, тесно связанный с натуралистами естествоиспытатель и философ Э. Геккель (Ernst Haeckel, 1834–1919), придавая огромное значение зримому бытию, считает, что «то, что мы называем душой, есть, в сущности, сумма наших ощущений от внешнего мира» [Геккель 1937: 21]. «Деятельность души», таким образом, заключается в получении и принятии впечатлений от окружающего сущего. Ценностный акцент направлен на внешний мир, именно он предстает в качестве высшего блага, побуждает душу вступить на путь добродетели.

Данная мысль не кажется принципиально новой. Истоком ее является античная идея о соразмерном Космосе, созерцание которого помогает человеку прийти к гармонии относительно себя самого. В дальнейшем подобная идея трансформируется в христианской действительности в концепцию о мире как чудесном творении бога. Человек, воспринимая непревзойденную красоту величественного созидания, ощущает божественную благодать, которая изливается в его измученную душу, вынужденную до поры до времени влачить бременное существование.

В переломную эпоху возобновляется разговор о восприятии блага через сферу видимого, ценностная значимость которой неизмеримо возрастает. Однако основания для этого принципиально иные. Небывалое развитие естественных наук, благодаря которым все сущее стало осознаваться в контексте непрекращающегося процесса становления и исчезновения, о чем, к примеру, столь образно повествует книга друга Геккеля Каруса Штерна (Sterne Carus, 1839–1903), навело на мысль о прекрасном мире вокруг, вечном в своей нетленной красоте. Получаемая от него эстетическая импрессия способствовала воцарению в душе этического

чувства, которое в высшей степени своеобразно и субъективно.

Между тем в нравственной реальности, воочию представленной взору в бесконечном пространстве видимого великолепия окружающего бытия, проблема зла высвечивалась не менее отчетливо, чем проблема добра. Подобное высвечивание было характерно и для этики прошлого. В них зло если и признавалось, то осмысливалось с религиозно-мистической точки зрения, постигалось интеллигентно. Наиболее ярким примером может служить теория Лейбница о допустимости зла ради конечной победы добра, что вытекало из его мыслей о предустановленной гармонии [Лейбниц 1982], или же концепция Шеллинга, согласно которой Любовь бога прорывается сквозь его же темную Основу, как свет сквозь тьму [Шеллинг 1987].

В переломную эпоху натуралистам оказывается близка мысль их предшественников о зле как существенном моменте нравственного бытия, понимании через зло истинно доброго. Однако запрограммированные ранее этические критерии не кажутся натуралистам убедительными. С отсутствием такой убедительности связано третье отличие от прежних этических концепций. Понятие зла, осмысленное прошлой эпохой, не просто применяется, а подвергается рассмотрению с аксиологической точки зрения, интенция которой направлена в данном случае на толкование вопросов наследственности и среды, столь весомо звучащих в натуралистической драме.

Весьма существенным становится момент, на который следует обратить пристальное внимание. Дело в том, что среди натуралистов вырабатываются две точки зрения на среду и наследственность, вызвавшие сильнейшую дискуссию: среда и наследственность – это нечто антихудожественное [Naturalismus 1987: 61], без среды и наследственности не может быть натуралистической драмы, трагический характер в таком случае не создается [там же: 101]. Между тем несогласие друг с другом не исключало единодушия в том, что среда и наследственность давят на человека, заставляют его страдать. Создается ощущение, что восприятие среды и наследственности однозначно трактуется с позиции того зла, которого этическая традиция прошлых лет предлагала избегать или всеми силами с ним бороться. Однако пафос этической мысли натуралистов иной. Они, рассматривая проблему среды и наследственности в аспекте ценностей, понимают и принимают зло как страдания, которые, с точки зрения модернистов начала столетия, необходимы человеку и, следовательно, являются благом для него.

Категория страданий чрезвычайно важна для натуралистов, не случайно в пятом тезисе союза “Durch” записано: «Надо представить человека с его страданиями» [там же: 58]. Страдания оказываются этически легализованными, поскольку, во-первых, вытекают из естественных законов борьбы за существование, и поэтому, во-вторых, являются жизненными. Немецкий режиссер и театральный критик О. Брам (Otto Brahm, 1856 – 1912), развивая данную мысль, писал: «Мы хотим видеть на сцене нечто ужасное, но правдивое и жизненное» [там же: 328]. В-третьих, страдания приводят к нравственной регенерации человека, который, аксиологически постигая причины зла, пытается оттолкнуться от него, старается ему сопротивляться со всей силой своего внутреннего, этического убеждения, приобретенного, как правило, по ходу развития сложнейших жизненных коллизий. Повседневная жизнь при этом, как писал Бельше, «оказывается настолько неправдоподобной, что можно только удивляться» [там же: 108].

Наиболее ярко подобные процессы отражены в драме А. Хольца «Семья Зелике».

Драма А. Хольца «Семья Зелике» как драма среды

А. Хольц (A. Holz, 1863–1929), который стал вместе с Баром и О. Брамом (O. Brahm, 1856–1912) в мае 1890 года редактором «Свободной сцены» (“Freie Bühne”), размышляет в статье «Искусство» (“Die Kunst”, 1891) о законе развития и подчеркивает, что он заложен в самом принципе существования [Naturalismus 1987: 144], поскольку все, что происходит с обществом и человеком, вытекает из естественных причин, является следствием определенной реакции на бытие (“Es ist ein Gesetz, das jedes Ding ein Gesetz hat”) [там же: 150]. В искусстве, считает Хольц, подобный закон, облекаясь в поэтические формы, являет себя посредством создания картины повседневной жизни – показа среды и одновременной концентрации на «душевном происшествии» – рефлексии героев на среду.

В контексте исследуемой проблематики, аксиологическом переосмыслении этических понятий в немецком натурализме, подобные рассуждения Хольца кажутся чрезвычайно важными. Напрашиваются следующие выводы. С одной стороны, среда, в которой человек вынужден влачить свое существование, проступает как видимое зло, но с другой – та же среда, окружающий мир, явленный как сама жизнь в ее непрекращающемся движении, вечном стремлении вперед, побуждает индивида выводить из него ценности, организовывать свою экзистенцию согласно собственным, вы-

страдающим представлениям о нравственности. Благо, таким образом, кроется в самой среде, создается ею, обретает видимость, являя себя в возвышенном качестве нравственно-добраго.

Подобные закономерности наиболее ярко прослеживаются в драме «Семья Зелике» (“Die Familia Selike”, 1891), которая написана Хольцем в соавторстве со И. Шлафом (J. Schlaf, 1862–1941). С момента возникновения «Семья Зелике» определялась как драма среды, понимаемой как вселенское зло, от которого человек не в состоянии освободиться. Так воспринимал ее, к примеру, актер и театральный критик Г. Шварцкофф (G. Schwarzkoff, 1853–1939), утверждая, что «в драме воссоздана картина падения дома Зелике, в этом главная идея» [Naturalismus 1987: 284]. В современных немногочисленных трактовках практически не добавляется ничего принципиально нового по сравнению с первоначальными суждениями. В целом подчеркивается пассивность человека, его неумение и нежелание что-то менять в своей судьбе, давление среды безмерно, сила обстоятельств неумолима. Между тем акцентирование зла в драме не менее значимо, чем акцентирование добра. Падение оборачивается взлетом, нравственным воспарением, трагедия смерти приводит, конечно, не к радости жизни, но, по крайней мере, к стремлению изменить жизнь к лучшему, к созданию того доброго, светлого бытия, которое отсутствовало у всех членов семьи Зелике изначально.

С самого начала и до конца пьесы воссоздается атмосфера тяжелой и угнетающей жизни в семье Зелике. Денег у них очень мало, забот и волнений в изобилии, отец часто приходит домой пьяный, бьет мать. Их жилец Венд на основании своих наблюдений делает общий вывод о людях в целом и о семье Зелике в частности – они, рафинированные бестии, эгоистичны, жестоки, могут прийти только к взаимному уничтожению, поскольку больше ни на что не способны. Любя Тони, старшую дочь Зелике, Венд мечтает жениться на ней и создать ей хорошие условия существования. Тони, вначале соглашаясь с ним, в конце отказывается оставить родителей, считает своей обязанностью еще больше, чем прежде, заботиться о них после смерти своей младшей сестры Линхен.

Как видно, практически все действие драмы сосредоточено на показе бедственного положения в семье Зелике. Все они каждый по-своему охвачены чувством страха, боязни, ужаса. Эти слова и их дериванты вкуче с коннотациями (“schrecklich – erschrecklich”, “Angs – ängstlich”, “erschrocken”, “Entsetzen – entsetzlich”) постоянно звучат почти в каждой реплике действующих лиц.

Но не менее значим и эстетически выразителен в речах героев их общий антоним “schön”. При этом прекрасное, а значит, возвышенное, выступает не только как контраст к безобразному, а значит, низменному, но и является его следствием, становится его причиной. Наиболее полно это проявляется в двух диалогах Тони и Вендта.

В первом из них идея блага проступает в своем достаточно традиционном этическом значении – предпочтение высшего (“schön”) низшему (“schrecklich”). Однако по ходу беседы данные понятия теряют свою однозначность, причудливым образом меняются местами, аксиологически осмысливаются. Так, для Венда звон берлинского колокола ужасен (“Der Berliner Glocken sind schrecklich”) [Holz 2015: 45], для Тони, напротив, колокола, особенно в рождественскую ночь, звучат прекрасно (“zu Weihnachten klingen sie immer schön”) [там же]. Причем в драме особенно подчеркивается, что это не столько специфика конкретно данной импресии, сколько автономность восприятия жизни в целом. Венд со всей силой своего красноречия убеждает Тони в том, что жизнь ее в этой семье отвратительна (“es ist alles zu, zu schrecklich”) [там же: 44], она существует в этом ужасе уже долгое время (“Du hast Angst, das zu hören”) [там же: 45], сегодня, в рождественскую ночь, она находится в страхе пред своим безотрадным будущим (“Heute, am Heiligen Abend, sitzt du in Angst”) [там же: 46], родители Тони не думают о своих детях, ничего не делают, чтобы изменить ситуацию к лучшему (“die sie gar nicht wieder gut machen können”) [там же], они кажутся Венду жалкими в своей ребяческой ненависти (“kindischen Hass”), все это, считает Венд, так страшно и жутко (“Das ist alles zu, zu schrecklich! Furchtbar!”) [там же].

Однако у Тони иные ценностные критерии. Ее пугают не ужасы существования, не ее среда обитания, которая в столь темных красках обрисована Вендом, а общие его рассуждения о жизни и людях. Она просит его замолчать, не говорить больше ничего (“Reden Sie doch nicht so! Sagen Sie doch das nicht!”) [там же: 47]. Тони не в состоянии постигнуть, как Венд может произносить такие слова о ее отце и матери, они оба очень хорошие, считает Тони (“Sie sind beide gut und schön”) [там же: 48]. Получается, что среда как таковая предстает в качестве виртуального зла, истинная его сущность прорывается наружу посредством словесной вербализации, проявляет себя в сфере видимого через речи Венда. Он, желая избавиться от зла свою возлюбленную, наполняет ее сознание еще большими ужасами и страхами. Венд, осознав это в определенный момент и понимая, что

испугал Тони (“Hab ich dich so erschreckt?”) [там же: 49], полностью меняет риторику и переключает внимание на ту прекрасную жизнь, которую он готов ей предложить.

Венд хочет, чтобы Тони ушла с ним, это будет величайшим благом для нее, полагает Венд. У них будут прекрасные отношения (schöne Verhältnisse), они будут счастливы друг с другом (“Du wirst glücklich werden, wir beide”) [там же: 53], ненависти не будет места в их прекрасной жизни вдвоем. Тони, очарованная дивной картиной, для описания которой Венд не жалеет красок, непрерывно восклицает: “O, nun wird die Welt so schön werden! So schön!” [там же: 53].

Получается, что прекрасное – schön – обретает зримые очертания только через отталкивание и полное забвение безобразного – schrecklich, иными словами, забвения той жизни, которую Тони вела до сих пор. Венд, правда, говорит, что Тони станет помогать родителям и братьям, что они в будущем возьмут к себе Линхен, но главное для него – взять Тони с собой, вырвать ее из этого ада, коим Венд считает ее семью. В этом плане наиболее показательно описание дома, в котором Венд предполагает жить с Тони: дом огорожен высокой стеной (“Ringsherum eine große, hohe Mauer”) [там же: 52], находится за маленькой деревенской церковью и оплетен виноградными листьями (“Unser Haus hinter der kleinen Dorfkirche, ganz von Weinlaub umrankt”) [там же: 52], они почти оторваны от мира (“wir beide, ganz abgeschlossen von der Welt”) [там же].

Кров, безопасное убежище могут быть лишь за пределами той действительности, в которой сейчас обитает Тони. Окружающая ее среда, бесспорно, жуткая, мрачная и невыносимая – schrecklich, но в этой среде живут люди, которых Тони любит (родители, братья, больная сестра). Любовь, согласно аналитике прекрасного, является одним из самых возвышенных чувств, соответственно, может оцениваться только с позиции schön. Поэтому Венд, призывая Тони покинуть свою среду, невольно способствует ее отказу от любви, от того прекрасного schön, которое озаряет своим светом безобразное schrecklich.

Доказательством является их второй диалог в конце последнего действия. Линхен умерла, родители Тони в отчаянии, она не может их оставить, о чем и сообщает Венду. Однако дело не только и не столько в принципиально изменившейся внешней ситуации (смерть младшей сестры Тони), сколько в неумении Венда аксиологически думать и размышлять. Подобное неумение проявляется в неспособности героя драмы воспринимать ту мистерию добра, которая создалась в семье Зелике после смерти Линхен. Девочка покидает этот мир с

мыслями о свете, который гаснет для нее, но загорается для других. Она видит свет месяца, чувствует его красоту (“Der schöne, schöne Mondschein”) [Holz 2015: 55], пытается привлечь внимание матери к этому прекрасному свету (“Ach, Mamachen! Der schöne, schöne Mondschein”) [там же]. Однако мать, любя и жалея Линхен, может говорить и осмысливать только свою несчастную долю, размышлять о тяготах своего существования, красота ночного светила ее мало заботит. Правда, она подходит к окну и как бы невольно, вынужденно, лучше сказать, вымученно, обращает внимание на красоту мира снаружи: “Wunderhübsch draussen” [там же: 58]. Хольц особо фокусирует внимание на этом, казалось бы, столь незначительном эпизоде, эстетически подчеркивая важность того принципа «секундности», который, как известно, является одним из основных в его эстетике. Госпоже Зелике, как и всему семейству, в первую очередь ее мужу, суждено выйти из своего замкнутого мира, из мира будней, мира обыденности, заикленности только на своей участи, только на своих страданиях. Такой выход начинается в тот момент, когда госпожа Зелике испытывает восхищение, пусть и мимолетное, от красоты зимней ночи. Правда, для нее эта красота пугающая, она ощущает смертельную усталость вкупе со страхом: “Die Angst drück’s mir ab. Ich bin todmüde” [там же: 59].

Однако подсознательно мать Линхен уже готова к переменам. Не случайно последние слова ее дочери о свете, который гаснет для нее, но проникает в дом Зелике, об особом световом торжестве: “Das – Licht – geht – aus! Das Licht – geht – Ma-ma-chen” [там же: 70]. Предсмертное интуитивное прозрение маленькой Линхен предопределяет тот внутренний процесс в семье Зелике, который связан с воцарением добра в их душах, завершением ненависти, окончанием ссор. Это и есть то благо, которое, как показывает Хольц, ими аксиологически выстрадано, духовно и душевно осознано. Еще раньше Зелике говорил, что он неплохой и любит их всех: “Er hat Euch alle lieb! Alle! Auch Eure Mutter!” [там же: 67]. Тони подчеркивает в разговоре с матерью, что отец стал совсем другим, он изменился: “Der Vater wird ganz anders werden! Er ist ganz verändert!” [там же: 79]. Сама госпожа Зелике, которая больше всех сетовала на свою неудавшуюся жизнь, утверждает, что они теперь должны объединиться, держаться друг за друга: “Wir müssen uns jetzt alle recht zusammenschliessen” [Holz 2015: 79]. В этом плане весьма показательна и ремарка об утреннем свете, который, хотя и серый, но настойчиво проникает в комнату: “Das

Morgenlicht fällt grau durch die verschneiten Scheiben in’s Zimmer” [там же: 71]. Это свет любви, свет того прекрасного и чарующего *schön*, доселе им неведомого, но отныне способного противостоять тому жуткому *schrecklich*, который, казалось бы, навечно охватывал своей пугающей чернотой дом Зелике.

Тони, как и раньше, но теперь с большей убежденностью, говорит Венду, что ее родители такие хорошие, она их так любит: “Sie sind so gut. Alle beide. Ich habe sie ja so lieb” [там же: 84]. В этом плане трудно согласиться с устоявшейся, особенно в русском литературоведении, точкой зрения, согласно которой в этой драме не меняются ни обстоятельства, ни люди, а Тони является пассивной героиней отречения [Адмони 1980: 262]. Напротив, так называемая внешняя форма пассива (отказ Тони покинуть родителей и уйти с Вендом) оборачивается внутренней формой высочайшего актива – нежеланием и невозможностью причинить еще большее зло близким людям в тот момент, когда они, еще сильнее, чем раньше, нуждаются в ее поддержке и защите. Уход с возлюбленным означает для Тони предательство родителей, предательство семьи, наконец, предательство себя самой.

Члены семьи Зелике создают прекрасный мир – *schön* – в той среде, которая ранее могла ими оцениваться только как нечто ужасное – *schrecklich*. Благо выводится ими из той жизни, из той среды, которая раньше оценивалась только как юдоль скорби и непрекращающихся страданий. В связи с этим можно говорить об особом внутреннем движении драмы – в постепенном понимании прекрасной жизни – *schön*. Она становится таковой в тот момент, когда в ней начинает твориться великая мистерия добра.

Венд, внимая словам Тони, понимает свою прежнюю ошибку. Предлагая возлюбленной будущее чудесное бытие, он тем самым старался решить этическую проблему исходя не из самой жизни, а, напротив, пытаясь выйти за ее рамки, тем самым ценностно себя дезорганизовывая. Не случайно он в финале называет Тони удивительной девушкой, которая сделала его совершенно другим человеком: “Du hast wunderbares Mädchen!” [Holz 2015: 88], “Du machte mir jetzt zu einen anderen Menschen” [там же: 89]. Благодаря Тони Венд выводит из бытия личное аксиологическое суждение – жизнь горька и серьезна, но она прекрасна: “Das Leben ist ernst! Bitter ernst! Aber jetzt sehe ich, es ist doch schön” [там же: 89]. Он сам, покидая Тони, будет отныне творить прекрасный мир, станет утешать людей так, как велит ему долг проповедника – пастыря. Ценностный акцент должен быть направлен на внешний мир, а не на иллюзорный выход из него.

Заключение

Итак, аксиологическая трансформация этических понятий в немецком натурализме вершится в контексте представлений о жизни, поиска ценностей в самой основе великого бытия. Подлежащая коррекции длительная этическая традиция на рубеже XIX–XX вв. направлена в сторону изменения понятия блага, которое подвергается ценностному анализу. Его аксиологическая сущность заключается в получении и принятии впечатлений от окружающего бытия, что и приводит к воцарению в душе индивидуального этического чувства, полностью лишённого нормативности. Натуралисты, наследуя классические традиции, стремятся показать при этом не только (и не столько) доминанту добра, но и доминанту зла. Понимая, что последнее остается нерешенной проблемой и требует дальнейшего разбора, художники слова в переходную эпоху предметом своих исследований делают нравственную жизнь, которая становится таковой при теснейшем контакте с убогой действительностью.

Решение проблемы о переосмыслении этических понятий немецкими натуралистами позволяет подвергнуть пересмотру их художественные творения, заново раскрыть феномен их поэтики. В результате поэтические тексты натуралистов, в частности драма А. Хольца «Семья Зелике», могут прочитываться в ракурсе того изображения высокого пафоса духовного совершенства личности, который романтического героя прошлых лет приподнимал над миром серых будней, а героя натуралистической драмы, напротив, в эти серые будни низвергал. Однако подобное низвержение не менее, если не более, возвышает героя натуралистической драмы. Его этический критерий, основанный на ценностном чувстве сопричастности своим ближним, позволяет озарить светом доброты самые недра адской бездны – убогую действительность.

Список литературы

- Адмони И. Г. Натурализм // История немецкой литературы. М.: Наука, 1980. С. 233–266.
- Аристотель. Никоматова этика. М.: Эксмо-Пресс, 1997. 1103 с.
- Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XX столетия. М.: Звено, 1910. 150 с.
- Вундт В. Введение в философию. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1903. 310 с.
- Гадамер Х. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
- Геккель Э. Мировые загадки. М.: Государственное антирелигиозное издательство, 1937. 525 с.

- Дильтей В. Герменевтика. М.: Эксмо, 2001. 531 с.
- Зиммель Г. Созерцание жизни // Г. Зиммель. Избранное. М.: Юрист, 1996. Т. 2. С. 7–300.
- Кант И. Религия в пределах чистого разума. М.: URSS, 2011. 231 с.
- Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
- Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Эксмо, 2016. 320 с.
- Риккерт Г. Философия жизни. СПб.: Академия, 1922. 167 с.
- Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 1267 с.
- Фихте И. Назначение человека // И. Фихте. Факты сознания. Назначение человека. Научное учение. М.: АСТ, 2000. С. 564–772.
- Шеллинг Ф. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 638 с.
- Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
- Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 2. 447 с.
- Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 392 s.
- Bölsche W. Weltblick. Gedanken zu Natur und Kunst. Dresden: C. Reissner, 1904. 351 s.
- Curtius E. Europäische Literatur und lateinische Mittelalter. Tübingen und Basel: Franke Verlag, 1993. 607 s.
- Dilthey W. Das Wesen der Philosophie. Hamburg F: Meiner Verlag, 1984. 217 s.
- Holz A. Die befreite deutsche Worterkunft. Leipzig-Wien: Avalun Verlag, 1921. 270 s.
- Holz A. Die Familia Selike. Berlin: Verlag Hofenberg, 2015. 66 s.
- Kemper D. Moderneforschung als literaturwissenschaftliche Methode // Germanistische Jahrbuch GUS „Das Wort“. Hrsg. von M. Vollstedt im Auftrag des DAAD. Moskau, 2003. S. 161–202.
- Naturalismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900. Stuttgart: J. B. Metzler, 1987. 778 s.
- Vietta S. Ästhetik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2001. 329 s.

References

- Admoni J. G. Naturalizm [Naturalism]. *Istoriya nemetskoj literatury* [The History of German Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 233–266 (In Russ.)
- Aristotle. *Nikomatova Etika* [The Nicomachean Ethics]. Moscow, Eksmo-Press, 1997. 1103 p. (In Russ.)

- Windelband W. *Filosofiya v nemetskoy dukhovnoy zhizni XX stoletiya* [Philosophy in German Spiritual Life in the 20th Century]. Moscow, Zveno Publ., 1910. 150 p. (In Russ.)
- Wundt W. *Vvedenie v filosofiyu* [An Introduction to Philosophy]. St. Petersburg, Brockhaus - Efron Publ., 1903. 310 p. (In Russ.)
- Gadamer H. *Istina i Metod* [Truth and the Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 699 p. (In Russ.)
- Haeckel E. *Mirovye zagadki* [The World's Mysteries]. Moscow, Gosudarstvennoe antireligioznoe izdatelstvo Publ., 1937. 525 p. (In Russ.)
- Dilthey W. *Germenevtika* [Hermeneutics]. Moscow, Eksmo Publ., 2001. 531 p. (In Russ.)
- Simmel G. *Sozertsanie zhizni* [The contemplation of the life]. Simmel G. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow, Yurist Publ., 1996, vol. 2, pp. 7-300. (In Russ.)
- Kant I. *Religiya v predelakh chistogo razuma* [The Religion Within the Limits of Reason Alone]. Moscow, URSS Publ., 2011. 231 p. (In Russ.)
- Leibniz G. *Sobranie sochineniy* [Collection of Works in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1982, vol. 1. 636 p. (In Russ.)
- Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond Good and Evil]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)
- Rickert H. *Filosofiya zhizni* [The Philosophy of Life]. St. Petersburg, Akademiya Publ., 1922. 167 p. (In Russ.)
- Spinoza B. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works: in 2 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1957, vol. 1. 1267 p. (In Russ.)
- Fichte J. *Naznachenie cheloveka* [The vocation of man]. Fichte J. *Fakty soznaniya. Naznachenie cheloveka. Naukouchenie* [Facts of Consciousness. The Vocation of Man. The Science of Knowledge]. Moscow, AST Publ., 2000, pp. 564–772. (In Russ.)
- Schelling F. *Sochineniya* [Collection of Works in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, vol. 1. 638 p. (In Russ.)
- Schlegel F. *Estetika. Filosofiya. Kritika. Sochineniya* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. Collection of Works in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, vol. 1. 479 p. (In Russ.)
- Schlegel F. *Estetika. Filosofiya. Kritika. Sochineniya* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. Collection of Works in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983, vol. 2. 447 p. (In Russ.)
- Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1986. 392 p. (In Ger.)
- Bölsche W. *Weltblick. Gedanken zu Natur und Kunst* [The World View. Thoughts on Nature and Art]. Dresden, C. Reissner, 1904. 351 p. (In Ger.)
- Curtius E. *Europäische Literatur und lateinische Mittelalter* [European Literature and Latin Middle Ages]. Tübingen und Basel, Franke Verlag, 1993. 607 p. (In Ger.)
- Dilthey W. *Das Wesen der Philosophi* [The Essence of Philosophy]. Hamburg F, Meiner Verlag, 1984. 217 p. (In Ger.)
- Holz A. *Die befreite deutsche Worterkunft* [The Liberated German Origin of the Word] Leipzig-Vienna, Avalun Verlag, 1921. 270 p. (In Ger.)
- Holz A. *Die Familia Selike* [The Family Selicke]. Berlin, Verlag Hofenberg, 2015. 66 p. (In Ger.)
- Kemper D. *Moderneforshung als literaturwissenschaftliche Methode* [Modern research as a method of literary studies]. *Germanistische Jahrbuch GUS 'Das Wort'* [German Studies Yearbook 'The Word']. Ed. by von M. Vollstedt im Auftrag des DAAD. Moscow, 2003, pp. 161–202. (In Ger.)
- Naturalismus. *Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1880–1900* [Naturalism. Manifestos and documents on German literature 1880-1900]. Stuttgart, J. B. Metzler, 1987. 778 p. (In Ger.)
- Vietta S. *Ästhetik der Moderne* [The Aesthetics of Modernity]. Munich, Wilhelm Fink Verlag, 2001. 329 p. (In Ger.)

Transformation of Axiological Concepts in German Naturalism. The Drama 'The Family Selicke' by A. Holtz

Alla P. Sklizkova

Professor in the Department of Russian and Foreign Philology

Vladimir State University

87, Gorkogo st., Vladimir, 60000, Russian Federation. burelomy@list.ru

SPIN-code: 7872-4300

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1481-1133>

Submitted 08 Oct 2021

Revised 14 Feb 2022

Accepted 22 Mar 2022

For citation

Sklizkova A. P. Aксиологическая трансформация этических понятий в немецком натурализме. Drama A. Khol'tsa «Sem'ya Zelike» [Transformation of Axiological Concepts in German Naturalism. Drama 'Family Zelik' by A. Holtz]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 120–130. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-120-130 (In Russ.)

Abstract. The article is devoted to the problem of the interaction between the ethical views of the past and axiological concepts at the turn of the 19th and 20th centuries, which sheds light on the general problem of modernity associated with its general principle – the interrelationship of epochs. The study aims to show how the ethical concepts of the past years receive an axiological interpretation; to reveal the poetic peculiarity of the global synthesis of ethics and axiology through the example of the drama *The Selicke Family* by A. Holtz.

The analysis has revealed that, under the influence of the philosophy of life, known as everyday life, and the understanding of contemporary philosophies, emphasizing the teaching on values as the basis of all activities, a new ethic is emerging among naturalists, which is what axiology becomes for them. Naturalists, seeking to cognize life while rejecting the former principle of normativity, consider life as being value-centered. The innovative role of the moral conclusions of a thinking subject leads to the ethical feeling taking major place in the soul. When subjected to axiological analysis, this feeling appears to be peculiar and subjective. It was found that the axiological criterion was also applied by naturalists to reinterpret the ethical notion of good. It is inseparable from evil, which naturalists see in the laws of environment and heredity.

In *The Selicke Family*, the relationship between evil (immersion in environment) and good (victory over hatred and the triumph of love) is poetically realized through the change of representations of the beautiful (schön) and the ugly (schrecklich). The heroes of the drama derive from existence personal axiological judgment based on the transformation of ethical criteria: good is latently present in the environment, suffering leads to moral regeneration, the mysteries of good occur at the most tragic moment of life.

Key words: axiology; ethical component; value accent; moral consciousness; modernism; naturalism; ethical tradition; environment; heredity.

УДК 821.111(09):2
doi 10.17072/2073-6681-2022-2-131-141

Художественное воплощение принципов христианского религиозного учения унитариев в творчестве Элизабет Гаскелл

Мария Юрьевна Фирстова

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры,
доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. legkikh76@mail.ru

SPIN-код: 1553-5029
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

Статья поступила в редакцию 11.04.2022
Одобрена после рецензирования 06.06.2022
Принята к публикации 15.06.2022

Информация для цитирования

Фирстова М. Ю. Художественное воплощение принципов христианского религиозного учения унитариев в творчестве Элизабет Гаскелл // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, вып. 2. С. 131–141. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-131-141

Аннотация. В статье рассматриваются история возникновения и основные принципы христианского религиозного учения унитариев, получившего распространение в Великобритании со второй половины XVIII в., в связи с влиянием морально-этических постулатов этого неконформистского (диссентерского) направления в христианстве на творчество Э. Гаскелл (1810–1865), происходившей из среды английских унитариев. Прослеживается воздействие унитаризма на формирование проблемно-тематического аспекта большинства романов писательницы, что проявилось в художественном осмыслении необходимости усиления роли женщины в викторианском обществе, новом освещении темы «падшей» женщины, реализованном через предоставление возможности искупления греха посредством служения на благо общества и оправдание материнской любовью, акценте на идеях пацифизма, религиозной толерантности, стремлении к преодолению социальных конфликтов на основе христианской идеи взаимозависимости людей в обществе, социальной справедливости, изобличении пагубности лжи и т.д. Влияние унитаризма обусловило и выбор героя: это социально активная молодая девушка из среднего класса, усилия которой направлены на преодоление социального конфликта, и священник или священник-диссентер, испытывающий религиозные или нравственные сомнения, что, в свою очередь, обусловило перенос внимания автора исключительно с внешнего социального конфликта на внутренний, определив усиление психологизации повествования. Особое внимание уделяется реализации центральной для унитариев идеи нравственного совершенствования человека через преодоление заблуждений и прогресса общества в целом в романах «Руфь» (“Ruth”, 1853), «Север и юг» (“North and South”, 1855), «Поклонники Сильвии» (“Sylvia’s Lovers”, 1863).

Ключевые слова: критический реализм; викторианство; унитаризм; Новый Завет; антиритарии; неконформизм; диссентеры; смена гендерных ролей.

Вплоть до конца первого десятилетия XXI в. английская писательница Элизабет Клегхорн Гаскелл (1810–1865) была известна широкому кругу российских читателей прежде всего как автор социального романа «Мэри Бартон» (“Mary Bar-

ton”, 1848), посвященного изображению острых социальных конфликтов между промышленниками-капиталистами и рабочими в голодные сроки XIX в. в Англии, и произведения «Крэнфорд» (“Cranford”, 1853), с тонким юмо-

ром описывающего нравы и быт провинциального английского городка, населенного одинокими пожилыми леди. Во многом это было вызвано идеологической заданностью и, как следствие, ограниченностью анализа творчества писательницы отечественными литературоведами в середине прошлого века, ориентировавшимися на высказывание К. Маркса в статье «Английская буржуазия», опубликованной в газете “New-York Daily Tribune” № 4145, 1 августа 1854 г., в котором он объединяет Э. К. Гаскелл, Ч. Диккенса, У. М. Теккерея и Ш. Бронте в «блестящую плеяду современных английских романистов, которые в ярких и красноречивых книгах раскрыли миру больше политических и социальных истин, чем все профессиональные политики, публицисты и моралисты вместе взятые...» [Маркс 1958: 648].

Ситуация изменилась, когда в 2012 г. был переведен на русский язык и издан роман «Север и юг» (“North and South”, 1855), в котором более детально, чем в первом произведении писательницы, рассматривается проблема взаимоотношений представителей различных социальных групп и предлагается решение социального конфликта на основе христианского принципа любви к ближнему. В 2013 г. выходит в свет перевод еще одного произведения писательницы, в свое время бросившего вызов викторианской морали, заявляя о праве падшей женщины на любовь к своему незаконнорожденному ребенку, о возможности ее нравственного возрождения через эту любовь и о праве быть принятой обществом и жить в нем, принося пользу его членам. Речь идет о романе «Руфь» (“Ruth”, 1853). Перевод и издание вышеназванных произведений, несомненно, обогатили представление российских читателей о творчестве писательницы. Однако, на наш взгляд, оно так и останется неполным, если мы будем рассматривать и анализировать произведения автора без учета весьма важного факта ее биографии, особенно, если учесть склонность Э. Гаскелл к изображению в произведениях событий и ситуаций из собственной жизни. Этим важным фактом биографии является принадлежность писательницы к религиозному учению антитринитариев, получившему в Англии название «унитаризм» (или унитариянство).

О принадлежности Гаскелл к этому диссентерскому (нонконформистскому) религиозному учению, преследование которого светскими властями и официальной англиканской церковью осуществлялось с намного большим рвением, чем других нонконформистских учений, упоминают большинство зарубежных исследователей ее творчества [Gerin 1976; Easson 1979; Duthie 1980; Uglow 1993; Chapple 2007]. Так, несмотря

на принятие в 1689 г. «Акта о веротерпимости» (“Toleration Act”), разрешавшего, по сути, деятельность всех религиозных диссентерских общин на территории Великобритании, унитарии по-прежнему оставались под запретом. Однако это обстоятельство не мешало последователям средневекового арианского течения в христианстве, наследником которого и стал унитаризм, чей расцвет на родине писательницы пришелся на вторую половину XVIII в., быть весьма социально успешными. Как пишет Чэппл, в начале XIX в. в Англии и Уэльсе насчитывалось немногим более двухсот унитаристских конгрегаций, но их «социальное и культурное влияние было непропорционально их численности» [Chapple 2007: 166]. Биограф Э. Гаскелл пишет о богатствах, сосредоточенных в руках банкиров Ллойдов (Lloyds), производителей и торговцев шелком Кортодов (Courtaulds) и мн. др. Известно, что по материнской линии Э. Гаскелл состояла в дальнем родстве с такими влиятельными в то время в Великобритании семьями унитариев, как Дарвины (Darwins), Тернеры (Turners) и производители всемирно известного английского фарфора Веджвуды (Wedgwoods) [Duthie 1980: 151]. Отец и муж Гаскелл (Уильям Гаскелл) были священниками-унитариями.

Представители этого диссентерского религиозного учения, как правило, отличались высоким уровнем образования. В XVIII в. унитариев не допускали к обучению в английских университетах, что подтолкнуло их не только к поступлению в университеты Шотландии и Германии, но и к организации собственных учебных заведений. Одним из таких стала академия Уоррингтон (Warrington Academy, 1754–1786 гг.), выпускником которой были философ и ученый Джозеф Пристли (1733–1804), ставший в 1761 г. преподавателем языков и литературы в своей *alma mater*, и известный деятель Великой французской революции Жан-Поль Марат (1743–1793) [Stiles 1995: 13]. Пристли внес большой вклад в развитие антитринитарных идей на основе принципа рационализма и укрепление унитаризма в Англии.

Сегодня религиозное учение унитариев по-прежнему исповедуется в Великобритании, имея также большое число последователей в США. Британские унитарии внимательно относятся к памяти писательницы, о чем свидетельствуют высказывания священника-унитария Дэвида Досона во время празднования двухсотлетия со дня ее рождения. Он полагает, что унитаризм проявился в произведениях Гаскелл через ее обращение к таким темам, как социальная справедливость, примирение в обществе, более справедливое распределение средств в нем и права женщин [Worship Resource 2010: 3]. Известно, что Га-

скелл не ограничивалась исключительно словесным утверждением идеалов добра и милосердия посредством своего творчества, а принимала активное участие в благотворительной деятельности, оказывая помощь рабочим и беднякам Манчестера. Об этом упоминают не только зарубежные, но и отечественные исследователи жизни и творчества писательницы [Ивашева 1990; Ремизов 1974; Тугушева 1989]. Знание реалий быта манчестерских рабочих позволило Гаскелл создать в своих социальных романах (*Condition-of-England novels*) по-настоящему реалистичные картины, вызывающие не только сочувствие к положению беднейших слоев общества, но и призывающие к социальным реформам, а также внести значительный вклад в развитие критического реализма в европейской литературе.

Согласно статье И. Р. Леоненковой в «Православной энциклопедии», корни антиринитаризма, распространенного сегодня, главным образом, в США, восходят к XVI в., когда в Италии под влиянием флорентийских неоплатоников, с одной стороны, и идей протестантской Реформации, с другой, стали появляться сочинения, носившие антиринитарный характер [Православная энциклопедия]. Одним из авторов таких сочинений был врач и богослов Михаил Сервет. В своих работах “*De Trinitatis erroribus*” (“О тринитарных заблуждениях”, 1531), “*Dialogi de trinitate*” (“Диалоги о Троице”, 1532) и “*Christianismi restitutio*” (“Восстановление христианства”, 1553) он выступал против догмата о Святой Троице, отрицал божественную природу Иисуса Христа и считал одной из важнейших задач возвращение к «доникейскому христианству». Во второй половине XVI в. идеи Михаила Сервета продолжили итальянские богословы Леллий Социн и его племянник Фауст Социн, но уже в Польше. Так, Ф. Социн считал, что Священное Писание содержит все необходимое для спасения, но истинно в нем только то, что не противоречит человеческому разуму. Социн отрицал первородный грех. А крестная смерть Иисуса Христа, в его представлении, нужна была для подтверждения истинности проповедуемого Христом учения, а не для искупления первородного греха и умиловивления гнева Божия. Иисус Христос Своей жизнью и святостью, по мнению богослова, указывает людям путь ко спасению, но является человеком [Ibid.]. Отсюда следует вывод о том, что «каждый, кто станет жить по заповедям Христа, достигнет духовного совершенства и вечной жизни в небесном царстве. Социн и его последователи отвергали магическое значение всех обрядов, сводя тем самым христианское учение к своего рода моральной доктрине» [История Европы: 303]. Возможность

обрести вечную жизнь в царстве небесном благодаря праведной земной жизни противоречит главному постулату кальвинизма о божественном предопределении. Неслучайно в судебном процессе против М. Сервета в 1553 г., закончившемся сожжением обвиняемого, активное участие принимал Ж. Кальвин. В середине XVII в. последователи идей Леллия и Фауста Социнов (социниане) были вынуждены бежать от преследований польской католической церкви в Нидерланды, где активно занимались издательской деятельностью. Оттуда литература с антиринитарными идеями попадает в Англию, где учение начинает бурно развиваться.

Как уже было сказано выше, одним из ярких представителей британского антиринитаризма был ученый и философ Джозеф Пристли. Вслед за Ф. Социном он считал веру в изначальную греховность человека и искупление грехов человечества через смерть Иисуса печальными суевериями [Chapple 2007: 165]. Об отрицании унитариями идеи о врожденной греховности человека пишет и Рональд Питер Стайлс в диссертации, посвященной творчеству Гаскелл [Stiles 1995: 13]. Как сказано в «Материалах богослужения, посвященного 200-летию со дня рождения Э. Гаскелл» (“*A Worship Resource to Celebrate the 200th Anniversary of the Birth of Elizabeth Gaskell*”), писательница «избегала религиозных споров, но ее письма указывают на то, что она придерживалась более традиционной формы унитаризма, разработанной Джозефом Пристли» [Worship Resource 2010: 2].

Для английских унитариев главной морально-этической ценностью стала правда, что, по мнению Чэппла, согласовывается с такими идеалами Просвещения, как свобода рационального мышления и познания, свобода совести, терпимость и самосовершенствование, также присущими этому религиозному течению [Chapple 2007: 165]. Поиски правды, какими бы тяжелыми и мучительными они ни были для человека, заслуживали не только уважения, но и поощрения. Отсюда неприемлемость лжи даже в мелочах повседневности, а не только в вопросах теологии. «Ложь во спасение» была также недопустима с точки зрения их морально-этического кодекса, негативное отношение распространялось и на различного рода тайны, поскольку они скрывали, замалчивали правду. Об этом пишет Р. П. Стайлс: «Необходимость быть честным и избегать сокрытия чего-либо были особенно важными требованиями учения унитариев в середине викторианского периода» [Stiles 1995: 25]. Оценка событий, изложенных в Священном Писании, с рациональных позиций способствовала развитию научной мысли в среде унитариев.

Они осознали, что подход к изучению какого-либо предмета с позиций разума снимает ограничения, накладываемые верой, дает свободу для проведения исследований. Британские унитарии вообще высоко ценили образование и поощряли интеллектуальное развитие своих братьев по вере. Женщины из среды унитариев были образованнее своих современниц, исповедующих официальную религию. Одной из первых призвала общество задуматься о развитии системы женского образования в стране дочь известного проповедника-унитария Джеймса Мартино – Харриет Мартино (Harriet Martineau) в статье “On Female Education” (1821) в журнале унитариев “Monthly Repository”. Как пишет Энн Перт в главе «Забытые пророки – женщины-унитарии и религия» книги «Унитарийские взгляды» (“Unitarian Perspectives”), представители наиболее радикального крыла унитариев в 1820-е гг. озаботились получением женщинами прав в различных областях, начиная с права на расторжение брака, в котором отсутствует любовь, за что боролся священник-унитарий Уильям Джонсон Фокс (William Johnson Fox), заканчивая правом на получение профессионального образования в области медицины, что стало доступно благодаря усилиям юриста и политического деятеля Джеймса Стэнсфилда (James Stansfield). За право женщин участвовать в выборах и за общее повышение статуса женщины в обществе, необходимое для морального прогресса человечества, выступала жена Джона Стюарта Милля – Харриет Тайлор Милль (Harriet Taylor Mill) [Unitarian Perspectives on Contemporary Religious Thought: 1999: 51]. Будучи яростно преследуемы властями и официальной церковью, как ни одно другое диссентерское религиозное течение в Британии, унитарии высоко ценили свободу совести. Вот почему так значима для унитариев идея толерантности в вопросах вероисповедания, «уважения к различным религиозным убеждениям даже внутри собственного учения» [Uglow 1993: 7]. Еще одной важной чертой этого религиозного учения был гуманизм. Унитарии направляли свои усилия на защиту обездоленных и борьбу с социальной несправедливостью. Дженни Аглоу об этой деятельности унитариев на примере семьи Гаскелл пишет следующее: «Именно против социального зла, а не первородного греха или проделок дьявола выступало семейство Гаскелл. Если зло было содеяно человеком, то, по их мнению, человеку было подвластно и избавиться от этого зла, либо выполняя практические действия, либо прибегая к помощи слова, обладающего силой, пробуждающей совесть и влияющей на поведение человека» [там же: 73]. Унитарии полагали, что влияние среды и жизненных обстоя-

тельств на человека в плане формирования характера и выбора модели поведения сильнее, чем воздействие его природной предрасположенности к добру или злу. Эта идея, на наш взгляд, выросла из отрицания врожденной греховности человека. Она же сформировала их представление о важности образования и воспитания как средств формирования морального облика человека. Гуманистический пафос религиозного учения британских антитринитариев основывался на их вере в Бога любящего, а не наказывающего, «милосердного, а не гневающегося» [Uglow 1993: 96]. При этом они считали, что все поступки человека, как плохие, так и хорошие, неизбежно приводят к определенным последствиям. Но они рассматривали это обстоятельство не только и даже не столько с точки зрения неизбежности наказания за совершенные проступки или грехи, а как возможность получить спасение уже в земной жизни через искушение грехов, которую Бог дает человеку. Развиваясь как диссентерское религиозное учение, унитаризм неизбежно заимствовал идеи других неконформистских религиозных течений Британии, порой просто поразному расставляя акценты.

Как известно, религия имела большое значение в жизни человека в викторианскую эпоху. В подтверждение мысли о самодовлеющей роли религии в формировании английского национального менталитета в этот период приведем высказывание Б. М. Проскурнина в монографии «Идеи времени и зрелые романы Джордж Элиот»: «Необходимо иметь в виду как “базовую составную часть доминирующей идеологии” [Harrison 1973: 161] пуританское, точнее, протестантское, прежде всего евангелическое начало (“жизненное, не книжное христианство”, как говорили в викторианские времена), основывающееся на идее напряженного труда и индивидуальной моральной ответственности каждого» [Проскурнин 2005: 40].

Идея индивидуальной ответственности не только за свои поступки, но и за самое драгоценное для верующего человека – душу – получила некоторое переосмысление в христианском религиозном учении унитариев. Как говорилось ранее, согласно положениям этого учения, человек искупал свои грехи не через страдания в аду после смерти, а должен был сделать это при жизни. Об этом в лекции, посвященной учению унитариев, говорил Том Джон Гамильтон (Thom John Hamilton): «Мы считаем, что даже в будущем есть наказание для души, что даже для самых грешных есть способы искупления и что запятанный дух может быть так очищен, как если бы это сделал огонь. Мы считаем, что такое представление о строгом постепенном наказании оказывает более личное,

понятное и живое воздействие, чем вечные муки, в которые никто не верит сердцем и не страшится себе представить» [цит. по: Stiles 1995: 34].

В связи с вышеизложенным становится понятно настойчивое обращение Гаскелл к теме нравственного возрождения оступившейся женщины. Автор предоставляет главной героине романа «Руфь» (“Ruth”, 1853) возможность искупить грех, совершенный по незнанию в юности. Искупление происходит уже в земной жизни: Руфь – падшая женщина с общепринятой в викторианстве точки зрения – испытывает муки совести и душевные страдания не только от осознания греховности совершенного, но и от того, что чувства к соблазнившему ее Бэллингхэму продолжают жить в ее сердце. Последнее обстоятельство порождает глубокий внутренний конфликт, разрешение которого невозможно в рамках реализма без каких-либо натяжек и психологических несоответствий, отсюда и смерть героини в конце романа. Однако, несмотря на то что Руфь не смогла разлюбить нравственно испорченного человека, увлекшего когда-то ее на путь греха, она смогла отказаться от него и его предложения руки и сердца. Это происходит в их вторую встречу, когда их сын Леонард стал уже достаточно взрослым, чтобы понять причину оскорблений в адрес его матери – собственное «незаконное» происхождение. Героине романа удается противостоять новому соблазну – скрыть свой грех через брак с соблазнителем. Этому предшествует длительная работа над собой. Не случайно в романе приводится описание того, как Руфь занимается со священником Бенсоном изучением Библии, как она много читает. Интеллектуальное развитие героини способствует ее нравственному совершенствованию. Здесь, на наш взгляд, очевидно влияние унитаризма: это и неприемлемость лжи во спасение, и влияние среды на формирование личности (жизнь в семье священника), и необходимость придерживаться правды, какой бы горькой она ни была, и вера писательницы-унитария в способность человека к самосовершенствованию. Последнее согласуется с утверждениями ранее упомянутого философа Дж. Пристли о том, что человек и его поведение, проистекающее всегда из заранее установленных мотивов, способны к совершенствованию и могут быть приведены в соответствие с божественным провидением [Stiles 1995: 15]. Более подробно идея нравственного совершенствования человека на примере образа главной героини романа «Руфь» обсуждается в нашей статье «Идея духовного самосовершенствования в художественной структуре романа Элизабет Гаскелл “Руфь”» [Фирстова 2010].

Другой морально-этический постулат британских унитариев об изначальной нравственной чистоте человека (отрицание первородного греха) также находит художественное воплощение в образе наивной, неиспорченной Руфи, которая не смогла противостоять ухаживаниям опытного соблазнителя в силу отсутствия жизненного опыта и нравственного руководства более взрослого человека, например матери или другого родственника. Сходную мысль высказывает Ларри Аффельман, не углубляясь в религиозное основание причин подобной трактовки проблемы женского падения на примере образа главной героини романа «Руфь»: «Gaskell’s point, which is clear by the end of her story, is that girls fall, not because of an innate perversity, but because they are just not looked after» [Uffelman 2007: 176].

Способность к самосовершенствованию и саморазвитию проявляет и другая героиня Гаскелл – Маргарет Хейл в романе «Север и юг» (“North and South”, 1855). Приехав в северный промышленный город Милтон, будучи крайне отрицательно настроенной в отношении людей, занимающихся торговлей и промышленностью, она постепенно начинает вникать во все сложности и противоречия нового индустриального общества. Маргарет перестает идеализировать аграрный юг Англии, где она родилась и выросла. Вникая в вопросы промышленной экономики, она помогает противоборствующим классам «хозяев» и «рабочих» понять друг друга благодаря личному общению и дружбе с их представителями: промышленником Торнтоном и профсоюзным лидером Николасом Хиггинсом. Миссия героини в романе явно гуманистическая. Встав на сторону погибающих от нищеты и голода рабочих Милтона, героиня борется с социальной несправедливостью. Такую задачу унитарии, как известно, всегда ставили перед собой.

В упомянутом романе присутствует эпизод, ярко иллюстрирующий отношение унитариев к свободе совести и вероисповедания, показывающий важность толерантности в вопросах веры ради блага каждого отдельного человека. Речь идет о молитве в доме Хейлов в Милтоне, куда Маргарет привела рабочего Хиггинса, чтобы он смог поговорить с ее отцом, бывшим священником англиканской церкви. Героиня надеялась, что этот разговор облегчит страдания героя, только что потерявшего дочь и удержит его от похода в трактир, где он привык облегчать боль при помощи выпивки. Заслуживает внимания описание сцены молитвы в романе: «прихожанка англиканской церкви Маргарет, ее отец диссентер и атеист Хиггинс вместе преклонили колена. Это не принесло никому из них вреда» (“Margaret the Churchwoman, her father the Dissenter, Hig-

gins the Infidel, knelt down together. It did them no harm” [Gaskell 1994: 277]). Автор намеренно акцентирует внимание читателя на разном отношении молящихся к религии, тем самым подчеркивая, что, с одной стороны, люди, имеющие разные взгляды, могут, несмотря на это обстоятельство, объединяться. С другой – что различная конфессиональная принадлежность или же ее отсутствие не мешают людям общаться с Богом. Внимание писательницы к роли религии в жизни героев, «поликонфессиональности викторианской Англии» отмечает и В. О. Возмилкина. Однако литературовед не углубляется в анализ этических принципов унитаристской модификации христианского учения, останавливаясь на понятии «общехристианских ценностей» в качестве основы подлинно нравственного поведения» [Возмилкина 2015: 18], что обусловлено задачами диссертационного исследования.

В другом эпизоде романа, где Бесси Хиггинс выражает уверенность в обретении райского блаженства в загробной жизни в качестве награды за страдания в земной, ссылаясь на рассказ о нищем Лазаре (Лк. 16: 22–26) из Нового Завета, отражается присущее унитарием понимание о жизни души после смерти. Эта притча служит утешением Бесси, испытавшей много страданий и бед в земной жизни, но Маргарет понимает, что такое буквальное понимание текста Библии наивно. Как образованный человек, в том числе в вопросах христианской веры, она не видит обратной зависимости между богатством в земной жизни и адом в загробной, бедностью на земле и райской жизнью на небесах. Положение, которое каждый займет в загробном мире определяется, по ее мнению, тем, насколько искренне и полно человек следовал заповедям Христа в жизни земной, что исключает идею предопределения и выводит на первый план идею моральной ответственности самого человека за свою душу перед Богом, что находится в русле идей британских унитариев.

Маргарет играет роль утешителя Бесси в ее страданиях, что облегчает последние дни девушки. Однако, роль главной героини в романе не исчерпывается гуманизмом по отношению к отдельному человеку. Гаскелл наделяет Маргарет возможностью примирить представителей противоборствующих социальных классов через своеобразную просветительскую миссию героини: ей удастся донести до враждующих между собой рабочих и владельца фабрики идею взаимозависимости их друг от друга, что способствует началу диалога между ранее непримиримыми сторонами социального конфликта. В разговоре с Торнтоном Маргарет произносит: «Бог сделал так, что мы должны быть взаимозависимы»

(“God has made us so that we must be mutually dependent” [Gaskell 1994: 119]).

Социальная активность героини Гаскелл становится возможной благодаря отступлению писательницы от традиционной для викторианства идеи разделения сфер на мужскую и женскую. Маргарет в корне отличается от викторианского идеала женщины, сформулированного Ковентри Патмором в стихотворении «Ангел в доме» (“Angel in the House”, 1854), что во многом обусловлено большей свободой, лучшим образованием, отношением как равным себе со стороны мужчин, т. е. всем тем, чем могли наслаждаться женщины из среды унитариев, и чего были лишены представительницы других религиозных групп в Великобритании в то время. Маргарет Хейл – это пример новой героини в творчестве Гаскелл, внутренне свободной, искренней, величественной в своей простоте, неслучайно влюбленные в нее Генри Леннокс и Джон Торнтон сравнивают ее с «королевой» и «императрицей», она способна на подвиг. Героиня защищает, буквально закрывая собой Торнтон от полетевшего в него камня со стороны забастовщиков, что он превратно истолковывает как проявление любви женщины к мужчине, делает предложение Маргарет и получает отказ. Здесь нельзя не согласиться с мыслью Э. Джей о сходстве изображения героини, упавшей в руки Торнтон, со скульптурой Микеланджело «Пьета», с одним существенным изменением: на месте Иисуса находится женщина [Jay 2001: 252]. Аллюзию на образ снятого с креста Иисуса поддерживают и произнесенные Маргарет в этот момент слова: «Ради Бога! Не отягощайте своей совести насилием. Вы не ведаете, что творите» (“For God’s sake! Do not damage your cause by this violence. You don’t know what you are doing” [Gaskell 1994: 221]). Последняя фраза из приведенного отрывка отсылает к словам Иисуса Христа, произнесенным на Кресте: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят» (Лк. 23:34).

Поступок героини был вызван не любовью, точнее, не столько любовью, сколько желанием защитить, милосердием, заложенным, по мнению автора, в каждой женщине, о чем свидетельствует смена традиционных гендерных функций мужчины и женщины в творчестве Гаскелл: женщина перестает быть спасаемой и становится спасающей как в прямом (физическом), так и в переносном (духовном) смысле. Маргарет пытается спасти как рабочих, так и Торнтон. Первых – от совершения ими зла и насилия, морального падения, второго – от физической расправы. Следует отметить, что в викторианской литературе и культуре женщина традиционно является носителем и хранителем моральных ценностей,

что связано с таким важным концептом, как «дом», мужчина, выполняющий функцию добытчика (“bread-winner”), вынужден сталкиваться с нарушением морально-этических норм, христианских в своей основе, и его душевное спасение во многом зависит от женщины: матери, жены, сестры. Здесь трактовка роли женщины Гаскелл не отличается от традиционной для того исторического периода. В этом отношении представляют интерес размышления О. В. Телегиной о творчестве Гаскелл в контексте изучения эстетики повседневности в ее романах, а именно о доме как центре пространства повседневности: «Эстетически идеализируется то главное для англичанина пространство бытия, которое соответствует “моральному чувству”» [Телегина 2016: 9].

Упомянутое диссентерство отца Маргарет и его отказ от духовного сана в англиканской церкви, на наш взгляд, иллюстрируют основополагающий этический императив унитариев – всегда и во всем придерживаться истины. Почувствовав сомнения в собственной вере, мистер Хейл не может больше читать проповеди, не кривя душой, и оставляет церковь. Это разрушает привычный образ жизни самого мистера Хейла, лишает его постоянного дохода и места жительства. Эти изменения касаются и жизни его жены и дочери. На вопрос потрясенной решением отца Маргарет о том, ради чего он обрекает себя и их на страдания, Хейл отвечает: «Я страдаю за совесть, дитя мое!». Персонаж пытается найти опору для себя в воспоминаниях реального человека – Джона Олфилда, священника из Карсингтона в Дербишире, вынужденного покинуть церковь в силу невозможности продолжать исполнение религиозных обязанностей в соответствии с требованиями к проведению богослужений в «Акте о Единобразии», принятом после реставрации монархии в 1662 г. Карлом II. Таких священников оказалось около двух тысяч, поскольку документ открыл период «великого гонения» на пресвитерианских священников. Мистер Хейл читает воспоминания священника, жившего около двухсот лет назад, и находит сходство в переживаемом им внутреннем конфликте с собственным: борьбе между желанием продолжить привычную жизнь и голосом совести. Преодолев сомнения и страхи, отец главной героини практически начинает жизнь заново в достаточно почтенном возрасте: отправляется вместе с семьей на север страны, где становится преподавателем, дающим частные уроки. Он не может отправиться преподавать в Оксфорд, хотя и закончил один из его колледжей, а именно Плимут Колледж, так как религиозные сомнения в англиканском официальном вероучении не позволяют ему подтвердить свою приверженность его постулатам. Его поступок не приносит благополучия или радо-

сти семье: вскоре после переезда умирает его жена Мария – мать Маргарет. Но автор не осуждает своего героя, Гаскелл на этом примере показывает, что путь правды тернист, но, тем не менее, он единственно правильный. Таким образом, мы видим, что унитаристские взгляды писательницы определяют не только проблемно-тематический аспект произведений Гаскелл, но и элементы сюжета – диссентерство персонажа служит завязкой действия в романе.

Писательница демонстрирует и то, что ожидает человека, покривившего душой, описывая переживания Маргарет, когда она была вынуждена солгать полицейскому, чтобы, как она думала, дать возможность ее брату Фредерику уплыть из Англии. Он тайно приезжает повидать смертельно больную мать. На родине его могли арестовать и прижать к суду за неповиновение командиру корабля, на котором он когда-то служил. Приговором в таких случаях, как правило, была смерть. Брат Маргарет пострадал за правое дело, пытаясь защитить матросов от произвола и жестокости капитана. Как станет известно позднее, он найдет счастье в изгнании: встретит свою любовь и добьется успеха в чужой католической стране. Возможно, это Бразилия, так как в начале романа последние известия от брата приходят из Рио (скорее всего, это Рио-де-Жанейро). Маргарет же позднее узнает, что ее ложь ради спасения брата была не нужна. Когда она давала ложные показания полицейскому, Фредерик был уже за пределами Англии. Осознав это, она поняла, что ее поступок был вызван недостаточной верой в Бога, в его способность защитить вступившегося за угнетаемых Фредерика. И это вызвало у героини новые душевные страдания. На наш взгляд, Гаскелл на примере Маргарет делает некое обобщение: ложь вызвана недостатком веры. А для человека XIX столетия – это очень серьезное нравственное преступление. Ложь вызвала не только душевные страдания, но навредила Маргарет и в другом. Промышленник Торнтон, в которого героиня незаметно для себя влюбляется, расценивает сказанную неправду как попытку скрыть факт тайной встречи с возлюбленным. Эта ложь ради спасения брата едва не разлучит влюбленных, не говоря уже о том, что бросит тень на репутацию Маргарет.

Невозможность открыть правду едва не стоила счастья и героине первого романа Гаскелл «Мэри Бартон», а ее возлюбленному – свободы. Тайна, которую знала Мэри и не могла раскрыть на суде, заключалась в том, что убийцей сына фабриканта (Гарри Карсона) был ее собственный отец Джон Бартон. Он сделал это, желая отомстить за всех детей рабочих, умерших от голода и болезней. Но это убийство из мести не принес-

ло ему облегчения и привело к страданиям ни в чем не повинного Джема Уилсона (его обвинят в убийстве из ревности и оправдают лишь благодаря решительным действиям Мэри, сумевшей разыскать ушедшего в морской рейс свидетеля невинности Джема) и его дочери, которая, не выдержав напряжения, серьезно заболела. Одна из задач романа, на наш взгляд, была показать не только бессмысленность мести, но и ее разрушительное действие, направленное с одинаковой силой на «правых» и «виноватых», развенчать ветхозаветный принцип «око за око». Это согласуется с учением унитариев, которые полагали, что боговдохновенным является лишь Новый Завет [Ревуненкова 1988: 131], проповедующий идеи прощения, милосердия и примирения.

Соккрытие правды другим персонажем Гаскелл Филипом Хепберном – одним из главных героев романа «Поклонники Сильвии» (“*Sylvia’s Lovers*”, 1863) – становится не только завязкой романа, но и поворотным пунктом на его жизненном пути, в конце которого он глубоко раскается в содеянном и поймет насколько греховным был его поступок, принесший страдания любимой женщине, его сопернику и, в конечном итоге, ему самому. Скрыв от Сильвии факт насильственной вербовки на службу в военно-морском флоте своего счастливого соперника китобоя Чарли Кинрэйда, Филип пытается найти оправдание своему поступку в истории жизни своей квартирной хозяйки Элис Хестер. Она предпочла китобоя торговцу-квакеру, о чем сожалела всю оставшуюся жизнь, так как страдала от жестокости мужа. Узнав об обмане, спустя семь лет в момент возвращения Чарли домой, Сильвия разрывает отношения с Филипом, ставшим ее мужем, что вынуждает его отправиться как можно дальше от Монксхейвена, а именно на войну. В одном из сражений автор сводит двух поклонников Сильвии вместе, и Филипу представляется шанс спасти Чарли, что становится моментом искупления вины перед ним. Вину перед Сильвией герою удастся искупить спустя годы полуголодного существования в образе не признанного ею калеки, наблюдающего издали за ней и их дочерью, которую он спасет от смерти. Умирая на руках любимой, Филип раскается в том, что сотворил из Сильвии кумира, поставил любовь к ней выше любви к Богу, именно этот грех повлек за собой все их страдания.

В романе автор уделяет большое внимание описанию жизни Филипа после войны, его скитаниям по стране, положению калеки, живущему за счет милости других людей, получающему скудную пенсию, не позволяющую пожить досыта. Гаскелл реалистично, используя детальное описание внешности прибывающих в Англию искалеченных войной моряков (время действия в романе

– Наполеоновские войны), изображает не парадную сторону, а изнанку войны – боль и смерть. Антивоенный пафос также можно отнести к проявлению унитаризма Гаскелл. Известно, что многие английские унитарии были пацифистами.

Приведенные в статье эпизоды из романов Гаскелл, возможно, не дают исчерпывающего представления о круге тем и проблем, затрагиваемых писательницей, однако, на наш взгляд, позволяют проследить влияние религиозных убеждений унитариев на ее творческий метод, а именно выбор определенных типов героев: это священник, испытывающий религиозные сомнения, как мистер Хейл в романе «Север и юг», или священник-диссидент мистер Бенсон в романе «Руфь», сомневающийся в правильности собственного милосердного поступка, идущего, однако, в разрез с унитаристским нравственным императивом, требующим избегать лжи в любой жизненной ситуации, что ведет к художественному изображению глубокого внутреннего конфликта, сопровождающегося психологизацией повествования; «падшая» женщина, получающая право на сочувствие (Эстер в романе «Мэри Бартон») или прощение и социальную реабилитацию благодаря искуплению греха прелюбодеяния через любовь к своему незаконнорожденному ребенку, дополненную, как в случае с Руфь из одноименного романа, упорной внутренней работой над собой, способствующей ее интеллектуальному и нравственному совершенствованию; новый тип героини из среднего класса, образованной и социально активной, стремящейся помочь разрешению острого классового конфликта между владельцами предприятий и рабочими на основе морально-этических принципов христианства, умеющей признавать собственные ошибки и способной к саморазвитию (Маргарет Хейл из романа «Север и юг»). Смена традиционных гендерных ролей (героиня «спасает» героя физически и нравственно), а также актуализация заложенных в викторианстве представлений о женщине как хранительнице морально-нравственных ценностей в образе женщины-спасительницы свидетельствуют о стремлении повысить статус женщины в обществе, присущее унитариям в Англии в XIX в.

Необходимо также отметить, что унитаристская этика во многом определяет проблемно-тематический аспект большинства анализируемых в статье произведений Э. Гаскелл, включающий вопросы женского образования; право женщины на активное участие в жизни общества; социальную справедливость; ложь, калечащую жизни и судьбы людей; лицемерие; следование букве, а не милосердному духу Священного Писания; крайний индивидуализм, отрицаю-

щий взаимозависимость людей по замыслу Бога; наказание за совершенный грех и прощение; возможность искупление греха; пацифизм, религиозную толерантность, гуманизм. Главными идеями творчества Э. Гаскелл, уходящими корнями в английский унитаризм, можно назвать стремление человека к духовному самосовершенствованию, веру в здоровое нравственное начало человека и прогресс человеческого общества.

Список литературы

Возмилкина В. О. Романы Э. Гаскелл в истории английского социального романа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 23 с.

Ивашева В. В. «Век нынешний и век минувший...» Английский роман XIX века в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1990. 479 с.

История Европы. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.) / под ред. Л. Т. Мильской, В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1993. 656 с.

Маркс К. Английская буржуазия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Полит. лит., 1958. Т. 10. С. 645–650.

Православная энциклопедия. Т. 2. ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2001. URL: <https://www.pravenc.ru/text/115822.html> (дата обращения: 15.03. 2022).

Проскурнин Б. М. Идеи времени и зрелые романы Дж. Элиот. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 144 с.

Ревуненкова В. Н. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М.: Мысль, 1988. 205 с.

Ремизов Б. Б. Элизабет Гаскелл: Очерк жизни и творчества. Киев: Вища шк., 1974. 171 с.

Телегина О. В. Эстетизация повседневности в романах Элизабет Гаскелл: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. 25 с.

Тулушева М. П. В надежде правды и добра: Портреты писательниц. М.: Худож. лит., 1989. 271 с.

Фирстова М. Ю. Идея духовного самосовершенствования в художественной структуре романа Элизабет Гаскелл «Руфь» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 4(10). С. 111–119.

A *Worship* Resource to Celebrate the 200th Anniversary of the Birth of Elizabeth Gaskell. 2010. 15 p. URL: http://www.unitarian.org.uk/pdfs/Gaskell_Worship_Pack.pdf (дата обращения: 15.03. 2022).

Gaskell E. North and South. London: Penguin Books, 1994. 521 p

Chapple J. Unitarian Dissent // Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell / Ed. by Jill L. Matus. New York: Cambridge University Press, 2007. P. 164–177.

Duthie E. L. The Themes of Elizabeth Gaskell. London and Basingstoke: The Macmillan Press Ltd., 1980. 217 p.

Esson A. Elizabeth Gaskell. London: Routledge and Kenan Paul, 1979. 278 p.

Gerin W. Elizabeth Gaskell: a Biography. Oxford: Oxford University Press, 1976. 318 p.

Jay E. Women Writers and Religion // Women and Literature in Britain, 1800–1900 / Ed. by Joanne Shattock. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 251–275.

Stiles R. P. An Examination of Selected Binary Oppositions in the Work of Elizabeth Gaskell which Serve to Demonstrate the Author's Response to Unitarianism and Other Prevalent Influences within Mid-Victorian Society. PhD thesis. University of Glasgow, 1995. URL: <http://theses.gla.ac.uk/1699/> (дата обращения: 23.03.2022).

Uffelmann L. Elizabeth Gaskell: Victorian Moralizer // Вестник Волгоградского государственного университета Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2007. Вып. 6. С. 170–176.

Uglow J. Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories. Faber and Faber. London; Boston, 1993. 690 p.

Unitarian Perspectives on Contemporary Religious Thought / Ed. by George D. Chyssidis. London: The Lindsey Press, 1999. 144 p.

References

Vozmilkina V. O. *Romany E. Gaskell v istorii angliyskogo sotsial'nogo romana*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [The novels of Elizabeth Gaskell in the history of the social novel. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2015. 23 p. (In Russ.)

Ivasheva V. V. *'Vek nyneshniy i vek minuvshiy...'* *Angliyskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [‘The Present Age, the Past Age...’ The English Novel of the 19th Century in Its Modern Interpretation]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 479 p. (In Russ.)

Istoriya Evropy [The History of Europe]. Ed. by L. T. Mil'skaya, V. I. Rutenburg. Moscow, Nauka Publ., 1993, vol. 3. *Ot srednevekov'ya k novomu vremeni (konets XV - pervaya polovina XVII v.)* [From the Middle Ages to the Modern Age (the End of the 15th century – the First Half of the 17th century)]. 656 p. (In Russ.)

Marx K. *Angliyskaya burzhuaziya* [The English Bourgeoisie]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Compositions]. 2nd ed. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1958, vol. 10, pp. 645–650. (In Russ.)

Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Church Research Centre Pravoslavnaya entsiklopediya, 2001, vol. 2. Available at: <https://www.pravoslavnaya-entsiklopediya.ru/>

venc.ru/text/115822.html (accessed 15 Mar 2022). (In Russ.)

Proskurnin B. M. *Idei vremeni i zrelye romany Dzh. Eliot* [The Ideas of the Time and Mature Novels of G. Eliot]. Perm, Perm State University Press, 2005. 144 p. (In Russ.)

Revunenkov V. N. *Renessansnoe svobodomyслиe i ideologiya Reformatsii* [Renaissance Free-Thinking and the Ideology of the Reformation]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 205 p. (In Russ.)

Remizov B. B. *Elizabet Gaskell: Ocherk zhizni i tvorchestva* [Elizabeth Gaskell: Essay on Life and Works]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1974. 171 p. (In Russ.)

Telegina O. V. *Estetizatsiya povsednevnykh v romanakh Elizabet Gaskell*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Aesthetic depiction of everyday life in the novels of Elizabeth Gaskell. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2016. 25 p. (In Russ.)

Tugusheva M. P. *V nadezhde pravdy i dobra: Portrety pisatel'nits* [In Hope for the Truth and the Good: Portraits of Women Writers]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 271 p. (In Russ.)

Firstova M. Yu. *Ideya dukhovnogo samosovershenstvovaniya v khudozhestvennoy strukture romana Elizabet Gaskell 'Ruf'* [The role of the idea of self-improvement in 'Ruth' by Elizabeth Gaskell] *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2010, issue 4 (10), pp. 111-119. (In Russ.)

A worship resource to celebrate the 200th anniversary of the birth of Elizabeth Gaskell, 2010. 15 p. Available at: https://www.unitarian.org.uk/wp-content/uploads/2021/01/2010_Gaskell_WorshipPack.pdf (accessed 15 Mar 2022). (In Eng.)

Gaskell E. *North and South*. London, Penguin Books, 1994. 521 p. (In Eng.)

Chapple J. Unitarian Dissent. *Cambridge Companion to Elizabeth Gaskell*. Ed. by Jill L. Matus. New York, Cambridge University Press, 2007, pp. 164-177. (In Eng.)

Duthie E. L. *The Themes of Elizabeth Gaskell*. London and Basingstoke, Macmillan Press Ltd., 1980. 217 p. (In Eng.)

Easson A. *Elizabeth Gaskell*. London, Routledge and Kenan Paul, 1979. 278 p. (In Eng.)

Gerin W. *Elizabeth Gaskell: A Biography*. Oxford, Oxford University Press, 1976. 318 p. (In Eng.)

Jay E. Women writers and religion. *Women and Literature in Britain, 1800 – 1900*. Ed. by Joanne Shattock. Cambridge, Cambridge University Press, 2001, pp. 251–275. (In Eng.)

Stiles R.P. *An examination of selected binary oppositions in the work of Elizabeth Gaskell which serve to demonstrate the author's response to Unitarianism and other prevalent influences within mid-Victorian society*. PhD thesis, University of Glasgow, 1995. 245 p. Available at: <http://theses.gla.ac.uk/1699/> (accessed 23 Mar 2022). (In Eng.)

Uffelmann L. Elizabeth Gaskell: Victorian Moralism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2007, issue 6, pp. 170–176. (In Eng.)

Uglow J. *Elizabeth Gaskell: A Habit of Stories*. Faber and Faber. London and Boston, 1993. 690 p. (In Eng.)

Unitarian Perspectives on Contemporary Religious Thought. Ed. by George D. Chyssidis. London, Lindsey Press, 1999. 144 p. (In Eng.)

Artistic Embodiment of Unitarian Religious Principles in the Literary Works of Elizabeth Gaskell

Maria Yu. Firstova

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture

Associate Professor in the Department of English Language and Intercultural Communication

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. legkikh76@mail.ru

SPIN-code:1553-5029

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0987-7816>

ResearcherID: FSI-1734-2022

Submitted 11 Apr 2022

Revised 06 June 2022

Accepted 15 June 2022

For citation

Firstova M. Yu. Khudozhestvennoe voploshchenie printsipov khristianskogo religioznogo ucheniya unitariiev v tvorchestve Elizabet Gaskell [Artistic Embodiment of Unitarian Religious Principles in the Literary Works of Elizabeth Gaskell]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2022, vol. 14, issue 2, pp. 131–141. doi 10.17072/2073-6681-2022-2-131-141 (In Russ.)

Abstract. The paper deals with the origins and major principles of the Unitarian religion that began to spread in Great Britain in the 18th century. The author aims to reveal the impact of the ethics of this Non-conformist (Dissent) Christian religious thought on the literary works of Elizabeth Gaskell (1810 - 1865), whose family background was largely Unitarian. The study shows the way that ethical principles of the Unitarian doctrine influence the problem-theme facet of her novels, which is evident in the artistic interpretation of the idea of strengthening the role of women in the Victorian society, in the author's new approach to the solution to 'the fallen woman' problem, based on the possibility to atone for the sin through the service to the good of people and maternal love. The article focuses on the artistic depiction of the evil nature of a lie, the ideas of pacifism, religious tolerance, social justice, and resolution of social problems on the basis of the Christian idea of mutual dependence of humans, as presented in the novels written by Gaskell. The characters of her works, being new for Victorian literature, are also developed on the moral principles of Unitarianism. They are a socially active young woman from the middle class whose efforts are aimed at the resolution of the social conflict and a church minister (a dissenter) suffering from religious or moral doubts. The latter circumstance determines the shift from the depiction of the external social conflict to the internal one, which results in the in-depth psychological insight into the character in Gaskell's narration. Particular attention is also given to the artistic interpretation of the key Unitarian idea of moral development and perfection of humans and continuous social progress in the novels *Ruth* (1853), *North and South* (1855), *Sylvia's Lovers* (1863).

Key words: critical realism; Victorian period; Unitarianism; New Testament; Antitrinitarians; Non-conformism; Dissenters; gender roles change.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 28.12.2018 – 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.03 – Славянские языки (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки); с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки).

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова*, администратор сайта – *Алексей Васильевич Пустовалов*, контент-редактор англоязычной версии сайта – *Варвара Андреевна Бячкова*. Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 14. Выпуск 2 / 2022

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*
Корректор *Е. Г. Иванова*
Компьютерная верстка: *Е. И. Герман*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 30.06.2022. Дата выхода в свет 5.07.2022
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,62. Тираж 39 экз. Заказ 114

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписка на журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
осуществляется онлайн на сайте «Пресса России. Объединенный каталог»
<https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/i41008/>. Подписной индекс 41008

Распространяется бесплатно и по подписке